

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В.А. ЧИРИКБА

АСПЕКТЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
А.К. ШАГИРОВ

МОСКВА
"НАУКА"
1991

ББК 81
Ч65

Рецензенты:

доктор филологических наук М.Е. Алексеев,
кандидат филологических наук Я.Г. Тестелец

Чирикба В.А.

Ч65 Аспекты фонологической типологии. М.: Наука, 1991. 143 с.

ISBN 5-02-011053-1

В работе исследуются проблемы соотношения центра и периферии фонемной системы языка, анализируются фонологические особенности специализированного детского лексикона на материале языков различных семейств; рассматриваются синтагматические и парадигматические особенности комплексных согласных; предлагается аргументация в пользу того, что указанные комплексные согласные представляют собой особого рода сочетания фонем – глубинные кластеры; показано, что в процессе эволюции фонемная система языка претерпевает циклично повторяемые изменения качественного и количественного порядка.

Для специалистов по общему и кавказскому языкознанию, преподавателей и студентов вузов гуманитарного профиля.

4 4602000000-002
042(02)-91 675-91 I полугодие

ББК 81

Chirikba V.A. Aspects of phonological typology

The book investigates some questions concerning the correlation between the centre and periphery of phonemic system. Chapter I deals with the problem of the "specialized baby lexicon" (SBL). An analysis of specific features of SBL is given. The general tendency during generating of SBL by adults speaking to small children is to substitute the more peripheral and less marked phonemes by more central and less marked ones. Chapter 2 investigates specific features of complex consonants: aspirated, glottalized, nasalized, palatalized, and labialized ones, as well as the data, concerning the corresponding features of laryngeals h, ʔ and sonorants m, n, j, w. The deep cluster nature of complex consonants is proposed. In chapter 3 the question of pulsations of phonemic system in diachrony both of qualitative and quantitative character is investigated. The repeated phonemic changes usually involve periphery of phonemic system, its centre being more stable.

The book is intended for specialists in general and Caucasian philology, teacher and students.

ISBN 5-02-011053-1

© Издательство "Наука", 1991

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей работа "Аспекты фонологической типологии" затрагивает отдельные вопросы, так или иначе связанные с исследованием проблемы соотношения центра и периферии фонемной системы языка. .

Центр фонемной системы составляют базисные звукотипы, в норме присутствующие в фонемных инвентарях всех языков мира и составляющие как бы инвариант фонематической системы человеческого языка. Из согласных сюда относятся, как правило, губные, переднеязычные и веларные. Периферию же консонантной системы составляют более сложные по способу и месту образования звукотипы – комплексные согласные (аффрикаты, ларингализованные, назализованные, палатализованные, лабиализованные), поствеларные, шумные латеральные и др. Периферия консонантной системы является стратифицированной – в ней выделяются фонемы, более близкие к центру системы, и звукотипы, максимально удаленные от него, располагающиеся на границе фонемной системы и нередко выходящие за ее рамки (часто это ларингалы, почти всегда кликсы и т.д.).

В первой главе анализируются фонологические особенности специализированного детского лексикона (далее – СДЛ) на материале языков различных семей. Помимо обобщения ранее описанных языковых данных, в научный оборот впервые вводится большой материал, собранный автором у представителей большинства языков Кавказа (как собственно кавказских, так и языков других семей) и некоторых других регионов. В результате рассмотрения специфических черт, характеризующих звуковые особенности специализированного детского лексикона, а также особенности модификации стандартной фонемной системы при деривации СДЛ, делается вывод, что взрослые, порождая СДЛ, интуитивно выделяют центр фонемной системы своего языка, используя для построения слов СДЛ при общении с маленькими детьми (от 1 до 3 лет), как правило, основные, базисные фонемы.

Во второй главе рассматривается периферия фонемной системы – комплексные согласные: придыхательные, глоттализованные, назализованные, палатализованные и лабиализованные консонанты. Характеризуются особенности синтагматики и парадигматики не только самих комплексных согласных, но и фонемных коррелятов модификаторов подобных фонем – ларингалов *h*, *ʔ*, сонорных *n/m*, *j*, *w*, что представляется существенным для понимания природы комплексных звукотипов. Все эти согласные,

как известно, обладают специфическими чертами, отличающими их от других консонантов. За исключением *n/m*, по своей природе они являются маргинальными, пограничными звукотипами, ларингалы могут функционировать не только на сегментном, но и на суперсегментном уровне фонологической системы, сонорные же (в том числе и *n/m*) могут быть представлены как согласными, так и гласными (слоговыми) звукотипами. Наконец, и те и другие могут выступать в качестве "служебных фонем". Автором предлагается аргументация в пользу того, что указанные комплексные согласные представляют собой особую разновидность сочетания фонем — **г л у б и н н ы е к л а с т е р ы**. Глубинная кластерная природа этих согласных проявляется как в синхронии, так и в диахронии.

Наконец, третья глава посвящена рассмотрению диалектики соотношения центра и периферии фонемной системы в диахронии. В процессе эволюции фонемная система языка претерпевает разнообразные изменения качественного и количественного порядка, причем определенная часть этих изменений характеризуется цикличной повторяемостью. Система как бы пульсирует во времени, то сокращаясь — как правило, за счет элиминации периферийных звукотипов, либо, наоборот, расширяясь — за счет мультипликации периферийных (в том числе комплексных) фонем.

Часть материала СДЛ, используемого в работе, заимствована из соответствующих публикаций цитируемых авторов. Язгулямские данные приводятся по книге /Эдельман 1986/. Почти весь кавказский материал, а также СДЛ узбекского, татарского, осетинского, кумыкского, карачаевского, балкарского, ногойского, армянского, таджикского, корейского, дунганского, бамана, арабского языков собран автором у носителей этих языков. Арабский материал дополнен и уточнен с учетом работ Ч.Фергюсона, адыгский — с учетом работы Бгажнокова /1984/, арчинский — с учетом работы /Арч.яз./, японский, берберский, латышский СДЛ заимствован из соответствующих статей в сборнике /Talking to Children/, нивхский — из работы /Austerlitz 1956/, славянский — из работы Хорбача /1970/, мальтийский — из работы /Cassar-Pullicino 1957/. Цезский и частично бежтинский материал по просьбе автора был собран М.Халиловым, диалектный аварский — Б.Атаевым, курдский — Н.Надировым. Автор выражает искреннюю признательность указанным лицам, а также всем другим знатокам соответствующих языков, способствовавшим сбору данных по СДЛ, в частности, Р.Х.Темировой (черкесский диалект кабардинского), Ю.Джиджоеву (кударский говор осетинского), И.Г.Мачавариани (грузинский язык) и др. Мы приносим также благодарность д.ф.н. Г.А.Климову и к.ф.н.С.В.Кодзасову, ознакомившимся с работой в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний, сотрудникам сектора кавказских языков Института языкознания АН СССР, принявшим участие в обсуждении данной работы.

Глава I

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ДЕТСКОГО ЛЕКСИКОНА

I.0.0. Специализированный детский лексикон

В языке любого народа имеется определенное число так называемых "детских слов", используемых взрослыми для общения с маленькими детьми и характеризующихся специфическими особенностями фонетического облика и употребления. Этот слой лексики, который мы будем называть "специализированным детским лексиконом" (СДЛ), представляет собой закрытый список и насчитывает обычно (в разных языках) от десятка до 60 или даже 100 слов. Небольшой объем "детского" вокабулярия обусловлен тематической ограниченностью тех реалий, с которыми сталкивается ребенок в первые 2 – 2,5 года своей жизни. Среди источников СДЛ следует назвать, во-первых, собственно детские слова, типа мама, папа, тата, нана и т.д., универсально присутствующие в большинстве языков мира. Другая, большая часть этого лексикона представляет собой "детские" формы, полученные путем преобразования по тем или иным правилам нормальных слов языка взрослых. Эта часть специализированного словаря представляет собой относительно нормированную, стандартизованную и передаваемую от поколения к поколению лексику (так что новому поколению не приходится каждый раз создавать его заново). Элементарный звуковой состав, а также наличие особых просодических характеристик – четкого, аффирированного произношения, специальной интонации – делают данные слова фонетически очень устойчивыми, что позволяет им сохраняться в почти неизменном виде в течение весьма продолжительных периодов времени. Этому способствует и простой фонетический облик таких слов (как правило, структуры CVCV). Наконец, третья часть СДЛ возникает спонтанно в каждой семье, воспитывающей ребенка, и употребляется в основном в пределах этого микросоциума. Источников подобной части "детского" лексикона может быть несколько: это и слова, заимствованные взрослыми из детского лепета (в числе их могут быть как собственно лепетные слова, самим ребенком закрепленные за каким-либо объектом, так и преобразованные ребенком слова стандартного лексикона взрослых, например, кан из стакан и т.п.), а также окказиональные, "семейные" слова, ставшие по тем или иным причинам детскими. Эти слова, ограниченные рамками семьи, также могут иногда передаваться последующим поколениям ее членов.

СДЛ конкретного языка, таким образом, состоит из инвариантной части, представляющей собой традиционный лексический фонд, общеупотребимый в данном языковом коллективе, и более вариативной части, являющейся достоянием преимущественно лишь данной семьи. Обе части СДЛ подчиняются, тем не менее, общим закономерностям фонетического оформления и функционирования.

Предметом данной главы является характеристика основных фонетико-фонологических особенностей СДЛ как в собственно лингвистическом, так и в психолингвистическом аспекте. Под последним имеется в виду выявление интуитивно моделируемой взрослым, общающимся с маленькими детьми, языковой картины мира последних, и прежде всего – интуитивно моделируемой фонологической системы языка ребенка, характеризующейся на начальном этапе использованием лишь тех звукотипов, которые составляют центр фонемной системы человеческого языка.

1.0.1. Прежде чем приступить к реализации сформулированной выше задачи, представляется необходимым вкратце охарактеризовать то, что является первичным по отношению к СДЛ, а именно, речь самого ребенка на начальных этапах усвоения языка.

Детская речь является объектом исследования как лингвистов (Р.Якобсон, О.Есперсен и др.), так и психологов (К.Бюлер, Ж.Пиаже, Л.С.Выготский и др.). В последнее время обе указанные дисциплины объединяются под знаменем психолингвистики (/Слобин, Грин 1976; Шахнарович 1974/ и др.).

Изучение процесса усвоения ребенком языка актуально не только с точки зрения закономерностей его развития на начальных этапах социализации. Оно имеет и важный гносеологический аспект, так как здесь исследователю представляется естественная лаборатория, позволяющая верифицировать, или, наоборот, отвергнуть многие гипотезы, связанные с представлениями о происхождении языка, этапами и особенностями его развития в процессе глоттогенеза, а следовательно, и лингвистическими аспектами эволюции древнейших предков человека. Справедливо полагать, что подобно тому, как в процессе эмбрионального развития плод человека в кратчайшие сроки проходит основные этапы эволюции млекопитающих – от одноклеточного состояния к высокоразвитому организму, так и в процессе "оязычения" ребенок как бы повторяет основные этапы глоттогонического процесса: "филогенез повторяется в онтогенезе". Говоря о начальном периоде овладения речью, выдающийся советский психолог Л.С.Выготский писал: "Переходы, возникающие в критические возрасты, и в частности, автономная детская речь, бесконечно интересны тем, что они представляют собой участки детского развития, в которых мы видим обнаженную диалектическую закономерность развития" /Выготский 1984, 339/.

1.0.2. Автономная детская речь (АДР) в концепции Л.С.Выготского. Характеризуя критические периоды в развитии ребенка, Л.С.Выготский писал: "Между первым периодом, его называют безъязычным в развитии ребенка, и вторым, когда у ребенка складываются основные знания родного языка, существует период развития, который В.Элиасберг предложил назвать автономной детской речью... Элиасберг говорит, что ребенок раньше, чем начинает говорить на нашем языке, заставляет нас говорить на своем языке...Переход от безъязычного к языковому периоду развития и совершается посредством автономной детской речи" /Выготский 1984, 325/. Речь, пишет далее Л.С.Выготский, потому называется автономной, что построена она как бы по своим собственным законам, отличным от законов построения настоящей речи. "У этой речи другая звуковая система, другая смысловая сторона, другие формы общения и другие формы связывания. Поэтому она и получила название автономной" /Там же, 329/. Ученый подчеркивает, что АДР является необходимым периодом в развитии всякого нормального ребенка и служит своеобразным мостом, по которому ребенок переходит от безъязычного периода к языковому. "Без автономной детской речи ребенок никогда не перешел бы от безъязыкового к языковому периоду развития. По-настоящему приобретения критических возрастов не уничтожаются, а только трансформируются в более сложные образования". /Там же, 339/. АДР является центральным новообразованием критического периода в развитии ребенка от 1 года до 2,5 лет. Разумеется, автономность ее является относительной, и Выготский подчеркивает, что она не может рассматриваться как строго автономный язык, представляя собой результат взаимодействия ребенка с окружающими его людьми. Нормальный ребенок проходит стадию АДР с конца первого года до 2,5 лет. К этому времени он овладевает всем звуковым багажом и отказывается от АДР¹⁾.

1.0.3. Проблема коммуникации между ребенком и взрослым складывается по крайней мере из двух аспектов: связь "взрослый — ребенок" и связь

¹⁾ Иногда в нашей литературе встречается употребление термина АДР в отношении того, что выше мы определили в качестве СДЛ, т.е. не речь ребенка на начальном этапе овладения языком, а речь взрослых в общении с таким ребенком. Нет нужды доказывать разницу между этими взаимосвязанными, но все же различными явлениями. Об отличии АДР (child speech, Kindersprache) от СДЛ (baby talk) говорит, в частности, А.Келкар /Kelkar 1964, 40/. Подобное терминологическое смешение обязано, по-видимому, неточному переводу английского термина baby talk в статье Ч.Фергюсона "Baby talk in six languages", см. ее перевод в сб. "Новое в лингвистике". М., 1975. Вып.УП.

"ребенок - взрослый". Третий возможный аспект этой специфической области коммуникации - связь "ребенок - ребенок", по-видимому, не будет существенно отличаться от второго из указанных аспектов. Связь "взрослый - ребенок" является, безусловно, двусторонней, так как ребенок не выступает в данном случае лишь пассивно-воспринимающей стороной, коммуникация осуществляется в обоих направлениях. Характеризуя особенности детской речи, отличающие ее от речи взрослых (своеобразное фонетическое строение, а также ее смысловая сторона), Л.С.Выготский пишет: "Отсюда вытекает третья особенность автономной детской речи, которую по достоинству оценил Дарвин; если эта речь в звуковом и смысловом отношениях отличается от нашей, то и общение с помощью такой речи должно резко отличаться от общения с помощью нашей речи". АДР "допускает общение, но в иных формах и иного характера, чем то общение, которое становится возможным для ребенка позже" /Выготский 1984, 327, 328/.

Данные положения являются отправными в изучении связи "взрослый - ребенок": взрослый частью интуитивно, частью сознательно конструирует такую модель специализированного языка, которая простотой фонетических и лексических средств максимально отвечает небольшим перцептивно-когнитивным и артикуляционным возможностям детей на первом этапе овладения ими языком.

1.0.4. СДЛ представляет собой характерный элемент традиционной культуры. Лингвисты относят его к разряду аномальных или дивантных типов (форм) речи /Sapir 1915; Crawford 1970, 9/, к специальным типам дискурса, наряду с секретными языками, магическими заклинаниями, артистическим языком /Samarin 1978, 321; Фергюсон 1975, 422/. Действительно, СДЛ является эмфатическим, экспрессивно окрашенным стилем речи. Здесь наряду с обычными словами или фразами часты императивы или эмфатические утверждения, произносимые с повышенной, весьма характерной интонацией и сопровождаемые соответствующей жестикulyацией и мимикой, что производит впечатление аффекта. Междометия, кликсы и обилие диминутивных аффиксов также способствуют созданию повышенной выразительности подобного текста.

Небольшой по объему "детский" вокабулярный взрослых обслуживает несложную сферу жизнедеятельности маленького ребенка, ограниченную принятием пищи, физиологическими отправлениями и гигиеническими процедурами, игрой и т.д. По мере роста ребенка удельный вес "детских" слов, употребляемых взрослыми, уменьшается, заменяясь нормальными словами. Взрослый уже меньше подражает ребенку и меньше следит за соответствием своей речи нормам "детского" языка. После прохождения стадии АДР ребенок начинает активно усваивать стандартные структуры языка взрослых. Если не считать ряда специфических лексем СДЛ, сохраняющихся в употреблении детьми вплоть до достижения ими подросткового

возраста и спонтанно использующихся также в общении между взрослыми (ср. слова для *casare*, *pissare*, обозначения гениталий и т.д.), использование СДЛ в более взрослом возрасте уже не поощряется. Например, у нивхов употребление СДЛ по отношению к ребенку старше 3-4 лет представляется исключительным и воспринимается как инфантильное.

Важно подчеркнуть, что слова СДЛ, предлагаемые взрослыми детям, последними нередко фонетически (а иногда и семантически) преобразовываются, так что СДЛ в употреблении взрослых не вполне совпадает с таковым в речи детей.

I.O.5. Хотя СДЛ в той или иной форме присутствует, по-видимому, в языке большинства этносов, у различных народов он представлен в неодинаковой степени. Под последним понимается не только количественный аспект, но и наличие либо отсутствие специальных детских слов, супплетивных по отношению к соответствующим взрослым, специфических (фонетических или/и морфологических) средств деривации СДЛ, характерных фонем и/или морфем, маркирующих "детский" стиль речи и т.д. Вообще, бросается в глаза неодинаковое развитие у разных этносов специфической "культуры" детской речи. Так, если в языках одних народов на фоне большого количественного объема СДЛ (ото и более лексем) имеются специальные фонемы, употребляемые только в "детских" словах, специальные "детские" аффиксы (типа адыгского *-ba*), регулярные правила деривации СДЛ из взрослых слов и т.п., другие языки характеризуются наличием лишь небольшого числа специфических детских слов, устранением сложных комплексов фонем, либо заменой сложных звуков более легкими и, наконец, маркировкой слов, относимых к "детской" речи, обычными диминутивными аффиксами и соответствующей интонацией. Неодинаково в различных культурах и отношение к использованию СДЛ. Так, если у нивхов, по сообщению Р.Аустерлица, употребление СДЛ не ограничено рамками семьи, какого-либо пола или группы /Austerlitz 1956, 261/, то, скажем, в кокопа СДЛ употребляется преимущественно женщинами /Crawford 1970, 11/. Неоднозначно и отношение к СДЛ лингвистов. Так, если Ч.Фергюсон полагает, что лексика СДЛ "любого языкового коллектива может играть особую роль в лингвистическом развитии детей: он облегчает каждому ребенку усвоение набора монорем, от которых он может идти дальше к началам настоящей грамматики" /Фергюсон 1975, 431/, то О.Есперсен считает употребление взрослыми "детской" лексики неразумным, так как оно затрудняет детям правильное усвоение взрослых слов /Jespersen 1928, 179/. Хотя последнее мнение как будто подтверждается в какой-то степени (в отношении сроков усвоения детьми правильных "взрослых" форм) исследованием Эвелин Пайк над языковым развитием ее дочери Джудит ("Мы сознательно избегали

употребления слов, специально модифицированных в отношении состава их согласных и гласных, так что период, в течение которого она употребляла "детскую речь", как показалось нам и некоторым другим, значительно короче, чем мы наблюдали у других детей, родители которых использовали специальные формы слов при разговоре с детьми" /Pike 1971, 102/, вряд ли использование взрослыми СДЛ может иметь сколь-нибудь отрицательный эффект на усвоение детьми языка. С другой стороны, исследование Э.Пайк доказывает, что ребенок одинаково успешно овладевает языком и без использования взрослыми при общении с ним СДЛ.

1.0.6. Центральная часть СДЛ (названия родственников, пищи, частей тела и т.п.) характеризуется в самых различных языках мира существенной, порой разительной, близостью фонетического облика и семантики, сходством в их функционировании. Это объясняется универсальными чертами, характеризующими деривацию СДЛ (использование основных, базовых фонем, легких для артикуляции – p, b, m, n, l, t, k, g, преимущественное употребление слов структуры CVCV), общими законами звуковой символики (большая часть слов СДЛ производна от звукоподражательных междометий), стремлением приблизить фонетический облик "детских" слов к звуковым особенностям речи маленьких детей или даже к лепету и т.д., но никак не некоей диффузией слов СДЛ по обширным языковым ареалам, вопреки Ч.Фергюсону /1975, 425, 433/. Ареальная диффузия "детских" слов возможна лишь в условиях контактирующих языков, составляющих единую языковую область.

1.1.0. Каноническая фонологическая структура

Наиболее распространенной моделью слов СДЛ является сочетание двух открытых слогов структуры CVCV, что подтверждает материал различных языков. Наиболее известные слова подобной структуры – наименования близких родственников – отца, матери, деда, бабушки, старших сиблингов (типа мама, папа, баба, дада, тата, нана, кака и т.п.). Как правило, это редупликация одного и того же открытого слога CV (ма-ма, ба-ба, па-па). Такое построение слова является весьма экономным и удобным с артикуляционной точки зрения – произнести однообразные сочетания слогов нарастающей звучности гораздо легче, чем сочетание разнородных по звучанию слогов, что существенно для маленького ребенка. Именно поэтому один из основных механизмов деривации слов СДЛ из "взрослых" форм состоит в следующих преобразованиях:

1) приведение слова к структуре CVCV (если оно таковым в языке взрослых не является);

2) преобразование разнородных по составу фонем слогов в однородные (с предпочтением более легких звуков), т.е. $CVC_1V_1 \rightarrow CVCV$, либо $C_1V_1C_1V_1$ (в зависимости от того, какой слог легче произносим).

Примеры к(1): чеч. $b\bar{a}ri < berig$ 'хлеб', $kot\bar{a} < kort\bar{a}$ 'голова'; лезг. $t^?a^hza$ 'поцелую (тебя)' $< t^?a^hizza$ 'то же; букв. 'поцелуй сделаю'; арч. $gat^?a < gat^?$ 'платок'; $\check{c}^?e pe < \check{c}^?e p$ 'лялька', $xit^?i < xit^?m\bar{e}zan$ 'каша'; абх. $\check{x}era < \check{x}elra$ 'шапка'; каб. $\check{c}^?as^?a < \check{h}ar^?as^?a$ 'насекомые', $x^?alu < \check{h}alu^w$ 'хлеб', адыг. $tofa < kartof$ 'картофель'; груз. $biso < museli$ 'живот'; абаз. $mag^wa < mg^wa$ 'живот'; араб. (палест.) $nina$ 'бутылка молока с соской' $< qannina$ 'бутылка' и т.д.

Примеры к(2): адыг. $b\bar{e}b\bar{e}$ из $b\bar{e}z\bar{e}$ 'грудь (матери)'; абаз. (ашхар.) $k^wak^wa < ejk^wa$ 'брюки, штаны', $p^?ar^?a$ из $\check{y}^?ar^?e$ 'нога' (через форму $\check{y}^?ar^?ar^?a$); берб. $zizi$ 'коза' $< hzi$ 'иди сюда!', $\gamma u\gamma u < a\gamma u$ 'молоко', $ama < aman$ 'вода', $mimi < imi$ 'рот', араб. (палест.) $nunu < nunijsa$ 'горшок, ночная ваза', япон. $me < dame$ 'плохой' и т.д.

Стремление к унификации состава согласных и гласных, к звуковой и слоговой гармонии в пределах слова проявляется и в детских словах со структурой иной, нежели CVCV: ср. карат. $\check{h}aw \check{h}aw$ 'осторожно, горячо!; обожжешься!' $< \check{h}abdob$ 'горячий', абх. $k^wak^w < ajk^wa$ 'штаны; брюки', каб. $\check{h}as^?as^?a < \check{h}ar^?as^?a$ 'насекомые', сван. $\check{c}^?ic^?-il < \check{c}^?is\check{x}$ 'нога', карач. $\check{c}o\check{c}aj < \check{c}oraj$ 'penis pueri', лтш. $nin-nis < zirnis$ 'горох', $nannis < nazis$ 'нож', берб. $ttatta < ataz$ 'чай' и т.д. В данном случае каноническая структура задает свои характеристики и остальному СДЛ, не подвергнутому при деривации приведению к модели CVCV.

Канонизация структуры CVCV (= CV-CV) не только отражает интуитивное понимание взрослыми того, что повторение слога CV наиболее легко воспроизводимо ребенком, но, видимо, коренится и в подражании ими детскому лепету, а также конкретным преобразованиям слов, осуществляемых ребенком при их усвоении из языка взрослых, ср. /Трубачев 1959, 194-195/.

I.I.I. С точки зрения психологии восприятия, можно предположить, что редуцированные слоги структуры CV-CV, либо CVC-CVC и т.п. не случайно воспринимаются в качестве детских, так как они ритмичны, что способствует созданию положительных эмоций при их перцепции. Напротив, слова структуры CVC, CV, CC и т.п. могут иметь более негативную коннотацию, так как напоминают отрывистые междометия, передающие состояние тревоги, предупреждения об опасности, чувство боли или угрозу (т.е. состояния аффекта). Это можно наглядно проиллюстрировать на конкретном материале из СДЛ разных языков.

Таблица I

Положительные эмоции		Отрицательные эмоции	
Мама	авар. baba, карат. baba, груз. deda, сван. nana, англ. mama, араб. māma, арч. baba	Приказы (негат.)	абаз. ру 'выплонь!', каб. qəx, адыг. ʔə!, ʔ!, qə!, t(f)u(ʔʷa), осет. gəx, карач. gəx, араб. kx, агул. bəf 'то же'
Папа	абх. baba, мегр. baba, сван. mama, авар. , карат. dada, чеч. dāda, араб. bāba, маратхи baba, англ. daddy, исп. tata	Предупреждения об опасности, угроза	ног. kəx, черк. bək, арч. duk-, чеч. bop 'упадешь!', каб., адыг. cəs, авар. is, лезг. kx, арм. vaj, араб. ʔuḥ 'огонь, обожжешься!'; каб. bəqʔ, арч. ah-(bos), абх. kʔo, адыг. ʔəh!kaw! 'побью!'; кор. kō(handa) 'укол (сделаю)'.
Пища	груз. baba 'хлеб', мегр. sʔicʔi 'мясо', каб., адыг. pʔarʔu 'хлеб', абаз. ʒʔa ʒʔa 'мясо', авар. , карат. mama 'пища', карат. ʒiʒi мясо, нивх. mama, nāna 'пища' исп. rara 'пища', берб. mama 'вода', аису 'лепешка' и т.д.	Другие слова с негативной коннотацией	таб. ʒq 'холодно', ʒʔ 'грязь, экскременты', агул. bəʔ 'больно, болячка', ʒaʔ 'грязь, кал', ног. awej 'больно', ɬwəʒ 'холодно', рут. tomp 'упасть', ботл. fussu 'больно, горячо!'; ахв. ize 'боль, больно', 'холодно', каб. bəhʷ 'волк; чудовище', hʷəhʷ 'то же', чеч. boʔ 'волк'
Грудь (матери)	авар. mama, карат. kaka, арч. mama, абх. zəza, адыг. bəbə, мегр. zizi, араб. zēze, осет. ʒəʒə, арм. cici, ног. mamaʒ и т.д.		

Большинство действий, с которыми сталкивается маленький ребенок: посасывание молока из груди или бутылки, ласкание взрослых (поглаживание по голове, телу), убаюкивание или укачивание, массаж животика, наконец, само дыхание – ритмичны и состоят из повторяющихся движений или звуков, что действует на ребенка успокаивающе, в то время как большинство неприятных для ребенка явлений представляет собой единичные, точечные процессы: укус насекомого или животного, шлепок по телу, щипок, ожог, удар, падение, крик угрозы. Все это не случайно находит свое отражение в фонологической структуре слов СДЛ. Поскольку эти слова должны быть в большей своей части приятны ребенку, "комфортны", то отсюда и превалирование структуры CVCV, или же CVC-CVC. Не всегда такое соотношение соблюдается, однако даже при наличии слов с отрицательной коннотацией со структурой CVCV, они неизменно произносятся с негативной или тревожной интонацией.

Наиболее распространенными структурными типами слов СДЛ являются CVCV и CVC. Следует отметить, что эти два излюбленных структурных типа обнаруживают некоторую дополнительную распределенность: тип CVCV в целом более характерен для именных основ, в то время как CVC – для глагольных.

Так, в абазинском языке (список из 92 слов) из 10 слов структуры CVC 9 принадлежат глагольным основам, тогда как из 49 слов структуры CVCV – лишь 4; в языке нутка (список в 26 слов) из 13 слов структуры CVC 11 принадлежит глагольным основам; из последних же вовсе нет слов структуры CVCV; в адыгейском (список в 124 слова) из 40 слов структуры CVC 18 глагольных основ, т.е. почти половина, в то время как глагольных основ структуры CVCV – лишь два. Объясняется это тем, что в основе многих глаголов СДЛ лежат междометия или звукоподражания типа бах, бух, топ, хлоп и т.п. В некоторых языках именные основы СДЛ включают много слов структуры CVC, что, однако, может быть надлежащим образом объяснено. Так, относительно большой удельный вес именных основ структуры CVC в сванском СДЛ – результат фонетического преобразования исходной структуры CVCV, ср. сван. bab-ɪl 'хлеб' при груз. baba, tʰakʰun-āi 'зад' – из груз. tʰrakʰuna, ziz-ɪl 'мясо' < *zizi, ср. мегр. (детск.) sʰicʰi 'мясо', pun-ɪl 'нос', ср. взросл. перхуна, т.е. *p[xw]una > pun-; аналогичный процесс в глагольных основах: сван. nam-nam 'есть', ср. груз. namu-namu, nan-ɪl 'спать', ср. мегр. nana 'спать' и т.д. Подобными же преобразованиями может объясняться наличие большого процента именных основ структуры CVC в адыгских языках, ср. адыг. (бжед.) nən 'бабушка' при параллельном nənə, адыг. (тем.) tāt 'дед' при бжед. tāta, tot 'тетя' – из русск. тетя, p a p 'папа' – из русск. папа, sʰāš 'обращение к маленькой девочке' – из взросл. pāāa 'девочка, девушка', каб. ĭāĭ 'мясо', ср. адыг. ĭāia (редупликация взр. ĭə 'мясо'),

каб. $\text{f}^w \text{ə}^w$, наряду с $\text{f}^w \text{u}^w$ 'бука, волк', ср. также абх. zəz 'грудь' - при абаз. zəzə , абх. $\text{k}^w \text{ə}^w \text{k}^w$ 'брюки, штаны' - при абаз. (ашкар.) $\text{k}^w \text{ak}^w \text{a}$, арм. cic , наряду с cici 'грудь (матери)' и т.д.

I.1.2. Каноническая структура слов СДЛ, как уже отмечалось выше, представляет собой редупликацию слога CV ($\rightarrow \text{CV} + \text{CV}$). Редупликация играет важную роль в деривации СДЛ. Большинство слов подобного рода построены именно на основе удвоения какого-либо исходного слога. В целом слова, образованные посредством редупликации, составляют приблизительно около половины всего СДЛ. На удельный вес слов структуры CVCV влияет соотношение количества именных и глагольных основ, так как в именных основах удельный вес слов такой структуры выше.

I.1.3. В ряде языков отмечается большой процент слов СДЛ структуры CVSCV (ср. арабский, осетинский, берберский, латышский и др.), либо близкой ей $\text{CVC}_1\text{C}_2\text{V}$. Ср. осет. (диг.) $\text{bæ} \text{ppa}$ 'хлеб', gokkæ 'ру(ч)ка', gakkæ 'ножка', gixxa 'кака, грязь', mamma 'бука', ditta 'детские экскременты', šisse 'моча', zizze 'больно, горячо', burpu 'падать', $\text{zæ} \text{ssa}$ 'глаз', zæssa 'мама', gazzi 'игра', $\text{dæ} \text{ppe}$ 'бить', осет. (ирон.) gæssi 'малыш', wæssi 'вставай, подымайся!' и т.д.; араб. židdū 'дед', babbū 'маленький ребенок', ħabbu 'конфета, сладость', $\text{bə} \text{ffa}$ 'не трогай, плохой!', nanna 'пища', diddi угроза ребенку: 'побью!', sitti 'бабка'; берб. siwwi 'кошка', habbu 'собака', fullu 'курица', duddu 'масло', tatta 'чай', diddi 'больное место', daddu 'гуляй!', fuffu 'огонь' и т.д.; лтш. dorra 'живот', lulla 'кукла', mamma 'мама', nirra 'пить', pemma 'еда'; япон. happa 'лист', ponno 'кататься', kukku 'туфли', porro 'птичка' и т.д.

Геминация согласного в интервокальной позиции в данном случае несет эмфатическую функцию, так как она способствует повышению выразительности и ритмичности слова. Структуру CVSCV можно считать фонетическим вариантом канонической структуры CVCV . То же можно, по-видимому, сказать и о фонетически близких образованиях типа CCVSCV (геминация обоих согласных), CCVCV (геминация анлаутного согласного). Близки к канонической модели также структуры CVCVCV ($\text{CV} \times 3$), CVCVC (усечение CVCVCV), а к структуре CVC (которая во многих случаях появляется в результате усечения исходной модели CVCV) близки формы с геминированными согласными типа CCVC , CVCC . В некоторых языках фонетическими вариантами канонической структуры являются формы с геминированными или удлинненными гласными. Так, в абхазском структуры CVVCV , CVCVV с удлинненными гласными первого или второго слогов (ср. $\text{t}^? \text{aat}^? \text{á}$ 'маленький, хороший, красивый', naani 'слово для убавки-вания ребенка', maami 'плохой, нехороший, грязный', $\text{b}^? \text{kaa}$ 'упадешь!; упасть') являются производными от модели CVCV , о чем свидетельствуют родственные слова в абазинском, ср. абаз. $\text{t}^? \text{at}^? \text{a}$ 'красивый (об одежде, ребенке)', mami 'плохой', bək 'упадешь!' (возможно, из $\text{b}^? \text{ka}$, ср. каб.

beʔ^{wa} – то же). Вариативность наблюдается и в абазинском, ср. тап. *mami* // *maʔmi* 'плохой, грязный'; ашхар. *tʔatʔa* и *tʔaatʔa* 'красивый, хороший, вкусный'. Удлинение гласного в указанных случаях обязано, по-видимому, также требованиям эмфазы.

Наконец, изоморфными моделями CVCV и SVC могут считаться структуры VCVC, VCV (а также их производные VCCVC, VCCVCC, VCCV), ср. соотношение таких близких звукокомплексов СДЛ, встречающихся в различных языках, как *tata-atta*, *mana-anna*, *baba-abba* (ср. карач. *an^jn^ja* // *n^jan^ja* 'мать', *at^jt^ja* 'отец', кор. *ʊomma* 'мама'. Ср. также и.-е. **tata* и **atta* 'отец', лат. *anna* и *nanna* 'кормилица', алб. *nanë*, тохар. *nāni* 'отец' при хетт. *annaš*, польск. диал. *kāk* 'дед', болг. *кака* 'старшая сестра' при греч. *Κακκα*, *Ακακω* (имя собственное), лат. *Асса Larentia*, др.-инд. *akkā* 'мать' /Трубачев 1959, 33, 71/. Касаясь указанных типов детских слов, О.Н.Трубачев пишет: "Очевидная аналогичность структуры словообразовательных типов от обоих корней (*nana*, *an(n)a*: *mana*, *am(m)a*) объясняется близостью условий их употребления. Отсюда – тождественное выражение экспрессивности, которая, по-видимому, издавна характеризует эти образования: удвоение согласных, удлинение гласных" /Там же/.

Все это в совокупности подтверждает иконический характер структуры CVCV (и ее производных) для слов СДЛ в языках мира.

1.2.0. Порождение СДЛ. Фонетические средства

Определенную часть СДЛ составляют, как было уже сказано выше, специальные "детские" слова, имеющиеся и во взрослом лексиконе. Это, как правило, термины родства и ряд других лексем. Остальная же, большая часть СДЛ образуется путем деривации из нормальных слов взрослого языка путем их приближения к "нормам" произношения маленького ребенка. Основными средствами деривации при этом являются следующие преобразования: а) усечение слогов для придания им канонической структуры (нередко с редупликацией сохранившегося слова); б) упрощение комплексов согласных или сочетаний гласных; в) субституция звуков; г) метатеза; д) ассимиляция.

Указанные средства могут сочетаться друг с другом; так, усечение часто сопровождается субституцией, редупликацией. Рассмотрим подробнее эти способы деривации.

1.2.1. Усечение слогов. Данный вид деривации очень распространен. Цель его – сокращение длины слова для приближения к канонической структуре CVCV, или к ее производным либо близким структурам (типа CV, SVC и т.д.). Примеры: авар. *hedda* 'дед', по-видимому, из **heraw-dada*, букв. 'старший отец', ср. взр. *heraw-emen* 'дед', букв. 'старший отец', при детск. *dada* 'папа'; лезг. *tʔa^hza* 'поцелую (тебя)' < взр. *tʔa^hizan* 'то же', букв. 'тʔa^h сделаю'; ба 'папа' <

взр. baʔ, buba 'отец'; dʲe 'мама' < взр. dide 'мать'; debaʃ 'тетя' взр. dide baʃ 'тетя по матери' (aʃ 'сестра'); cissʲan 'piasare' < cis ɪzan; арч. xitʲi 'каша' < взр. xitʲməʃan то же; kʲaʲna 'палка' < взр. kʲwʲaʲnani; xoʃo 'рубашка' < взр. xoʃon; абх. маа < взр. аймаа 'туфли, обувь'; kʲwʲakʲwʲ < взр. ајкʲwʲа 'штаны, брюки'; каб. xʲalu 'хлеб' < взр. haluʲwʲ; tʲof 'картофель' < взр. ʃantʲrof; адыг. ʃʲjaʃʲ 'обращение к девочке' < взр. pʲaʃa 'девочка'; груз. na(i) 'вода' < взр. cʲqʲali; buco 'живот' < museli, мегр. kʲiʃʲi 'зубы' < взр. kʲibiri; сван. run-ɪl 'нос' < nɛrxwuna; абаз. ta-kəm 'не хочу' < взр. gʲəstaqəm; абх. kʲwʲakʲwʲ 'брюки, штаны' < взр. ајкʲwʲа; нивх. маја 'щенок' < взр. mangyck; gakaʲ-nt 'здоров' < взр. Gasqazi-nt, gək 'снаружи' < взр. gucla и т.д. Как правило, в тех языках, где имеется динамическое ударение, усечению подвергается скорее всего безударный слог. Встречающиеся здесь исключения могут быть объяснены. Так, абх. детск. kʲwʲakʲwʲ 'брюки, штаны' образовано от ајкʲwʲа то же, причем усечению подвергся первый, ударный слог, что противоречит указанной выше закономерности. Положение проясняет ашхарский диалект: детск. kʲwʲakʲwʲа 'брюки, штаны' при ајкʲwʲа, с ударением на последнем слоге. Таким образом, абхазское детское слово kʲwʲakʲwʲ указывает на старое место акцентуации в слове ајкʲwʲа - на последнем слоге, что сохранил ашхарский диалект (ср. однотипное абх. ај-маа 'туфли, обувь' → детск. маа). В кашая (семья помо) детское слово ti·ti 'ляг!' образовано путем дубликации конечного и наиболее выделенного слога "взрослого" императива mi·ti 'ляг!'. С другой стороны, в южном помо наиболее выделенным является предпоследний слог, в результате чего из родственного кашая глагола mi·tin 'ляг!' образовано детское слово mi·mi /Oswalt 1976, 1/.

1.2.2. Комплексы согласных и их упрощение. Одной из важных фонетических модификаций речи взрослого при разговоре с маленьким ребенком является упрощение комплексов согласных, преобразование би- и поликонсонантных комплексов в моноконсонанты. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что даже языки, известные своими громоздкими консонантными комплексами (напр. грузинский) радикально модифицируют фонетическую структуру слов при деривации СДЛ, приближая их к канонической модели CVCV. Наличие комплексов согласных в СДЛ может объясняться двумя причинами: (а) требованиями эмфазы (экспрессивная геминия), и (б) сохранением комплексов исходных слов, более легких, с точки зрения взрослых, для детского произношения. Помимо указанных, имеются и другие причины сохранения консонантных комплексов в СДЛ (см. ниже).

1.2.3. Эмфатическая (экспрессивная) геминия может быть как окказиональной, т.е. не обусловленной специальными правилами деривации, так и заданной фонологической структурой слова СДЛ в тех

или иных языках. Последнее особенно относится к арабскому, берберскому, осетинскому, латышскому СДЛ, где модели CVCCV (имеется в виду как -CC-, так и -C_IC_I-) особенно часты (а в берберском также и CCV, CVCV, CVCVCV). Впрочем, сегменты /CC/ в данном случае можно рассматривать не как комплексы согласных, а как один долгий (ритмообразующий) согласный, это особенно заметно при прослушивании подобных слов, сопровождающихся характерной интонацией. К такому же типу относится геминация в словах СДЛ в арчинском (-nn-), табасаранском (-mm-), абхазском (-^wxx^w-), абазинском (-p^rp^r-), карачаевском (-pp-, -n^jn^j-, -t^jt^j-, -kk-, -ss-), в ногайском (-tt-; ^{ʃʃ}) языках, долгий ssss в испанском, в марахити (-mm-, -kk-, -bb-, -rr-).

Определенная часть геминированных согласных в СДЛ разных языков обязана своим появлением преобразованию структуры CVCV → CVCVza за счет редукции первого гласного, ср. абаз. mma, m^ama из mama, либо модификации структуры CVCCV, VCCV → CCV - благодаря усечению первого слога, ср. берб. nanpa 'бабушка' → детск. nna, dadda 'дед' → детск. dda, ^{em}mi 'дядя' → mmi, etti 'тетя' → tti и т.д.

1.2.4. Комплексы согласных в СДЛ могут отражать аналогичные или же более значительные комплексы слов взрослого языка. Так объясняется наличие комплексов -nk^ʔ-, -nq^ʔ- в словах СДЛ аварского языка, ср. также чеч. b^ʔ- , карат. -rk^ʔ-, абх. -nd-, c^ʔk^ʔ-, -³k^w-, -wn-/wnn-, каб. -st-, адыг. ^{sh}-, t^h-, ps-, -nč-, -pš-, груз. r³- дунг. ^{bv}-, абаз. px^h-, pš^j-, сван. t^hw-, t^ʔw-, -pl-, -k^ʔw-, -rkw-, -ql-, ног. pš-, берб. (-)st-, hz-, -bs-, ^ʃl-, ^ʃ³d-, bxx-, лтш. -pt и т.д. Нетрудно заметить, что большинство комплексов согласных сохраняется в интервокальной позиции, а количество согласных комплекса нормально не превышает двух (если не считать случаев эмфазы типа pss-, wnn-, ^ʃ³-, bxx- представляющих собой по существу комплекс C_I_I).

Как правило, рассмотренные сочетания (сохраненные в СДЛ) представляют собой гармонические комплексы дещессивного ряда структуры CC_I, где C_I - смычный, или спирант, гомоганный C, но более задний по месту образования, ср. /Ахвледiani 1949, 107, сн./. Как и в случае с геминированными согласными (CC = C̄), гармоничные комплексы CC_I можно рассматривать в данном случае как функционально соответствующие монофонемным звукотипам.

1.2.5. Помимо указанных выше причин, появлению комплексов в лексике СДЛ способствует также прибавление к словам этого типа (более или менее) канонической структуры диминутивных, или схожих с ними аффиксов. Этому обязаны, например, следующие сочетания: берб. -tt, -stt (fus+tt), -štt (t^{bu}+štt), лтш. -^ʃš, сван. -ld. Комплексы образуются и вследствие присоединения к словам СДЛ обычной (не диминутивной) флексии, напр. суффиксы номинатива -s (bumbul-s 'живот'; pencuk-s 'жи-

вот') и инфинитива -t (per-t 'жарить, печь') в латышском, суффикса уничижительности -z(ə) в кабардинском (h^wəh^w-zə-r 'бука') и т.п.

1.2.6. Другим обстоятельством, обуславливающим появление комплексов согласных в словах СДЛ, является звукоименическая либо звукоизобразительная природа таких лексем, ср. однотипные звукокомплексы со значением 'огонь! // горячо // обожжешься!': адг. cəs//^ct^js^js^j, исп. ssss! карач. issə, ног. ššš и т.д.; ср. также адг. trv-, tv, trr (trvaj, tv, trr 'лошадь') и лтш. ptr- (ptrū-inš 'лошадь', ptrūta 'корова')²⁾, каб. pss- (pss 'мочиться'), рус. псь (псь-псь 'мочиться'), араб. kx (kx 'выброси, плохо(й), грязный!'), тадж. kx (kxa 'грязно!'), осет. -хх- (gixxa! 'бяка, грязно, выплюнь!'). Звукоименической природы такие комплексы согласных, как адг. рх (-рх) спать), -nt[?](fənt[?]//lənt[?] 'высморкайся!'), fff (fff 'быстро, мгновенно!'), vvv (vvv//vəvəv 'машина (едет)'), лтш. pļ-, -mp-, -mb- (bumbuls 'животик', pumpiņa то же, pļunku-pļunku 'купаться'), араб. -rr (kurr 'шум; ухо'), арм. tr-, ts- (trel, tsel 'pedere'), абх. mc[?]k[?]- (aži-mc[?]k[?]a 'воду пей!'), авар. -mp- (čamp-i 'ешь!'), карат. čč (čč 'тихо!') и т.д.

1.2.7. Упрощение комплексов согласных при деривации СДЛ означает либо их модификацию (путем метатезы, ассимиляции - с превращением в геминату) в артикуляционно более легкий комплекс, либо - чаще всего - сведение группы согласных к моноконсонанту. На сохранение комплекса либо его упрощение могут влиять фонотактические конвенции языка-субстрата (ср., например, комплексы в сванском, берберском), однако сохранение комплекса фонем при деривации слов СДЛ является, в целом, скорее исключением, о чем свидетельствует имеющийся материал. Так, комплексы неизбежно разрушаются даже в таком языке, известном необычно громоздкими сочетаниями согласных (особенно в анлауте), как грузинский. Тенденция к максимальному упрощению (устранению) комплексов затрагивает не только сложноартикулируемые, но и относительно легкоартикулируемые сочетания согласных. Проиллюстрируем это на следующем материале: чеч. bʃarg 'глаз' → bʃag, kortā 'голова' → kortā, pʃeɪg 'палец' → pʃeg, cerg 'зуб' → ceg; абх. nandu 'бабушка' → nanu, xəɫpa 'шапка' → xəpa; каб. thak[?]əma 'ухо' → ha-k^wəma, šha 'голова' → haɓa, hostej 'платье' → boceɟ; адг. kərtɔf 'картофель' → tofa, pšāša 'девушка' → šʃāš^j(a) 'обращение к маленькой девочке'; абаз. gʃəstaqəm 'я не хочу' → takəm, xšə 'молоко' → xəša, qəɫpa 'шапка' → kəpa; груз. rze 'молоко' → zʃəpɪa, sɣwiri 'нос' → suno, tʃrak[?]i 'podex' → tʃak[?]o, bawšwi 'ре-

2) Сочетание ptr обозначает здесь билабиальный вибрент (см. /Rūke-Draviṇa 1977, 239/).

бенок' → ba(o), baia, k'argi 'хороший' → k'ai; мегр. čxou 'корова' → čou; сван. перχwuna 'нос' → pun-il, č'išx 'нога' → č'ic' -il; арм. gayl 'волк' → gel; ног. bōrk 'шапка' → bōk; нивх. зорqǝ 'голова' → зор, ѱetf 'лицо' → yuǝ, ѱpaǝ 'глаза' → paǝ, mla 'уши' → ета, anx 'рот' → ама; лтш. blēt 'блеять' → bēt, burkāns 'морковь' → būciņš; язг. x'warg 'сестра' → wāg, fāg; лаз. oč'k'omi 'поешь!' → c'omi-c'omi 'ешь!' и т.д.

Эмпирический опыт общения с учащимся говорить ребенком, а также интуиция позволяют взрослым модифицировать слова своего языка в точном соответствии с тем, как это проделывает сам ребенок, так что получаемый при деривации СДЛ результат полностью укладывается в фонологическую структуру слова последнего и благодаря своим артикуляционно-акустическим характеристикам намного легче воспринимается и воспроизводится ребенком, чем исходное "взрослое" слово. Об этом свидетельствуют записи речи детей, в которой также последовательно устраняются все комплексы, ср. фр. porte 'дверь' → pòpòte, нем. das Korb 'корзина' → das Kob, англ. stop 'стой' → dop, фр. poisson [pwasɔ̃] 'рыба' → passon [pason], jardin 'сад' → tatin, boîtes /bwat/ 'коробки' → battes, нем. gleich → deich и т.д. /Kahane, Kahane 1958, 6, 7, 11, 12/.

Комплексы согласных структуры CC_I при деривации СДЛ могут трансформироваться в сочетание CC , ср. карач. žuqla 'спи!' → ukka (et), bōrk 'шапка' → bokka. Целям облегчения артикуляции служит и метатеза согласных комплекса путем его гармонизации $/CC_I \leftarrow C_I C/$, ср. мальт. wahdu → hajdu 'единственный'.

Тактика взрослого при преобразовании комплексов может меняться в зависимости от возраста ребенка — для более старших детей видоизменение комплекса может быть менее радикальным, ср. карач. et 'мясо' → ži-ča (ča — диминутивный суффикс), а для более взрослых — žitča (ср. производное отсюда детское прозвище žatčin). Подобная же ситуация характерна и при субституции звуков в процессе деривации СДЛ.

Заключая разговор о комплексах, следует отметить, что ввод упрощенных взрослыми слов СДЛ далеко не всегда будет адекватен выводу — воспроизведению этих слов самим ребенком, для которого эти слова-полуфабрикаты и предназначены. Наблюдения показывают, что дети в свою очередь упрощают, видоизменяют слова СДЛ (при этом может несколько меняться и их семантика). Это касается и тех комплексов согласных, которые взрослые в СДЛ сохраняют. Так, не вызывает сомнений, что дальнейшему упрощению подвергаются в речи маленьких детей упомянутые выше (см. I.2.4.) комплексы: чеч. bč-, карат. -rkʔ-, абх. -mčʔkʔ, -wn(n)-, сван. tčw-, -rkw-, коман. -ʔsl, -ʔh и т.д. Сомнительна и возможность произношения детьми раннего возраста (на которых нацелен СДЛ) геминированных согласных и долгих гласных (ср. арабский, бер-

берский, осетинский, абхазский, мальтийский и др.). Это, кстати, еще раз подтверждает определенную автономию СДЛ взрослых по отношению к автономной детской речи: ввод в данном случае не вполне равен выводу.

1.2.8. Субституция звуков. Помимо указанных выше процессов важным средством деривации является субституция, заключающаяся в замене одних фонем, воспринимаемых как трудные для ребенка, другими, с точки зрения взрослого участника связи "взрослый – ребенок", более легко произносимыми. Материал показывает, что при всей внешней пестроте звуковых замен, они подчиняются общим закономерностям деривации СДЛ. Ниже будут показаны два немаловажных обстоятельства, связанных с семантикой субституции: 1) интуитивное деление фонем по принципу "основные – неосновные" (= "центральные – периферийные"); 2) звуковой символизм, сопутствующий деривации, в соответствии с которым замена одних звуков другими осуществляется и осознается как "димиинутивизация" фонологического облика слова, т.е. семиотическая отмеченность самого процесса субституции, нередко прямо не связанная со стремлением к облегчению артикуляции (или схожими обстоятельствами).

Некоторые авторы характеризуют субституцию звуков при деривации слов СДЛ в качестве аблаута (см., например, /Crawford 1970, 1/), однако мы воздержимся от такого определения данного явления, понимая аблаут как грамматическое (и системное) чередование фонем, а не просто как субституцию звуков.

Анализируя закономерности, наблюдаемые при субституции согласных и гласных, нетрудно заметить, что среди типичных звуковых замен встречаются, даже в пределах одного языка, субституции, противоположные по направлению (см. подробнее ниже). Этот факт свидетельствует о том, что причиной субституции может быть не только стремление к упрощению артикуляции (хотя это, естественно, основная причина звуковых замен), но и: 1) звукосимволическая значимость тех или иных конкретных замен; 2) маркированность самого процесса субституции, ее символическая значимость, сигнализирующая о переходе на иные нормы, нежели нормы взрослого языка, что, естественно, не всегда сопряжено со стремлением к симплификации.

Рассмотрим наиболее типичные направления модификации согласных и гласных при порождении слов СДЛ.

1.2.9. С о г л а с н ы е. Одной из наиболее общих закономерностей при деривации СДЛ является сдвиг артикуляции вперед. Функция такого процесса символическая, так как благодаря этому моделируются артикуляционные характеристики речи маленьких детей, большинство звукотипов которых локализуется в передней части рта, именно, в лабиальной и денло-альвеолярной области. Второе обстоятельство (связанное с предыдущим) обусловлено более прагматическими целями – стремлением заменить трудноп произносимые согласные, многие из которых артикулируются в пост-

велярной области, на более легкие для произношения. Тенденция к замене данного заднего звука более *передним* может быть реализована и так, что, к примеру, в одном и том же языке *q* при деривации меняется на *x*, а *x* — на *k*.

1.2.9.1. Сдвиг артикуляции вперед:

- (а) ларингальный → увулярный: $\text{h}^w \rightarrow \text{x}^w$ (абх.); $\text{h}^w \rightarrow \text{ɣ}^w$ (абаз. ашхар.);
- (б) ларингальный → велярный: $ʔ \rightarrow k^?$ (абх., абаз., бежт.); $ʔ \rightarrow k$ (нутка);
- (в) ларингальный → средняяязычный: $\text{h} \rightarrow \text{x}''$ (адыг., каб.);
- (г) увулярный → велярный: $g \rightarrow \text{g}$ (нивх., кум.); $q^? \rightarrow k$ (кум., таб.); $q^? \rightarrow k^?$ (абх., абаз., адыг.); $q^{?w} \rightarrow k^?$ (абх.); $q^{?w} \rightarrow k^{?w}$ (абх.); $q \rightarrow k^{\text{h}}$ (адыг.); $q \rightarrow k$ (абаз., балк., чеч., таб., нивх., цез., гин., кашая, центр. помо); $q^w \rightarrow k^w$ (абаз. ашхар.); $q \rightarrow x$ (ног.); $q^w \rightarrow x^w$ (нутка); $ɣ \rightarrow g$ (осет., цез., гин.); $ɣ^w \rightarrow g^w$ (адыг.); $q \rightarrow \text{ɣ}$ (узб.);
- (д) увулярный → передняяязычный: $q^? \rightarrow t^?$ (ботл.); $q \rightarrow \text{ɕ}$ (узб.); $q \rightarrow t$ (курд.);
- (е) увулярный → велярный: $\text{ɣ} \rightarrow x$ (авар., цез.);
- (ж) фарингализованный увулярный → увулярный: $\text{ɣ} \rightarrow \text{ɣ}$ (абх. бзыб.);
- (з) велярный → передняяязычный: $k \rightarrow t$ (англ., нем., фр., маратхи, карач., ахв., чеч., узб., бежт.); $k^{?w} \rightarrow t^?$ (абх.); $g \rightarrow d$ (узб.); $g \rightarrow \text{ʒ}$ (курд.); $g \rightarrow \text{z}$ (осет.);
- (и) средняяязычный → передняяязычный: $x'' \rightarrow \text{ɣ}$ (абаз. ашхар., каб.);
- (к) велярный → передняяязычный: $x \rightarrow s$ (лак.);
- (л) велярный → лабиодентальный: $x \rightarrow v$ (кокопа), ср. тж. $\text{ɣ} \rightarrow v$ в сван.;
- (м) велярный → билабиальный: $k \rightarrow p$ (чеч.);
- (н) передняяязычный → билабиальный: $d \rightarrow b$ (узб.);
- (о) шипящие → свистящие: $\text{ɣ} \rightarrow s$ (чеч., абх., маратхи, кокопа, англ., цез.); $\text{ɣ}^j \rightarrow s^j$ (абх. бзыб.); $\text{ɣ}^j \rightarrow s$ (абх. абж.); $\text{ɣ} \rightarrow z(z)$ (тадж.); $\text{ɣ} \rightarrow z$ (цез., чеч.); $\text{ɣ} \rightarrow s^j$ (чеч.); $\text{ɕ} \rightarrow c$ (ларг., чеч.); $\text{ɕ}^? \rightarrow c$ (ботл., гин., цез.); $\text{ɕ}^{?j} \rightarrow s$ (абаз.)

1.2.9.2. Переход $\text{CC}_1 \rightarrow \text{C}_2(\text{C}_2)$. Комплекс из двух согласных переходит в сочетание двух других, или одного другого, согласных: $st \rightarrow \text{ɕɕ}$ (осет. кудар.); $\text{ʃt} \rightarrow \text{ɕɕ}$ (узб.); $\text{ʃt} \rightarrow \text{ɕ}$ (курд.); $nk^? \rightarrow j$ (бежт.); $rz \rightarrow ʔ$ (чеч.).

1.2.9.3. Утрата одного из признаков:

- (а) глоттализированный → неглоттализированный: $\text{ɕ}^{?j} \rightarrow s$ (абаз.); $k^? \rightarrow k$ (адыг., гин., анд., чеч., цез.); $k^? \rightarrow g$ (осет.);

$q^? \rightarrow k$ (цез., таб., кум., гин.); $t^? \rightarrow t$ (адыг., гин., цез.); $t^? \rightarrow d$ (бежт.); $\check{c}^?j \rightarrow \check{c}^j$ (адыг., цез.); $\check{c}^? \rightarrow c$ (гин., цез., ботл.); $c^? \rightarrow c$ (цез., адыг., абх., гин.); $c^? \rightarrow \bar{c}$ (лак.); $p^? \rightarrow b$ (ошет. кудар.); $\check{\lambda}^? \rightarrow \check{\lambda}$ (чам);

(б) **палатализованный** \rightarrow **непалатализованный**: $\check{s}^j \rightarrow s$ (абх.абж.); $\check{c}^?j \rightarrow t^?$, s (абаз.); $n^j \rightarrow n$ (кокопа);

(в) **лабиализованный** \rightarrow **нелабиализованный**: $t^{?w} \rightarrow t^?$ (абх.); $d^w \rightarrow d$, v чам. $\rightarrow d+u$ (абх., чам.); $q^w \rightarrow q$ (абаз.); $q^{?w} \rightarrow k^?$ (абх.); $k^{?w} \rightarrow k^?$ (абх., адыг., черк.); $k^{?w} \rightarrow t^?$ (абх.); $k^w \rightarrow k$ (кокопа, авар.); $\gamma^w \rightarrow \acute{e} + u$ (адыг.); $j^w \rightarrow \check{\gamma}$ (цез.); $\bar{x}^w \rightarrow \bar{x}$ (чам.); $\check{c}^v \rightarrow \check{c}$ (таб.).

1.2.9.4. $C^{C1} \rightarrow C$, либо C_I . Данный вид субституции заключается в том, что один из компонентов глубинного кластера (см. ниже) утрачивается, причем элиминироваться может либо базовый согласный, либо его модификатор. Случаи утраты лабиализации, глоттализации или палатализации, приведенные выше, здесь, во избежание повторов, как правило, не указываются.

$\check{h}^w \rightarrow w$ (абаз. ашхар); $j^w \rightarrow w$ (абх.); $q^? \rightarrow ?$ (каб., бежт., лак.); $q \rightarrow k$ (таб., цез., гин., чеч., кум.); $k^{?w} \rightarrow w$ (адыг.); $\check{x}^w \rightarrow w$, f (язг.); $t^? \rightarrow ?$ (бежт.); $\check{\lambda}^? \rightarrow ?$ (бежт.); $k^? \rightarrow ?$ (бежт.); $\check{\lambda}^? \rightarrow \check{\lambda}$ (чам.).

1.2.9.5. Палатализация. Смягченное произношение согласных является одним из распространенных явлений при деривации СДЛ. Оно отмечено и в тех языках, где палатализация несмыслоразличительна. Символическая функция палатализации – приближение к артикуляционным характеристикам речи ребенка (см. ниже).

$\check{c}^? \rightarrow \check{c}^?j$ (абх.); $\acute{z} \rightarrow z^j$ (адыг.); $\acute{s} \rightarrow \check{s}^j$ (адыг.); $m \rightarrow m^j$ (адыг.); $\check{z} \rightarrow z^j$ (груз.); $l \rightarrow l^j$ (лтш.); $t \rightarrow t^j$ (карач., балк.); $n \rightarrow n^j$ (каб., карач., балк.); $\check{s} \rightarrow s^j$ (чеч.); $\check{c} \rightarrow c^j$ (чеч.).

1.2.9.6. Усиление. Замена при порождении СДЛ относительно слабоартикулируемых согласных более сильноартикулируемыми может быть подчинена различным целям и обусловлена разными причинами. Так, если говорить о субституции аффрикат или спирантов смычными, то здесь имеет место замена более сложной для ребенка артикуляции на более простую. Играет роль при этом и стремление к максимальной отчетливости, энергичности произношения, а также, возможно, и интуитивное осознание того, что смычные являются более основными и более центральными, чем спиранты и аффрикаты. Замена спирантов аффрикатами, несильных/негеминированных на сильные/геминированные несет эмфатическую функцию, играет здесь свою роль также стремление к четкости, ритмизации произносимых слов:

(а) **аффриката** \rightarrow **смычный**: $\check{c}^?j \rightarrow t^?$ (абаз. тап., чам.); $\check{c}^?j \rightarrow k^{?w}$ (абаз. ашхар.; лабиализация $k^{?w}$ – результат ассимилирующего

- влияния q^w в слове $\text{č}^?j_{aq}^w_a$ "хлеб" $\rightarrow k^?w_{ak}^w_a$; $c^w \rightarrow t$ (адг.); $z \rightarrow d$ (осет. ирон.); $\check{z} \rightarrow d$ (нивх.); $c \rightarrow t$ (кокопа); $\check{c} \rightarrow t$ (чам.); $c \rightarrow t$ (лтш.); $\check{c}^? \rightarrow t^?$ (бежт., цез.); $\check{c}^? \rightarrow l$ (авар.); $\check{c}^? \rightarrow t$ (гин.); $\check{c} \rightarrow t$ (бежт., цез., гин.); $\check{c} \rightarrow l$ (гин);
- (б) спиронт \rightarrow смычный: $w \rightarrow t^?$ (абх.); $\check{c} \rightarrow g$ (осет., цез., гин.); $\check{c}^w \rightarrow g^w$ (адг.); $v \rightarrow b, p$ (каб.); $x \rightarrow g$ (осет.); $x \rightarrow k$ (нивх., осет.); v осет. и $\rightarrow kk$; $\check{x} \rightarrow t$ (узб.); $h \rightarrow p$ (япон.; см. ниже); $\check{c} \rightarrow l$ (гин.); $s^? \rightarrow t^?$ (каб.); $z \rightarrow ?$ (чеч. акк);
- (в) спиронт \rightarrow аффриката: $s \rightarrow c$ (осет. диг., хавьяка); $s \rightarrow \check{z}$ (осет. кудар., узб.); $s \rightarrow \check{z}$ (осет. кудар.); $z \rightarrow \check{z}$ (нивх.); $s \rightarrow \check{c}$ (лтш., япон., каннада, исп.); $\check{z} \rightarrow \check{z}$ (осет. кудар.);
- (г) несильный/негеминированный \rightarrow сильный/геминированный: $n \rightarrow nn$ (арч., абх. абж., берб., лтш.); $c^? \rightarrow \check{c}^?$ (арч.); $x \rightarrow kk$ (осет.); $k \rightarrow kk$ (япон.); $s \rightarrow ss$ (осет.); $s \rightarrow ss$ (мальт.); $b \rightarrow bb$ (берб.); $d \rightarrow dd$ (берб.); $t \rightarrow tt$ (берб.); $w \rightarrow ww$ (ног.); $k \rightarrow tt$ (чеч. акк.).

Необходимо отметить, что наиболее часто геминаты возникают в интервокальной позиции, что может отражать тенденцию к эмфазе и ритмизации звуковой структуры слова. Геминация в данном случае может быть изофункциональна редупликации, отражающей ту же тенденцию. В качестве усиления могут быть охарактеризованы и такие субституции, как $? \rightarrow k^?$ (абх., абаз.), $h \rightarrow \check{x}$ (цез.) и т.д.

1.2.9.7. Ослабление. Ослабление артикуляции, замена сильноартикулируемых согласных слабоартикулируемыми в целом не столь характерна для СДЛ. Хотя функционально усиление более существенно для подобной лексики, наличие такого противоположного ему явления, как ослабление, весьма характерно для СДЛ, в котором сосуществуют противоположные по направленности процессы (палатализация и депалатализация, удлинение и сокращение гласных и т.д.):

- (а) смычный \rightarrow аффриката: $g \rightarrow \check{z}$ (лтш., курд.); $d \rightarrow \check{c}\check{c}$ (осет. кудар.); $t \rightarrow \check{c}$ (узб.);
- (б) смычный \rightarrow спиронт: $t \rightarrow \check{z}$ (лтш.); $b \rightarrow w$ (карт.); $n \rightarrow s$ (мальт.); $q \rightarrow x$ (ног., гин., цез.);
- (в) увулярный \rightarrow ларингальный: $q \rightarrow ?$ (чеч. акк.); $\check{x} \rightarrow h$ (чеч. акк.); $q^? \rightarrow ?$ (агул.);
- (г) аффриката \rightarrow спиронт: $\check{c}^?j \rightarrow s^{(j)}$ (абаз.); $\check{z} \rightarrow z$ (араб.); $\check{c} \rightarrow s$ (апинайе) (Burgess, Nam 1968, 6/).
- (д) сильный/геминированный \rightarrow несильный/негеминированный: $t^?t^? \rightarrow t$ (гин.); $\check{q}^? \rightarrow q^?$ (чам.); $\check{x}\check{x} \rightarrow \check{x}$ (гин.); $ll \rightarrow l$ (гин.).

Одним из основных источников видоизменения смычных в аффрикаты и аффрикат в спиронты является их ассимиляция соседними аффрикатами и спиронтами; в случае же с преобразованием увулярных $q \rightarrow x$ и $\check{q}^? \rightarrow q^?$ причиной ослабления является стремление к упрощению артикуляции.

1.2.9.8. $[\text{+r}] \rightarrow [\text{-r}]$. Эта формула субституции предполагает обычную замену всяких разновидностей r иными звуками, как правило, близкими к r по месту или способу образования. Наиболее часто этот переход осуществляет либо в анлауте, либо в комплексе с другими согласными, что отражает

несомненную сложность артикуляции вибранта *r* для маленьких детей и замену ими этого звука либо на *l*^(j), либо на иные близкие звукотипы. Даже в возрасте 4 лет и старше дети не всегда в состоянии произнести полноценное *r*. Для облегчения произношения они прибегают (особенно при анлаутном *r*) к различным артикуляционным ухищрениям. Так, мальчик Андрей 4,5 лет (русскоязычный) произносил начальный *r*- в виде *drr*- (рыба [д^ррыба], с энергичным ударением на -ы-), а в других позициях – вполне правильно. Все это объясняет редкую встречаемость вибранта *r* в словах СДЛ как в анлаутной, так и в иных позициях. Не исключено, что именно с этим может быть связан запрет на анлаутный *r* во многих древних и современных языках (ср. кавказские языки, баскский, индоевропейские и др.); Примеров на субституцию *r* в СДЛ разных языков довольно много: *r* → *l*^(j) (абх., абаз., чеч., цез., лак., гин., бежт., курд., берб., каб., кокопа); *r* → *n* (груз.); *r* → *w* (англ.); *r* → *c* (хавьяка); *r* → *b* (цез.); *r* → *j* (чеч., авар., цез., кум., узб.); *r* → *d* (хидатса, нивх.); *r* → *t* (коман.); *r* → *ʒ* (узб.); *r* → *ʃ* (груз., цез., берб., япон., лаз., лтш., хавьяка).

Вибрант *r*, как видно из приведенного материала, заменяется на другие сонорные, либо на переднеязычные шумные, реже – на билабialsный спират или смычный. Нередко *r* просто элиминируется. Сохранение *r* в ряде слов СДЛ (как, например, в маратхи и арабском *karr*), как отменяет Ч. Фергюсон, возможно в случае, если дрожащий сам по себе представляет ономотопею или игру звуков /Фергюсон 1977, 217/, ср. тж. лтш. *urru urru* 'ехать'; берб. *rra* 'пошел!'.

1.2.9.9. Маргинальный → немаргинальный. Звуки, по своим артикуляционно-акустическим характеристикам промежуточные между двумя другими группами консонантов, видоизменяются в сторону этих немаргинальных согласных:

- (а) свистяще-шипящие → свистящие, либо шипящие: *ʃ* → *s* (адыг.); *ʃ* → *ʃ^j* (адыг.); *ʒ* → *z^j* (адыг.);
- (б) альвеолярный → неальвеолярный: *ʒ* → *s* (кокопа).

1.2.9.10. Делатерализация. В тех языках, где имеются шумные латеральные аффрикаты или спиранты, при порождении СДЛ они заменяются на близкие им шумные или сонорные смычные: *ʃ* → *t* (бежт., цез., гин.); *ʃ*[?] → *t*[?] (бежт., цез.); *ʃ*[?] → *t* (гин.); *ʃ*[?] → *ʔ* (бежт.); *ʃ*[?] → *l* (авар.); *ʃ* → *l* (гин.); *ʒ* → *t* (адыг.); *ʒ* → *n* (карат.); *ʒ* → *l* (гин.).

1.2.10. Г л а с н ы е. Принципы модификации гласных при деривации СДЛ также довольно последовательны. Общая линия изменений – упрощение артикуляции гласного, стремление к его открытости, утрата дополнительной тембровой окраски, количественное сокращение.

1.2.10.1. Количественные изменения:

- (а) дифтонг → монофтонг: *iw* → *ɨ* (карач.); *aj* → *e* (арм.); *aj* → *a* (узб.); *ɨj* → *i* (гин.); *ju* → *i* (цез.); *jo* → *u* (цез.);
- (б) долгий → краткий: *ī* → *i* (арч., кокопа); *ū* → *u* (кокопа); *ē* → *a* (чеч. акк.); *ā* → *a* (кокопа, лтш., гин.). Контраст гласных по

долготе-краткости, важный для системы д-та хавьяка языка каннада, в СДЛ игнорируется /Bhat 1967, 341/;

- (в) краткий \rightarrow долгий. Наряду с тенденцией к сокращению количества гласного, в СДЛ действует и противоположная тенденция – к удлинению гласного, вызываемая стремлением к повышению экспрессивности и маркированности специализированного лексикона, что изофункционально геминации согласных и слоговой редупликации, характерной для СДЛ. Примеры: а \rightarrow ā (абх., ашхар., язг.); -ас \rightarrow ā (агул.); і \rightarrow ī (араб., хидатса); а \rightarrow ī (кокопа); е \rightarrow ē (хидатса); у \rightarrow ū (лтш.). Ср. тж. удлинение гласного в определенной позиции при порождении СДЛ в мальтийском (см. ниже), усиление і \rightarrow j в аварском и т.д. Об экспрессивном удлинении гласных в славянском СДЛ и в диминутивных образованиях см. в /Трубачев 1959, 23, 24/.

1.2.10.2. Качественные изменения.

- (а) $\text{[- передний]} \rightarrow \text{[+ передний]}$: э \rightarrow і (абх., адг., ног., чеч. акк.); а \rightarrow е (ашхар., гин.); у \rightarrow і (цез., мегр., каннада); а \rightarrow і (араб., берб.); а \rightarrow ī (кокопа); а \rightarrow ä (кум., цез.); у \rightarrow ū (кум., цез.).
- (б) $\text{[- а]} \rightarrow \text{[+ а]}$. Это одна из наиболее популярных вокалических замен, отражающая тенденцию к открытости, звучности слога, а также "основной" характер гласного а для детского языка, равно как и для вокалических систем большинства языков мира. Процесс этот, следуя за Р.Якобсоном, можно определить как стремление к компактности, или же как "а-явление" /Принципы, 254/: э \rightarrow а (абх., абаз., адг., каб., коман.); е \rightarrow ā (чеч.); ē \rightarrow а (чеч.); е \rightarrow а (карат.); ö \rightarrow а (тадж.); о \rightarrow а (татар, узб.); і \rightarrow а (татар., гин.);
- (в) $\text{[- средний]} \rightarrow \text{[+ средний]}$: а \rightarrow э (адг.); а \rightarrow е (абаз.); а \rightarrow о (татар. англ., нивх.); ај \rightarrow е (арм.); у \rightarrow э (лезг., нивх.); і \rightarrow о (арч.); і \rightarrow э (рут.);
- (г) $\text{[+ палатализованный]} \rightarrow \text{[- палатализованный]}$: ö \rightarrow а (тадж.); ö \rightarrow о (карач.); ū \rightarrow у (кум.). Можно отметить, кроме того, меньшую степень палатализованности ö в словах ногайского СДЛ по сравнению с ö в языке взрослых.
- (д) $\text{[+ огубленный]} \rightarrow \text{[- огубленный]}$: у \rightarrow э (лезг., нивх.); ö \rightarrow а (тадж.); у \rightarrow і (мегр.); ū \rightarrow і (беж.);
- (е) $\text{[- огубленный]} \rightarrow \text{[+ огубленный]}$: э \rightarrow у (каб. бесл., берб.); е \rightarrow ö (лтш.); і \rightarrow о (арч.); а \rightarrow о (татар., англ., нивх.); і \rightarrow у (мальт.); ä \rightarrow о (беж.); а \rightarrow ā (лтш.). Функция данной субституции – маркировать отличие фонетики СДЛ от речи взрослых.
- (ж) $\text{[+назализованный]} \rightarrow \text{[-назализованный]}$: ö \rightarrow о, ä \rightarrow о, і \rightarrow \rightarrow і, ū \rightarrow у (беж.) Снятие контраста по назализованности отме-

чено также в СДЛ л-та хавьяка языка каннада /Bhat 1967, 34/.

(з) [+фарингализованный] → [-фарингализованный]: $e \rightarrow e$, $i \rightarrow i$,
 $a \rightarrow a$, $o \rightarrow o$ (цез).

1.2.II. Подводя итоги рассмотрению основных закономерностей субституции согласных и гласных при порождении СДЛ, нельзя не отметить системности и взаимосвязи многих наблюдающихся при этом процессов, их нередкую изофункциональность и синонимичность, множественное отражение общих тенденций. Так, многие из упомянутых выше явлений (сдвиг артикуляции вперед, палатализация согласных и сужение гласных) отражают общую тенденцию к дизности ("В согласных... дизность чаще всего выражается артикуляционно как палатализация, причем для заднеязычных и увулярных она может быть выражена как продвинутость вперед, для остальных чаще всего – как приобретение второго палатального фокуса" /Принципы, 260/).

Представленные выше направления и способы субституции фонем при порождении СДЛ в разных языках показывают, что языки, обладающие различным фонемным инвентарем и географически значительно удаленные друг от друга, демонстрируют общие закономерности в замене фонем взрослого языка. Все это служит отражением универсальных особенностей речи маленьких детей (от 1-го до 2,5 лет), а также общности психо-антропофонических особенностей языка взрослых.

Говоря о закономерностях деривации СДЛ, нельзя не упомянуть и некоторые специфические случаи порождения СДЛ в некоторых языках. Так, интересную особенность в этом отношении демонстрирует язык кокопа группы има, на котором говорят в нижнем течении реки Колорадо в штате Аризона и в Мексике. Кокопа характеризуется тем, что в нем при порождении СДЛ согласные заменяются в зависимости от того, является ли какой-либо согласный во взрослом языке начальным по отношению к ударному слогу. Дж.Крофорд, описывая этот факт, отмечает, что большинство начальных консонантов (или консонантных групп) в начальной по отношению к ударному слогу позиции заменяются на v , причем этот лабиодентальный спирант встречается во взрослом языке лишь в испанских заимствованиях. Ударный слог, в котором нет начального согласного, также получает в этой позиции v . Согласный, не являющийся начальным в ударном слоге (т.е. который является начальным в неударном слоге, либо конечным в ударных или неударных слогах), заменяется гоморганным согласным более переднего по сравнению с исходным консонантом места образования. Таким образом, если объектом модификации при порождении СДЛ в большинстве языков являются, как правило, отдельные слова, то в кокопа указанным выше образом могут быть модифицированы целые фразы, ср. $\acute{a}ki\ ki\acute{y}\acute{i}\ n^{\acute{y}}aw\acute{i}\ kn^{\acute{y}}\acute{a}r\acute{m}\ ki\acute{t}\acute{p} \rightarrow \acute{a}ki\ vi\acute{v}\acute{i}\ n\acute{a}r\ v\acute{t}\acute{p}$ 'Дженис, или сида, я хочу тебе что-то сказать' /Crawford 1970 10/. Интересным представляется и порождение СДЛ в мальтийском. Часть

СДЛ здесь характеризуется либо вставкой *j* перед финальным согласным с удлинением предшествующего гласного (ср. *waḥdu* → *ħajdu* 'один', *beka* → *bejki* 'плакать' и т.д.), либо повторением финального согласного, которому предшествует долгий *ū*, служащий выражением любви, аффектации (ср. *ħasla* → *ħassula* 'ванна ребенка', *sinna* → *sin-ūna* 'маленький зуб' и т.д.) /Cassar-Pulicino 1957, 194/.

1.2.12. Ассимиляция как один из механизмов порождения СДЛ.

Ассимиляция согласных (консонантная гармония) – важный элемент порождения СДЛ, так как нередко благодаря этому процессу слова СДЛ обретают свой характерный фонетический облик CVCV (с его вариациями). Ассимиляция может действовать параллельно с другими деривационными механизмами, в частности, с усечением слогов. Ее следует рассматривать также в качестве разновидности субституции, нацеленной на уподобление какому-либо звуку, стремление к консонантной гармонии, к материальной симметрии обоих слогов структуры CVCV. Помимо чисто симплификативных функций, в данном случае ассимиляция отражает и тенденцию к уменьшению числа значимых звуковых контрастов, используемых в языке взрослых.

Примеры ассимиляции: каб. *ħa-p'āc'a* → *ħa-s'āc'a* 'насекомые', аднг. *bəzə* → *bəbə* 'грудь (матери)', лаз. *k'ibi(r)i* → *k'ik'i(i)* 'зуб(ки)', сван. *č'ix* → *č'ix-il* 'нога', осет. (диг) *šizə* → *zizə* 'зад', карач. *boɾaɟ* 'penis' → *bočaɟ* 'penis pueri', польск. *ziemniaki* → *zizie* 'картофель', с.-хорв. *noga* → *nóna* 'нога', укр. *цукор* → *цущо* 'конфета, сахар', япон. *damé* → *me:me* 'плохой', *kut-ŭ* → *kuk:u* 'обувь', коман. *tikap* → *tata:* 'мясо', лтш. *zirnis* → *ninnis* 'горох', *nazis* → *nannis* 'нож', *sār* → *pār* 'больно', *cept* → *pept* 'жарить, печь', берб. *aman* → *mama* 'вода', *ataz* → *ttatta* 'чай', нивх. *ṭpax* → *pax* 'глаза', *laŋq* → *lalq* 'рубашка', *pasx* → *ponk* 'ноги', узб. *olma* → *omma* 'яблоко', *boɖriŋ* → *bəe bi* 'огурцы', *qand* → *qacqa* 'сахар, сладости' и т.д.

Представленные примеры демонстрируют как явление прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции. Можно отметить здесь тенденцию к выбору в качестве ассимилирующего элемента более "основного" звука (*m, b, n, p*), хотя этот принцип не проводится строго. Одна из причин выбора "неосновного" согласного вместо "основного" – стремление к экспрессивности, эмфазе.

Ассимиляция может быть как полной, так и частичной, например, по месту или способу образования, ср., в частности, нивхские примеры, где наряду с изменениями */ɲ ... ɕ/* → */ɲ...ɲ/* есть и */ɲ ... ɕ/* → */ɲ ... n/*.

Одним из способов деривации является усечение слова до одного слога с последующей его редупликацией (напр., *CVC₁C₂V₁* → *CVCV*), причем в качестве опорного может выбираться как начальный, так и ко-

нечный слог (ср. польск., япон. и др.).

1.2.13. Метатеза. Наряду с другими средствами деривации в ряде случаев при порождении СДЛ используется метатеза согласных и гласных. Случаи метатезы объясняются либо стремлением к достижению более удобного для ребенка произношения, либо тенденцией к фонетической модификации слов "взрослой" речи с целью создания большей стилистической отмеченности "детского" текста. Примеры: абаз. (ашкар.) *lɛmha* → *maha* 'ухо' (с опущением начального *l*), цах. *jalɔj* → *lʲajɔj* 'платок', мн. ч. *lʲajɛr*, узб. *anor* → *onaj* 'гранат', берб. *ayul* → *ylulu* 'осел', агул. *ʒibin* → *biʒin* 'карман' и т.д.

1.3.0. Звуковой символизм и экспрессивность СДЛ

Звуковые замены, помимо чисто прагматических целей – фонетической адаптации взрослыми слов своего языка для более легкого их усвоения ребенком, обуславливаются также и символическими функциями используемых фонетических средств, прямо не связанными с необходимостью подобной адаптации. Модифицируя свою речь при общении с ребенком, взрослые интуитивно стремятся создать фонетическими и иными средствами некий аналог языковой модели своего маленького партнера, являющейся в определенной степени отражением и его модели мира.

СДЛ целиком относится к экспрессивному слою лексики, что обуславливает как его специфические просодические черты, так и ряд других особенностей. Одним из наиболее характерных средств придания речи "детского" облика является обилие палатализованных согласных – даже в тех языках, в которых палатализация не является фонологически значимой (ср. карачаевский, грузинский и др. языки). Характерно и то, что даже в языках, обладающих палатализованными фонемами, смягчению подвергаются и те консонанты, которые в нормальной речи палатализованных коррелятов не имеют. Ср. в абхазском: *Alʲaxʲ vaj*, *alʲaxʲ vaj*, *umboj*, *azʲ aawotʲ* 'иди сюда, иди сюда, не видишь – корова идет!' – при нормальном *Araxʲ waaʲ*, *araxʲ waaʲ*, *umboj*, *aʒʷ aawojtʲ* (*w* → *v*, *ɣ* → *lʲ*, *aa* → *a*, *ʒʷ* → *zʲ*).

Символическая закрепленность признака палатализации за семантикой малости, отнесение ее к признакам детской речи проистекает, как отмечает С.В.Кодзасов, из того, что "для речи детей младшего возраста (приблизительно до двух лет) очень характерно несколько палатализованное произношение переднеязычных. Это объясняется, видимо, недифференцированностью язычной артикуляции в этом возрасте: вся передняя часть языка артикулирует как целое, кончик языка еще не вычленен как отдельный артикулятор" /Кодзасов 1975, 70/. Связь палатализации со значением малости, диминутивности характерна не только для СДЛ, она относится к универсальным фонетическим средствам выражения указанной семантики, что демонстрируется материалом многих языков (см. /Иванов 1972, 89; Reuze 1986, 56 ; Кодзасов 1975, 68–69/ и др.).

Характерно, что символическое смягчение охватывает не все согласные, а, как правило, лишь переднеязычные (ср. русские слова СДЛ с неэтимологической мягкостью переднеязычных, типа дядя, тетя, тятя, няня, дядя и т.п.) и не распространяется на губные и заднеязычные (ср. русск. папа, мама, баба, гага, кака и т.п.) /Коззасов 1975, 70/. Это видно и из абхазских примеров, приведенных выше, в которых палатализации подверглись лишь переднеязычные 1^j ($\leftarrow r$), z^j ($\leftarrow \text{ʒ}^w$), в то время как губно-губные и лабиодентальные остались несмягченными. Исключения здесь редки, ср. адг. $k^w \text{ə} k^w \text{ə} \text{maw} \rightarrow k^w \text{ə} k^w \text{ə} \text{m}^j \text{aw}$ 'филлин'. Кстати, любопытно, что используя то же слово в детской речи, мои кабардинские информанты меняли $[m]$ на мягкий $[n^j]$ ($k^w \text{ə} k^w \text{ə} \text{maw} \rightarrow k^w \text{ə} k^w \text{ə} \text{n}^j \text{aw}$).

Гласным аналогом палатализации является символическое использование узких (и особенно i) гласных в самых различных языках мира (см./Jespersen 1933 ; Газов-Гинзберг 1974, 31-39/). Гласный i во многих языках встречается в прилагательных с уменьшительной семантикой, в диминутивных или ласкательных суффиксах, а так как малость ассоциируется со слабостью, он может присутствовать и в суффиксах женского рода. Присущая звучанию гласного i ассоциация с идеей малости обуславливает и наличие $\text{ə}go$ в словах, характеризующих очень короткий промежуток времени, мгновенность действия, а также близость расстояния (в дейктических словах) /Jespersen 1928, 402-403, 407/. Мена $[-i] \rightarrow [+i]$ является универсальным приемом деривации СДЛ и наблюдается даже в тех языках, в которых i в фонемном инвентаре отсутствует, ср. абхазский, адгейский и др. Наличие i в словах таких языков, на фоне отсутствия этой фонемы в системе вокализма, уже маркирует экспрессивность, диминутивность, ласкательную семантику подобных слов, что может использоваться и для соответствующей окраски определенных слов в обычной речи, ср. абх. $a-s^? \text{əs}$ 'птичка' при абаз. $s^? \text{is}$, а диминутивно и в абхазском также $s^? \text{is}$, абх. (обыч.) $a-t \text{ə} \text{pas}$ 'щенок' — ласкательно-уменьшительно $t \text{ipas}$ и т.д.

Символическую роль несет и мена $[-a] \rightarrow [+a]$, так как a входит в число "основных" фонем детского языка и содержится в канонической модели детского слова (CVCV, т.е. CaCa). Наряду с гласным i , а также может передавать диминутивную или ласкательную семантику, откуда его частая встречаемость в суффиксах женского рода (напр., в индоевропейских, семитских языках, ср. /Jespersen 1928, 392/). В абхазском и в ашхарском диалекте абазинского прибавление к исходу личных имен или вокативных слов гласного a используется для придания оттенка нежности или симпатии (в случае, если слово имеет согласный исход), ср. $g^j \text{ad} \text{la} \text{ʒ}^j \text{-a}$, $z \text{urab} \text{-a}$ (личные имена), $k^? \text{a} \text{ʒ}^j \text{-a}$ (ласковое обращение к ребенку) и т.д. Кстати, то же характерно для русского, ср. такие вокативы, как Денис-а!, сын-а! и т.п. Символическая ме-

на $[-a] \rightarrow [+a]$ встретила́сь нам при записи абхазского фольклорного текста, когда информант – пожилой человек, – передавая первые слова новорожденного героя нарта Сасрыквы, сказал: $amla\ sak^{?}at^{?}$ вместо $amla\ sak^{?}ejt^{?}$ ‘я голоден’; мена $\emptyset(j)$ на a в данном случае подчеркивает детскость речи персонажа. Диминутивный суффикс a имеется и в грузинском, ср. детские слова $abu-a$ ‘лошадка’ (из междометия abu , используемого для понукания лошади), $ba(i)-a$ ‘ребенок’ (из $ba\chi\chi v-i$ ‘то же’), а также в речи взрослых – $bi\chi^{?}-un-a$ ‘парнишка’ из $bi\chi^{?}-i$ ‘мальчик’. Суффиксы диминутива (и женского рода) имеют тенденцию принимать и функцию собирательности, обобщенности, плюралиса, как, например, в индоевропейских языках /Jespersen 1928, 394/, в китайском /Иванов 1972, 66 и сл./ и в других языках. Идея малости может быть реализована в СДЛ не только чисто фонетическими средствами, но и морфологически – обилием диминутивных аффиксов (ср. сванский, грузинский, кокопа, агульский), а также сочетанием обоих указанных средств. В одной из записанных нами сванских детских сказок суффиксы диминутива были приданы почти всем без исключения субстантивам и даже таким, которые в нормальной речи с этими суффиксами не употребляются, что было подчинено цели создания “детскости” текста, моделированию вербальными средствами специфического микромира ребенка. В латышском СДЛ для того, чтобы выразить личные чувства говорящего, почти все слова (существительные, прилагательные, даже глаголы) приобретают диминутивные формы, ср. $maziņš\ mīliņš\ bērniņš\ nāciņās\ šurp!$ (= взр. $mazs\ mīļš\ bērns\ nāks\ šurp!$) ‘подойди сюда, миленький маленький ребенок!’ /Rūķe-Draviņa, 1977, 239-240/.

Говоря о таких процессах при порождении СДЛ, как усиление (аффриката \rightarrow смычный; спирант \rightarrow аффриката, спирант \rightarrow смычный, негеминированный \rightarrow геминированный и т.п.), нельзя не отметить, помимо чисто фонетических причин, указанных выше, также и звукосимволическую сущность данного усиления, что проявляется и в других видах экспрессивно окрашенной речи. Так, большинство из указанных процессов характерно для диминутивного консонантного символизма, имеющего широкое применение, в частности, в языках индейцев западной части Северной Америки. Описанные Дж.Николс звуковые переходы при диминутивизации семантики слова в индейских языках почти полностью совпадают с теми, что были отмечены выше при порождении СДЛ ($s \rightarrow c$, $s \rightarrow \check{s}$, $w \rightarrow b$ и т.д.). Идентичными явлениям СДЛ в указанных языках являются, кстати, и другие звукопереходы с приданием диминутивной семантики словам, ср. такие субституции, как $\check{s} \rightarrow s$, $\check{c} \rightarrow c$, $\check{q} \rightarrow s$, $x \rightarrow \check{s}$, $k \rightarrow k^j$, $q \rightarrow k$ и др., находящие прямые параллели с процессами, наблюдаемыми при деривации СДЛ, см. /Nickols 1971, 828-829/.

Изофункциональной усилению (в его разнообразных проявлениях) при порождении СДЛ можно считать слоговую редупликацию, символическая

роль которой при создании коннотации малости отмечается в различных языках /Иванов 1972, 67-68/. Символическое значение имеет, по-видимому, и замена несредних гласных средними. Подобная роль качественно-го изменения согласных характерна не только для СДЛ, что позволяет считать этот процесс фонологической фреквентацией при деривации экспрессивной части словаря. Ср. в этой связи символическую роль изменения несредних гласных в средние в таких языках, как алуторский (Камчатка) и арчинский (Дагестан), где наблюдается переход $a \rightarrow \bar{o}$, $u \rightarrow \bar{o}$, $e \rightarrow \bar{o}$, $i \rightarrow \bar{e}$ в вокативах, указательных местоимениях и наречиях для подчеркивания удаленности в пространстве или времени, в интенсивных формах прилагательных и наречий /Кодзасов 1975, 63, 64 и сл./.

Определенную символическую роль играет также замена неогубленных гласных на огубленные (в отличие от согласных, где, напротив, при деривации СДЛ наблюдается их делабиализация), что заметно на материале кабардинского, арчинского, татарского, нивхского, мальтийского, берберского, латышского, английского и др. языков (см. выше). Ср., к примеру, субституцию неогубленных гласных огубленными при порождении СДЛ в латышском: *mana mazā meitiņa* \rightarrow *māna mǎzā mōitiņa* 'моя дорогая дочь!' /Rūke-Draviņa 1977, 239/. Характерной и, видимо, универсальной чертой экспрессивного вокабулярия, в частности и СДЛ, является, наконец, и символическое удлинение гласных, изофункциональное геминации согласных и редупликации слогов.

1.3.1. Сопоставляя указанные выше типы звуковых замен при порождении СДЛ, нельзя не отметить сочетания в этом процессе противоположных тенденций: с одной стороны - явления усиления, а с другой - ослабления, палатализацию твердых согласных и депалатализацию мягких, сокращение и, наоборот, удлинение гласных, переход огубленных гласных в неогубленные, и наоборот, неогубленных в огубленные и т.д. Это очевидное противоречие коренится, по-видимому, в нестрогости "законов" субституции, их необязательности, в результате чего разные слова могут изменяться по-разному. Предпочтение тому, или иному (противоположному ему) процессу зависит и от семантики исходных слов - более нейтральные по значению лексемы (голова, рука и т.п.) имеют больше шансов претерпеть минимальные фонетические изменения, тогда как процессы усиления чаще наблюдаются в более экспрессивных с точки зрения семантики словах (передающих аффективные чувства, эмоциональную оценку и т.п.). Противоречивость направленности фонетических модификаций объясняется также скрещением прагматических (упрощение артикуляции) и звуко-символических (эмоциональная, аффективная окраска слов, фонетическая аберрация, маркирующая отличие "детской" лексики от "взрослой") целей при порождении СДЛ. Как первая, так и вторая из названных целей в конечном счете resultируют в деформации исходного фонетиче-

ского облика речи взрослых. Наконец, еще одним важным аспектом, объясняющим указанную противоречивость, служит, как уже отмечалось выше, то обстоятельство, что символическая роль придана не только тому или иному конкретному звуковому изменению, но и самому процессу фонетической модификации, сигнализирующему о стилистической отмеченности подобного рода лексики. Это необходимо иметь в виду, когда ту или иную субституцию невозможно объяснить лишь стремлением к упрощению артикуляции. Так, в адыгейском и кабардинском языках при деривации СДЛ наблюдается процесс $\dot{h} \rightarrow x$ (ср. $\dot{h}a \rightarrow x^a$ 'собака'), что можно понять, как сдвиг "более задний" \rightarrow "более передний" с целью замены трудного для ребенка звука. Однако в других словах с ларингалом \dot{h} этого не происходит, и он сохраняется. Более того, в другом адыгейском слове, напротив, исходное x меняется на \dot{h} при образовании "детского" слова ($d\dot{a}x^a \rightarrow d\dot{a}\dot{h}a$ 'красивый'), в кабардинском в том же слове x переходит в \dot{s} ($d\dot{a}x^a \rightarrow d\dot{a}\dot{s}a$; ср. также абаз. $px^{\dot{h}}\dot{a}\dot{s}^{\dot{h}} \rightarrow r\dot{b}\dot{a}\dot{s}^{\dot{h}}$ 'зад'). В результате имеем такие странные субституции, как $\dot{h} \rightarrow x$, а $x \rightarrow \dot{h}$. Понять их можно лишь с учетом символической, а не только лишь прагматической функции звуковых замен. Этим же обстоятельством объясняется замена при деривации СДЛ свистящих сибилантов шипящими (как в курдском, испанском, баскском, узбекском, латышском, японском, каннада и др.), смычных аффрикатами, особенно шипящими (осетинский, курдский и др.) и т.п. Аналогии указанному явлению обнаруживаются и в речи самих детей.

1.3.2. Одним из фонетических средств повышения маркированности СДЛ служит также использование таких звуков, которые в фонемной системе данного языка либо отсутствуют, либо встречаются в ограниченных подсистемах его лексики (междометия, заимствованные слова и т.п.). Поскольку для ребенка данное обстоятельство не является существенным, ясно, что цель использования в словах СДЛ редких или отсутствующих в данной системе фонем — чисто символическая: создание фонетической отмеченности "детского" текста. Иначе говоря, осознание взрослым того, что речь маленького ребенка представляет собой искаженный вариант речи взрослых, создает у взрослого при общении с таким ребенком психологическую установку на соответствующее искажение собственной речи.

Хотя в каждом языке используются свои специфические способы повышения фонетической выразительности СДЛ, выделяются здесь и общие закономерности. Примерами использования в специализированном лексиконе отсутствующих в данной системе согласных служат следующие факты: в абхазском — использование палатализованных переднеязычных $\dot{d}^j, t^j, l^j, z^j, s^j$; в кабардинском — n^j, \dot{h}, \dot{h}^w в адыгейском — $z^j, k^?, k, m^j, z^j, g, s^j, \dot{h}, \dot{h}^w, \dot{d}^j, t^j, v$; в грузинском — z^j ; в ногайском — $?, \dot{r}, \dot{z}$; в абазинском — m^j, n^j, l^j, s^j , а в ашкарском диалекте также $?$; в кокопа — v (встречается только в испанских заимствованиях);

в нутка - l; в ирокезском - p, b, m; в команче - x, долгий m; в берберском и арабском - p; в нивхском - ʔ и долгий m; конечный -m в японском и т.д. СДЛ почти всех языков характеризуется использованием различных кликсов, которые, как известно, входят в фонемный состав лишь очень небольшого числа языков.

Общей чертой, объединяющей указанные случаи, является, таким образом, использование редких или отсутствующих в системе звуко-типов, различных для разных языков.

1.3.3. СДЛ, употребляемый в общении с детьми старше 2-х лет (3-4 года), утрачивают часть своих фонетических характеристик, приближаясь по фонемному составу и просодическим характеристикам к речи взрослых. Ср. адыг. kʔakʔa 'яйцо', для более взрослых детей - qaqa, при взр. ʕʔʃanʕʔʃa, kakāk 'курица', более взр. qaqaḱ, при взр. ʕʃate; абаз. takəm, более взр. itasqəma из взр. jəgʃ-staqəm 'я не хочу'; осет. (ирон.) didi 'грудь (матери)', более взр. zizi, zizi; дарг. mimi 'детский penis', более взр. kʔimi (взр. duna); таб. bəʔ 'нету', более взр. vaʔ (взр. также vaʔ); осет. (кудар.) ʃiʒa 'мясо', более взр. ʃiʒa (взр. fəd, наряду с ʕiʒa); чеч. (акк.) nam 'еда, пища', более взр. naʔam (взр. jaʔham), pi-pi 'конфета, сладость', более взр. peret (взр. kempet) и т.д. Ср. также /Ferguson 1977, 228/.

Характерны и лексические супплетивизмы для детей различного возраста, ср. ног. jataa-jata! 'предлагать ребенку спать', при oħajde то же - ребенку от 5 лет (из взр. oħlaj-de 'он спит' от корня iħlaw 'спать'); карач. kis ʕiget 'помочись!' (из kis + уменьш. суффикс ʕik+et 'делаю!'), при более взр. kis et то же. Можно полагать, что такого же возрастного характера и варианты в груз. zʃe-ria, zʃezʃikʔo 'молоко', при rze-ria, rzerzikʔo при детск. pia и взр. rze 'молоко'.

1.3.4. Представляет интерес и выбор тех или иных звуков, характерных для передачи определенных значений, так как во многих случаях семантику слова СДЛ передает не только его лексическое значение, но специфический набор составляющих его фонем. Например, можно сказать, что лабиальные и переднеязычные (часто палатализованные) согласные, гласный а закреплены за словами с положительной коннотацией - термины родства, питье, пища, грудь (матери), прогулка, игрушка, красивый и т.п. В словах, выражающих восхищение, или в значении 'конфета', 'вкусный', 'лакомство', 'пища', 'вода', 'молоко' часты ларингальные, ср. араб. ḥabbī 'конфета, сладость; лакомство', ḥibbū 'поцелуй его!', daḥḥ 'красивый', maḥ, naḥḥ 'вкусный; сладость, конфета', таб. ḥaḥ 'вода, пить, молоко', абаз. ḍ-ḥ-ḥ-ḥ 'как вкусно!', ашхар. aḥ 'сладкий, вкусный, сладость', каб. ʔaḥ-ʔaḥ 'вкусный, сладкий', черк. ḥ-ḥ-ḥ-ḥ 'вкусно, вкусный', адыг. ḥ(а)ḥ, ḥ-ʔaḥ

'вкусный', нутка. маф 'пей!', 'вода', ?ах?um?is 'вкусно!', авар. мафу 'мясо', т'аф 'вода', даһау 'красивый (о мальчике)', чеч. һа́рi 'каша', 'есть', лезг. т'еһ 'воды! (о просьбе ребенка)' и т.д. Подобный звуковой состав определяется наличием используемого во многих языках характерного междометия, выражающего восхищение, удовольствие и т.п., состоящего из глоттальной смычки и последующего глухого ларингального (типа ?^h), причем, если речь идет о жидкости, либо сладости, которую можно сосать, или есть причмокивая, к этому сочетанию ларингальных часто присоединяется (в препозиции) характерный назальный (дентальный или билабиальный) кликс, символизирующий причмокивание.

Слова с семантикой 'грязь!', 'выплюнь!' часто имитируют звук выхаркивания, что передается в словах СДЛ сходными звукокомплексами типа "велярный" + "поствелярный" и т.п.: ср. араб. каф, каф, кихх 'очень грязно!' (ср. каффо 'испражнения'), кх, кихх 'выбрось!', 'грязно, плохо!', 'не трожь!', осет. (диг.) гихха 'кака, грязно, выплюнь!', осет. (ирон.) гэх 'то же', ?а-?ај 'выплюнь!' 'нехорошее, грязное, кака!', а?ај 'нехороший, невкусный, неопрятный, горький (о пище)', карач. гэх 'грязно!', 'не трогай, кака!', гэх ет 'саса! (императив)', таб. а? 'кака!', каб. һа? 'грязный, нехороший, плохой!', гэх 'не ешь!; выплюнь!', адыг. ӡ / ӡ / qə (?^Wа)! 'выплюнь!', коман. ?ах 'то же' и т.д.

В словах со значением 'пить' или 'напиток' (вода, молоко) вместо назального кликса может использоваться функционально обличенный с ним глоттализированный смычный (ср. авар. т'аф, лезг. т'еһ, арч. р'аф при таб. ^hаф, сван. ^hа-il 'вода'), либо акустически близкие звуко типы, ср. аох. азi-мс?к'а 'вода' (а-зə 'вода'), где комплекс мс?к'а передает звук чмоканья при питье. Схожие с этим замены кликсов глоттализированными отмечаются и в словах со значением 'поцелуй', 'целовать', ср. лезг. т'а^h ја 'целуй' и р'а^h (а)ја 'то же', ср. также мегр. раби 'поцелуй' при сван. р'ас?-il 'то же' и т.д.

В словах в значении сасаге типичными являются лексемы типа ?а?а, к'ак'а, имитирующие гортанный звук, сопровождающий напряжение (нагнетание напряжения) при дефекации, а в словах со значением 'моча', 'мочиться' — характерные комплексы типа рs, ss, ʃʃ и т.п., также имеющие звукоподражательную природу.

Значение 'плохой' часто выражается звукокомплексами, имитирующими звук сплевывания (типа ри, тфу, фу и т.п.).

Наконец, для обозначения слов, которыми пугают детей, часто используются два близких звукокомплекса: 1) m/bam/ba(j) и 2) bo/у + g/ɣ/ɣ(ʷ), содержащие низкие, темные звуки, ассоциирующиеся с мячанием, глухим ревом, рыком. Слова такого типа характеризуются поразительным сходством в подавляющем числе языков мира, причем второй

из названных звукокомплексов распространен значительно шире.

Примеры: 1) абх. *məm*, адг. *babāh(ə́z)*, *babāj(ə́z)*, груз. *baqʔ*-
baqʔ (*devi*), осет. (ирон.) *mamma*, тадж. *babaj*, рус. бабай-ка,
рут. *māmaj* и т.д.

2) сван. *bobo-l*, абаз. *bəh^wa*, каб. *fiŋ^w*, *fiŋu*, черк. *bh^wə*,
адг. *mi-u*, *bu-u*, *bhəw*, *h^wəh^w*, авар. *bofo*, карат., бект. *ho*, лезг.
be^w, таб. *bəbuš*, чеч. *bɛ̃abi*, *bɛ̃u*, осет. (ирон.) *bofo*, рус. бука,
кор. *ŏŋi* 'тигр, волк', 'бука', чам. *ʕü*, кум. *xuxu*, цах. *bɔʔ* 'мед-
ведь, бука, чудище', араб. *bof-bof*, *buɸ-buɸ*, берб. *bɣxiɣ*, маратхи
bagul-bua, англ. *bogy* (*man*), *boogeymen*, исп. *cuso*, *coso*, коман.
mukíʔ, нивх. *humk* и т.п. Общее значение всех этих слов - 'чудище',
'бука', а также 'волк' или 'медведь'.

Приведенный материал показывает, что в "нейтральных" по значению словах используются преимущественно фомемы, составляющие центр фонемной системы языка взрослых, в то время как в словах с экспрессивной семантикой (предупреждение об опасности, угрозы и т.п.), а также в звукоподражаниях оказывается задействованной и периферия - звукотипы заднего места образования (поствелярные), эмфатические, глоттализованные, а также кликсы.

1.3.5. Символическую роль несет и интонация речи взрослого в обращении к ребенку. Повышенная, аффективная интонация вообще характеризует экспрессивные стили речи, и СДЛ в этом не представляет исключений. Понижение либо повышение интонации служит одним из важных компонентов общей экспрессивной окраски СДЛ.

1.4.0. Просодические особенности СДЛ

Специальные исследования, в частности работа И.Пайк /Pike 1971/, показывают, что дети очень рано - с первых слов - овладевают интонацией и что интонационные контуры полностью заимствуются ими из речи взрослых. С другой стороны, аффективизированная интонация взрослого, общающегося с ребенком на СДЛ, отражает то существенное обстоятельство, что все поведение, все звуки ребенка на начальном периоде его развития, его первые слова, вообще восприятие ребенком окружающего его мира, носят аффективный характер. Это обстоятельство подчеркивал Л.С. Выготский: "Можно сказать, что аффект открывает процесс психического развития ребенка и построения его личности и замкает собой этот процесс, завершая и увенчивая и развитие личности в целом... аффект есть альфа и омега, начальное и конечное звено, пролог и эпилог всего психического развития" /Выготский 1984, 296-297/. Именно это обуславливает преимущественно экспрессивный характер интонационных типов, закрепленных за речью взрослых при общении с маленькими детьми.

Несколько слов можно было бы сказать и о просодических особенностях СДЛ в языках тональных систем. У нас имеются записи подобных слов, принадлежащих лишь двум языкам с отчетливо выраженными система-

ми тонов - дунганскому и бамана (Мали). Записаны были почти исключительно термины родства, что, естественно, сужает обобщающий характер результатов наблюдений. Обозначим высокий тон гласного цифрой 1, низкий - 2 и ровный - 3. В дунганских материалах из 12 записанных слов СДЛ (11 двусложных и 1 трехсложного) наиболее часто тональная модель v^1v^3 (5 слов + близкий тип трехсложного слова $v^1v^3v^3$); модели v^1v^2 и v^2v^1 представлены каждый по два слова, а v^2v^3 и v^3v^2 по одному слову. В бамана (Африка) в записанных 8 словах, относящихся к терминам родства (и практически совпадающих со взрослыми обозначениями) представлены следующие тональные структуры: v^3 - четыре односложных слова, v^2 - одно слово (a^2 , представляющее собой вариант a^3 'мама'), из четырех двусложных слов - три модели v^3v^3 , из них одно слово - с вариантом $\bar{v}v^3$ (первый гласный - долгий), и одно трехсложное слово близкой структуры - $v^3v^3v^3$, что демонстрирует преимущественное использование (по крайней мере, в терминах родства, нейтральных по семантике) среднего, ровного тона. На основании этих, довольно фрагментарных данных, можно заключить, что СДЛ в тональных языках, по-видимому, сохраняет основные просодические особенности речи взрослых.

Возвращаясь к языкам с динамическим ударением, следует добавить, что в литературе имеются указания на редкие случаи смысловозначительной роли ударения в СДЛ, например, контраст по ударению между $с\acute{u}с\upsilon$ и $с\upsilonс\acute{u}$ в испанских и румынских словах, не имеющих соответствий в языке взрослых, ср. рум. $r\acute{a}r\alpha$ 'еда' - $r\acute{e}r\alpha$ 'до свидания!', $n\acute{a}n\alpha$ 'старшая сестра, тетя' - $n\acute{a}n\alpha$ 'посмотри!', исп. $p\acute{ir}i$ 'птичка' - $p\acute{ir}i$ 'мочеиспускание' /Ferguson 1977, 226/. Наконец, можно добавить и то, что в разных диалектах одного языка СДЛ может отличаться местом ударения, ср. подобное в осетинском диал. $b\acute{a}err\alpha$ - ирон. $b\acute{a}err\alpha$ 'хлеб', диал. $g\acute{a}kk\acute{e}$ - ирон. $g\acute{e}ek\acute{k}\acute{a}$ 'ножка' и т.д.

1.5.0. Фонемный инвентарь СДЛ и его отношение к стандартной ("взрослой") системе фонем

Соотношение между фонемным инвентарем СДЛ и базовой фонемной системой "взрослого" языка следует рассматривать как отношения части и целого. Большинство звукотипов СДЛ составляют центр фонемной системы "взрослого" языка, остальные же звукотипы располагаются по ее периферии. В количественном отношении фонемный инвентарь СДЛ содержит примерно вдвое меньшее число фонем, чем его "взрослый" коррелят. Это положение справедливо для СДЛ таких языков, как аварский (19 фонем СДЛ против 44 фонем "взрослого" языка), каратинский (соотношение 24 : 46), абхазский (33 : 68), арчинский (31 : 70), табасаранский (23 : 46), кокопа (12 : 24), нутка (15-16 : 36) и т.д. - здесь имеется в виду лишь состав согласных. Для большей конкретности, а также для сопоставления приведем "взрослые" и "детские" фонемные инвентари таких географически удаленных языков, как нутка (Сев. Америка) и арчинский (Дагестан):

I. Нутка (диалект Ахоусахт) - "взрослый" инвентарь: 36 согласных, 6 гласных (по / Kess, Kess 1986, 206-207 /) :

p	t	c	č	ʃ	k	k ^w	q	q ^w		
p [?]	t [?]	c [?]	č [?]	ʃ [?]	k [?]	k ^{?w}	q [?]	q ^{?w}	ɸ	?
	s		š	ʎ	x	x ^w	ɣ	ɣ ^w	h	h
m	n		y		w					
m [?]	n [?]		y [?]		w [?]					
i	ī	u	ū	a	ā					

II. Фонемный инвентарь СДЛ: 15 (+1) согласных, 6 гласных:

p	t		č		k					
p [?]										?
	s		š		x	x ^w			h	h
m	n		(1)*							
			y [?]							
i	ī	u	ū	a	ā					

*1 - только в 1 слове (в значении 'смеяться'); отсутствует во "взрослом" фонемном инвентаре.

I. Арчинский язык - "взрослый" инвентарь : 70 согласных, 11 гласных (по / Арч. яз., 213, 224/):

b	p̄	d	t̄					g	k̄				
p ^h		t ^h		c	č	č [?]	ʃ	k ^h		q			
p [?]		t [?]		c [?]	č [?]	č [?]	ʃ [?]	k [?]		q [?]	q̄ [?]	ɸ	?
		d ^w						g ^w	k̄ ^w				
		t ^{hw}		c ^w	č ^w	č ^{?w}	ʃ ^w	k ^{hw}		q ^w			
				c ^{?w}	č ^{?w}		ʃ ^{?w}	k ^{?w}		q ^{?w}			
				z	ž		ʎ			ɣ			
				s	š	š	ʎ	λ	λ̄	x	x̄	h	h̄
				z ^w	ž ^w					ɣ ^w			
				s ^w	š ^w	š ^w	ʎ ^w	λ ^w	λ̄ ^w	x ^w	x̄ ^w		
m		n					l					j	
w		r											
i		ī		u	ū								
e		ē		o	ō								
		a		ā									

[illegible]

Для обоих языков характерно то, что в СДД не сохранились латеральные шумные, а также значительно сократилось число поствелярных (в нутка их осталось 3 из 10, в арчинском - 8 из 15), глоттализированных (в нутка сохранилось 2 из 13, в арчинском - 6 из 15), лабиализованных (в нутка осталось 1 из 6, в арчинском - 0 из 25).

В других языках фонемы СДЛ составляют примерно 1/3 "взрослого" инвентаря, ср. чеченский (23 : 34), кабардинский (36 : 47), адыгейский (45 : 54), карачаевский (18 : 27), лезгинский (25 : 37), арабский (сирийский диал.) (19 : 28), мегрельский и грузинский (17 : 28), Еще меньший разрыв в числе фонем СДЛ и "взрослого" языка в таких языках, как сванский (25 : 30), ногайский (19 : 22), осетинский (23 : 28). Хотя все эти цифры являются, конечно, относительными, тем не менее общее представление о количественном соотношении "взрослого" и специализированного фонемного инвентарей они дают. Основные тенденции при деривации фонемной системы СДЛ — сокращение числа звукотипов "взрослого" языка за счет их элиминирования, причем утра- те подлежат артикуляторно сложные (комплексные, поствелярные, глот- тализованные, лабиализованные, эмфатические, фарингализованные и т.д.) или/и акустически нечеткие, маргинальные (свистяще-шипящие, межзубные и т.п.) фонемы. Среди фонем СДЛ, как правило, отсутству- ют назальные гласные и согласные, шумные латеральные, ретрофлексные, сильные, увулярные и т.д.

I.5.I. Подобно фонемной системе взрослого языка, соответствующая система СДЛ также может быть разделена на две части: базовые звуки, составляющие центр системы, и экстраординарные, экзотические, артикуляционно сложные звукотипы, представляющие ее периферию. Характерно, что эти периферийные звуки частично совпадают с периферийным инвентарем "взрослого" языка (ср. звуковой состав междометий).

1.5.1.1. Центральные консонантные фонемы СДЛ. Центр консонантной системы СДЛ – это основные, базовые фонемы "взрослого" языка. Прежде всего это билабиальные смычные *b*, *p*, *m*. Лабиодентальные здесь очень редки. В кокопа, где лабиодентальный *v* во взрослой системе фонем отсутствует, он, наоборот, маркирует СДЛ. В сванском *v* при порождении СДЛ замещает увулярный *ħ*. Как *v*, так и *ɣ* в составе СДЛ встречается в основном в различных звукоподражаниях. Следовательно, наблюдается дихотомия по способу артикуляции: билабиальные в основном характерны для базовой "детской" лексики (термины родства, названия пищи, воды, молока и т.д.), тогда как лабиодентальные – для периферийной лексики (междометия, звукоподражания).

Из дентальных в "центр" входят *d*, *t* (с возможными мягкими вариантами), что не характерно для билабиальных (см. выше); редкие исключения – наличие смягченного варианта *m^j* в адыгских языках, в абазинском. Палатализация играет здесь, в целом, символическую роль.

Назальный *n* также входит в семью базовых, немаркированных согласных, при этом, как и другие дентальные, он может обладать смягченным вариантом.

Затем следуют веларные *g*, *k*, которые присутствуют в консонантных системах СДЛ большинства языков. В СДЛ сирийского диалекта арабского отсутствует *g*, что характерно и для языка взрослых. С другой стороны, отсутствующий в адыгейском языке *k^h* появляется в составе "детских" междометий (частично заимствованных из "взрослого" языка), а также в результате субституции *q* → *k^h*. То же справедливо и в отношении глоттализованного *k^ʔ*, в языке взрослых, как правило, не сохраняющегося (кроме 1 – 2 слов). Звонкий *g*, отсутствующий в адыгейском, появляется в СДЛ из огубленного *g^w* за счет транспонирования признака огубленности на последующий гласный (*təg^wə́z* → *təgiz^j* 'волк', *g^wə́g^wa* → *gogo* 'птичка'). Тем не менее, факт субституции указанных веларных в процессе порождения СДЛ в большинстве языков мира на соответствующие переднеязычные, свидетельствует о некоторой иерархии и внутри базового инвентаря: переднеязычные более центральны, чем веларные. Это находит свое отражение и в том, что практически очень трудно найти языки, в которых бы отсутствовали переднеязычные шумные, тогда как найти язык с лакунами в веларном ряду не представляет труда (ср. арабский, в ряде диалектов которого отсутствует звонкий веларный, большинство диалектов адыгейского и кабардинского, в которых есть лишь огубленные веларные и т.д.).

В число базовых консонантов входит и *l*, причем частотность его повышается благодаря нередкому использованию в качестве субститута варианта *ɾ*. Част и смягченный вариант *l*.

Наконец, последним из базовых консонантов можно назвать *j*. Указания на иерархическое место *j* в ряду основных фонем СДЛ дают та-

кие факты, как встречающаяся (иногда) его субституция при порождении СДЛ другими, более "центральными" согласными, ср. (при деривации СДЛ): бежт. $j \rightarrow b, m$ (по одному слову в наших материалах); чеч. $j \rightarrow n$; ср. также чеч. $j \rightarrow \emptyset$ (в дифтонге ej), арм. $aj \rightarrow e$, узб. $j \rightarrow a$, гин. $ij \rightarrow i$, цез. $ju \rightarrow i$, $jo \rightarrow u$ и т.д.

Указанные звукотипы исчерпывают специфический базовый инвентарь согласных СДЛ:

b	d	g
p	t	k
m	n (j)	
	l	

Эти девять согласных (+j) являют собой консонантный минимум, присутствующий нормально в фонемных системах большинства языков. Данное количество близко к инвентарю минимальных консонантных систем, известных в языках мира, ср. 10 согласных в андоа (Северное Перу), в чероки (Сев.-Зап. Калифорния), 9 согласных в гадоуп (Новая Гвинея), 8 согласных (известный минимум!) в мура (Зап. Бразилия) и т.д. /Brackel 1983/. Подставив в каноническую модель слова СДЛ любой из указанных выше "базовых" согласных, мы получим типичные "детские" слова, характерные почти для любого языка мира: баба, папа, мама, дада, тата, нана, лала (ляля), гага, кака, йайа (последнее встречается реже). В целом представленный порядок слов с теми или иными согласными отражает реальную иерархию базовых консонантов в инвентаре СДЛ — они расположены в порядке убывающей "центральности". Я считаю не случайным, что во время сбора полевого материала по СДЛ в кавказских языках в записанных первых 34 аварских словах подобного рода нет *g, k*, в записи первых 38 слов ногойского СДЛ нет *g*, то же — в первых записанных 24 словах в лезгинском, в первых 24 словах в мегрельском. Еще более редок *j*, в основном он появляется в виде субституции вибранта *r*. Заклучая разговор об иерархических отношениях внутри базового консонантного инвентаря, можно суммировать, что латеральный сонант *l* является менее базовым по отношению к указанным выше биллабиальным и переднеязычным, велярные *g* и *k* менее базовы, чем биллабиальные, переднеязычные и латеральный сонорный, причем звонкий велярный менее базовый, чем глухой, а среднеязычный сонант *j* расположен в конце иерархического ряда фонем СДЛ.

1.5.1.2. Следующим классом согласных, характерных для СДЛ, являются спиранты и аффрикаты. Конкретный набор их здесь зависит от состава этих консонантов во "взрослой" системе, хотя общая тенденция — их сокращение за счет элиминирования всяких дополнительных признаков сибилянтов, часто субституции их смычными. В первых 34 словах, записанных мною при сборе СДЛ аварского языка из спирантов зафиксирован лишь *z*, а из аффрикат — *ʒ, s, ʃ* — на фоне 14 сибилян-

тов в литературном аварском. Картина по другим кавказским языкам следующая: чеч. *з, с, ѝ*, с в первых 32 записанных словах СДЛ (на фоне 10 сибиллянтов взрослого языка), карат. 7 сибиллянтов из 15, абх. 10 из 20, каб. 7 из 11, адыг. 12 из 22, таб. 6 из 18, сван. 6 из 10, лезг. 5 из 10, мегр. 5 из 10, груз., араб., арм. 4 из 10 и т.д.

Сибиллянты в целом менее базовы, чем указанные выше смычные, а следовательно, и более маркированы. Менее основной характер сибиллянтов по сравнению со смычными демонстрируется частой субституцией типа аффриката/спирант → смычный. В тех случаях, когда имеются фонетические варианты для более старших и более младших детей, для последних используется вариант с переднеязычными, а для первых – с аффрикатами или спирантами (ср. в осетинском варианты *zizi*, *zizi* 'грудь' для более старших, и *didi* – для младших).

Соотношение по принципу "базовости" между спирантами и аффрикатами не вполне ясно. Возможно, аффрикаты все же являются более маркированными (а следовательно, и менее базовыми), чем спиранты, хотя это нуждается в уточнении. В целом, свистящие сибиллянты в СДЛ превалируют (нередко значительно) над шипящими, которые более маркированы и менее центральны, чем первые.

Из сонорных, помимо отмеченных выше, в СДЛ могут встречаться *w* и *г*. В ряде случаев *w* заменяет *г* (как, например, в английском), либо огубленные *j^w*, *h^w*, *k^{rw}* (как в абхазском, абазинском (ашхарском) и адыгейском). В других случаях он сам заменяется на *t[?]* (в абхазском – *т* пример), или на *б*.

Дети обычно поздно осваивают всякие виды *г*, что отражается и в СДЛ – обычно здесь он замещается близкими смычными или спирантами (*л, д, т, ж, в* и т.п.), либо просто опускается. Тем не менее, в ряде слов СДЛ он все же присутствует, что объясняется либо сохранением его при деривации СДЛ, либо звукоподражательной/звукоизобразительной природой детского слова.

1.5.1.3. Для СДЛ характерны также более задние по образованию (поствелярные) звукотипы. Наличие их здесь обусловлено либо сохранением исходных фонем при деривации СДЛ, либо эмфатической, экспрессивной природой слов, в которых они употребляются. Здесь также действует фоносемантический принцип, характерный для звукового состава СДЛ – более задний = более маркированный. Даже при сохранении некоторых поствелярных согласных в СДЛ состав их, по сравнению со взрослым инвентарем поствелярных, значительно сокращен. Во многих языках поствелярные звукотипы СДЛ включают ларингальные *ʔ* и *ɦ* даже в тех случаях, когда взрослая система не включает их в инвентарь фонем. Они присутствуют, как правило, в словах звукоподражательной природы и дополнительно распределены семантически: *ʔ* почти во всех языках универсально используется при звукоизображении мускульного

напряжения при дефекации – отсюда различные вариации детских слов типа ʔaʔa, ʔaʔa (либо еще более эмфатически – ʔaʔa), а также с субституцией ларингалов на нормальные консонанты слова типа кака (ср. русск., лат. и др.). С другой стороны, h/ħ – частый звук в словах, обозначающих собаку и производных от подражания лаю (типа haw-haw, либо haw-ħaw); обычно в нормальной, "взрослой" речи, в языках, в которых отсутствуют ларингальные фонемы, h/ħ заменяется на велярный, ср. рус. гав-гав. Хотя звукотипы ʔ и h/ħ относятся, в целом, к периферии звукового состава СДЛ, они встречаются в этом слое лексик достаточно широко, и даже в таких неэкзотических языках, как русский, где возможны ʔaʔa, haw-haw и т.д. Сказанное, однако, не дает никакого основания видеть ларингальные в числе звуков, наиболее рано усваиваемых самим ребенком (иначе см. /Ferguson 1956, 125 – 126/).

Другой класс периферийных звуков – различные кликсы. Несмотря на то, что они воспринимаются в качестве экзотических звукотипов, кликсы могут присутствовать (правда, на крайней периферии фонологической системы) в любом языке. Наличие кликсов также является характерной чертой звукового состава СДЛ. Часты они, так же как и ларингальные, в словах звукоизобразительной природы (хотя ларингалы на уровне фонем могут присутствовать и в стандартной форме языка), нередко образованных от соответствующих междометий. Это, как правило, слова, в значении 'целовать / поцелуй', 'вода / пить / молоко', а также в значении 'хороший / красивый / приятный' – зубный или латеральный щелчок с семантикой одобрения, восхищения, в значении 'вкусный, сладкий' – причмокивающий кликс и т.д. В СДЛ возможны, таким образом, губные, зубные, латеральные и иные кликсы. Ср. губно-язычный кликс ^mʔah 'пить / вода' в русском СДЛ, зубной кликс в слове ⁿʔah 'вода / пить' в табасаранском, импловивный абруптивный кликс в слове ^pʔa^h (a)ja 'поцелуй!' в лезгинском, схожий звук в слове ^ʔraç-i 'поцелуй' в мегрельском и т.д. В одной из семей индейцев **кама** Р.Освальт зафиксировал целый набор различных кликсов, используемых в СДЛ для обозначения разных видов еды /Oswalt 1976, 4–5/. В менее экспрессивном произношении кликсы заменяются глоттализированными, либо простыми переднеязычными или билабиальными. Ср.: авар. ^tʔaħ, лезг. ^tʔeh, арч. ^pʔaħ, абх. (azi)-mç^ʔk^ʔa 'вода / пить'; авар. baʃ, карат. ova (ga), лезг. ^tʔa^h, чеч. ova āla, абх. баа, каб. ба, адг. (a)baa, мегр. ба, сван. ^pʔač^ʔ-il, кор. роро 'целовать / поцелуй' и т.д.

1.5.1.4. Мы очертили, таким образом, характерные черты звукового состава СДЛ. Из представленного обзора видно, что, во-первых, консонантный инвентарь СДЛ строго функционален и символичен. Степень маркированности того или иного звука обуславливается тем, насколько он локализуется в ротовой полости. Более передние по ме-

сту образования согласные входят в состав нейтральной с точки зрения семантики лексем, более задние – в слова с повышенной экспрессивной окраской. Это обстоятельство предопределяет вторую особенность звукового состава СДЛ – его стратифицированный характер, с выделением центра консонантной системы и ее периферии. В центр входят основные, базовые согласные переднего места образования, в периферию – наоборот, задние, а также комплексные согласные, различные кликсы, служащие фонетическим средством создания экспрессивной окраски слова. Иногде при деривации СДЛ, наоборот, некоторые центральные консонанты заменяются на более периферийные. Ср. предпочтение альвеолярного t простому t в кокопа, что объясняется низкой частотностью дентального t в исконных словах (он, в основном, присутствует в испанских заимствованиях) /Crawford 1970, 12/. В диалектах Сан Фелипе языка отоми чертой СДЛ является использование ретрофлексных согласных /Ferguson 1977, 226/. В испанском СДЛ отличительной чертой является замена $s \rightarrow \xi$, т.е. простого на комплексный, что отмечается также для маратхи, японского, апинайе и др. В арабском такие лексемы СДЛ, как мама, папа произносятся с эмфатическими (веляризованными) билабиальными, очень редкими для речи взрослых: $\text{p}^{\text{h}}\text{a}^{\text{h}}\text{p}\text{a}$ 'папа', $\text{m}^{\text{h}}\text{a}^{\text{h}}\text{p}\text{a}$ 'мама' /Ferguson 1977, 227/. Из этого не следует делать вывода о меньшей маркированности указанных звукотипов либо о ранней усваиваемости их ребенком. Использование их обусловлено как раз редкостью подобных согласных для речи взрослых, стремлением фонетически маркировать звуковой облик СДЛ. Сомнительно, чтобы дети не заменяли эти фонетически трудные звуки на более простые и, следовательно, более центральные согласные.

1.5.2. Соотношение систем вокализма СДЛ и языка взрослых. Как отмечено выше, общей закономерностью при порождении СДЛ, параллельно с упрощением консонантизма, является количественное и качественное упрощение системы гласных данного языка. При этом действует тенденция к открытости гласных, к достижению канонической структуры CaCa , что можно определить как "а-стремление". Наличие в СДЛ других гласных объясняется как сохранением фонем "взрослого" инвентаря, так и звуковой символикой, присущей звуковому составу тех или иных слов СДЛ.

Количественное соотношение инвентаря взрослого и детского вокализма определяется, в целом, как 2:1, т.е. число гласных фонем в словах СДЛ примерно вдвое меньше соответствующей системы в языке взрослых. Но такое соотношение справедливо, в основном, для систем с богатым вокализмом (ср. 18 гласных в чеченском и сванском против 10 гласных в их СДЛ). В случае с вокалической системой из 5–6 фонем, все они в норме сохраняются в СДЛ. Наконец, в языках с минимальным вокалическим инвентарем количество гласных в словах СДЛ превышает инвентарь стандартной системы. Это наблюдается, в частности, в абхазо-адыгских языках

за счет перераспределения тембровых модификаций с комплексных согласных на гласные, нейтральные в тембровом отношении (в абх. а, ә ; в адг. и убх. ә , а, ā). Ср. абх. /a-g^wə/ → a-gu 'сердце', адг. /g^wäg^wa/ → gogo 'птичка' и т.д. Таким образом, двух- или трехчленная система абхазо-адгского вокализма преобразуется при порождении СДЛ в четырех-пятичленную.

Несомненным представляется и звукоимпульсивный характер использования гласных в СДЛ – так, а, в целом, закреплено за наиболее нейтральными по семантике (термины родства, названия пищи и т.п.) словами, в обозначениях буки, чулища наиболее часты о или u (см. выше), а в названии груди нередки узкие е или i. Последний гласный част также в различных диминутивах, названиях детенышей животных или птиц, в различных звукоподражаниях и т.п.

Как и в случае с согласными, в СДЛ для создания фонетической девиантности слов СДЛ могут использоваться редкие или отсутствующие в системе данного языка гласные. Так, для латышского СДЛ характерна тенденция к лабиализации гласных (см. выше), более широкая, чем в языке взрослых, дистрибуция открытых е и ё /Rūķe-Draviņa 1977, 239/. В курдском при деривации СДЛ отмечены случаи замены открытого u закрытым ū (ср. guz → žūz 'орех'). Несмотря на подобные примеры некоторого преобладания при порождении СДЛ фоносемантических тенденций над прагматическими, общей чертой при модификации гласных в процессе деривации СДЛ являются упрощение их артикуляции, устранение дополнительных тембров: фарингализованности, назализованности, лабиализованности и т.д., замена периферийных фонем базовыми.

1.6.0. Диахронический аспект

Проецируя фонологические черты СДЛ в лингвистическую ретроспективу, можно предположить, что выделение центра и периферии фонемной системы в онтогенезе (при порождении СДЛ) отражает, возможно, изначальную дихотомию таких систем в филогенезе. Однако исследование фонологии СДЛ может представлять интерес и с точки зрения более близких к современному времени языковых состояний. Так, любопытны отмеченные некоторыми авторами случаи, когда фонетический облик того или иного "детского" слова совпадает не со "взрослой" лексемой данного языка, а со звуковым обликом того же слова в другом диалекте. Так, в нивхском СДЛ имеется слово moq 'медведь', которое отличается от стандартной формы *oxyf*, но сближается с обозначением медведя в другом диалекте нивхского – maqʳ /Austerlitz 1956, 267/. В кавказских языках примером этому может служить детское слово bocej 'платье' в черкесском диалекте кабардинского, которое отличается от взрослой формы этого слова – box^wcej, а также от лит. каб. bosteј и сближается с формой boceј в теркском д-те кабардинского. Груз. детск.

k^ʔai из взр. k^ʔargi 'хороший' совпадает с взрослой формой данного слова в языке сочинских грузин (k^ʔai). Сходные явления отмечены и для СДЛ языка хавьяка /Bhat 1967, 36/.

Звуковое изменение при деривации СДЛ зачастую повторяет аналогичное изменение в родственном языке либо диалекте. Так, замена свистяще-шипящих сибиллянтов на свистящие (и иногда шипящие) в СДЛ коррелирует с подобным же изменением в диалектах и говорах абхазо-адыгских языков. Замена в СДЛ увулярного глоттализованного q^ʔ ларингалом ? в суффиксе отрицания -q^ʔэм кабардинского языка в некоторых районах, как отмечает Б.Х.Бгажников, "особенно в центральной и восточной Кабарде, стала или постепенно становится нормой произношения в среде взрослых" /Бгажников 1984, 157/. Делабиялизация переднеязычных в СДЛ абхазского языка находит соответствия в аналогичной делабиялизации в ашхарском диалекте абазинского и в речи батумских абхазов (ср. абх. детск. u-t^ʔa 'сядь' при взр. wə-t^ʔwa и ашхар., батум. u-t^ʔa). Процесс r → ∅ при порождении СДЛ в грузинском языке находит параллель в аналогичном явлении в диалектах родственного грузинскому лазского языка. Замена в СДЛ ряда дагестанских языков латералов ʃ, ʃ^ʔ на t, t^ʔ аналогична переходу авар. ʃ, ʃ^ʔ в t, t^ʔ в анцухском д-те аварского. Иногда в СДЛ наблюдается своеобразное восстановление ситуации, характерной для более древнего состояния данного языка (либо консервация старого состояния). Так, практически полное отсутствие звонкого шипящего ʒ в СДЛ сирийского д-та арабского может отражать старое состояние данного диалекта, в котором ʒ восходит к велярному g (ср. сохранение g в египетском и в ряде других арабских диалектах). В СДЛ японского языка исходный h иногда заменяется на p, причем в этом, по мнению Ч.Фергюсона, можно усматривать сохранение старого звукотипа, так как япон. h обычно восходит к более раннему *p /Ferguson 1977, 224/.

Интересен и случай, описанный для языка кокопа, в котором согласные СДЛ в ряде случаев соответствуют фонемам, реконструированным для прото-кума (предка кокопа и родственных ему языков диегеньо, валалаи, йавапал, мохаве и др.). Отмечая это обстоятельство, а также приводимые другими авторами примеры значительной консервативности СДЛ, Дж. Крофорд пишет, что ценность изучения СДЛ (baby talk) значительно повышается, если это изучение может пролить свет на формы речи взрослых, относящиеся к более ранней ступени развития данного языка /Crawford 1970, 13/. С этой точки зрения показательны и факты СДЛ абхазо-адыгских языков, звуковой облик которого как бы восстанавливает исходную картину, соответствующую древнейшим этапам развития западно-кавказского праязыка: тембровые различия придают не согласным, а гласным, в результате чего появляется нормальная с типологической точки зрения система гласных (5-6 фонем при современном двучленном вока-

лизме) и значительно сокращенная в результате этого система согласных.

Представленный в данной главе материал охватывает, на наш взгляд, основной круг вопросов, относящихся к проблеме специализированного детского лексикона. Помимо того, что эта проблема представляет самостоятельный интерес, изучение ее позволяет сделать определенные выводы более общего порядка. Одним из основных выводов подобного рода является то, что взрослые, порождая СДЛ, интуитивно оценивают степень стратифицированности фонемной системы своего языка, выделяя ее центр и периферию. При этом к центру относятся наиболее простые и немаркированные, а к периферии — артикуляционно более сложные (в основном комплексные, а также поствелярные), либо маргинальные (например, свистяще-шипящие, ларингалы) и сравнительно более маркированные звукотипы. В соответствии с такой оценкой, взрослые, порождая СДЛ с целью создания "адекватной" формы языковой коммуникации, соответствующей их взглядам на лингвистические способности маленького ребенка, используют, как правило, центральные (базисные) звукотипы. Общей тенденцией (или установкой) при порождении СДЛ из стандартной формы языка является, таким образом, субституция периферийных фонем центральными, причем семиотически отмеченным оказывается и сам процесс субституции, так как, вкупе с другими средствами, он символизирует сдвиг от стандартной формы речи к девиантной его разновидности. Интуитивно выделяемый при порождении СДЛ центр фонемной системы данного языка практически совпадает с фонемным минимумом, представленным в языках мира.

Глава II

ТИПОЛОГИЯ КОМПЛЕКСНЫХ СОГЛАСНЫХ

2.0.0. Комплексные согласные как периферия фонемной системы

К комплексным нами относятся такие согласные, произношение которых основывается на сочетании какой-либо основной (базовой) артикуляции с дополнительной, накладывающейся на основную. Так, например, аффрикаты произносятся благодаря сочетанию смычности и спирантности, лабиализованные – на основе сочетания базовой артикуляции с w-образным, или u-образным огублением, палатализованные характеризуются наложением на основную артикуляцию j-образного, или i-образного призвука и т.д. Во всех случаях базовая артикуляция определяет принадлежность комплексного согласного к тому или иному фонемному ряду (к дентальному, велярному, ларингальному и т.п.), тогда как дополнительная артикуляция лишь модифицирует основную, несколько ее видоизменяя. Дополнительную артикуляцию комплексного согласного можно определить в качестве модификатора, а сам базовый звукотип, на который налагается модификатор, можно назвать модификантом. Базовую артикуляцию, определяющую родовую принадлежность данной фонемы, обозначим здесь символом C (consonant), модификатор – символом с, а комплексную фонему – символом C^c. Далее, в тексте символ R будет обозначать любой сонорный, N – любой назальный, T – любой шумный, а S – любой спирант. Символы h, ?, n, j, w, помимо обозначения соответствующих фонем, будут обозначать модификаторы аспираторов, глоттализаторов, назализованных, палатализованных и лабиализованных звукотипов. Фигурные скобки будут выделять глубинные фонемы и кластеры, косые скобки – поверхностные фонемы, а квадратные скобки – звуки речи (фоны). Кроме того, символ V служит для обозначения любого гласного, ¯ – долготы (геминации, силы), тильда ~ – назальности, _ – фарингализации, o под согласным – глухости, , – слоговости.

2.0.1. С точки зрения комплексности можно выделить следующие виды сочетания основной и дополнительной артикуляции:

- (I) консонантные признаки, налагаемые на согласные (C^c);
- (2) вокалические признаки, налагаемые на согласные (C^v).

Первый из указанных видов может иметь следующие разновидности:

модификатор h (аспирация): C^h

модификатор ? (глоттализация): C[?]

модификатор C (геминация): C^C

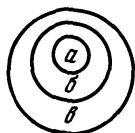
модификатор j (палатализация): C^j

модификатор w (лабиализация): c^w
 модификатор N (назализация): $c^N (/ / \zeta)$
 модификатор ζ (фарингализация): $c^\zeta / / \zeta$
 модификатор S (аффрикатизация): c^S

Реализацией второго вида сочетания артикуляций является слоговость согласного: $C + V \rightarrow c^V (/ / \zeta)$

Комплексные вокалические фонемы мы будем затрагивать лишь попутно, в связи с соответствующими согласными.

2.0.2. Основные, базовые фонемы составляют, как было сказано выше, центр фонемной системы, тогда как комплексные фонемы располагаются на ее периферии. Традиционно периферийными согласными называют так называемые "экзотические", внесистемные звукотипы – разного рода кликсы и т.п. Речь следует вести, видимо, о различных градациях степени "периферийности" и, соответственно, о различных степенях маркированности тех или иных звукотипов. Внефонемные звуки (в основном, кликсы) так или иначе представлены во многих языках мира, по сравнению с другими звукотипами они являются наиболее периферийными и максимально маркированными (это положение характеризует и те системы, в которых кликсы имеют статус фонем). Графически соотношение центра и периферии фонемной системы можно представить в виде нескольких зон:

Зона (а) включает самые основные, "базовые", немаркированные звукотипы, составляющие центр системы. В зоне (б) расположены главным образом комплексные, а

также некоторые другие фонемы, периферийные по отношению к центру и более маркированные. Наконец, зона (в) состоит из звукотипов, максимально удаленных от центра, максимально маркированных и наиболее периферийных. Эта область выступает за рамки собственно фонемной системы, и относящиеся к ней звукотипы очень редко входят или вовсе не входят в фонемный состав языков мира.

2.0.3. Комплексные согласные отличаются от сочетаний согласных $C+C$ тем, что они произносятся слитно, единой артикуляцией. Говоря о комплексных фонемах (аффрикатах, придыхательных, глоттализированных, палатализированных, лабиализированных), Н.С.Трубецкой подчеркивал, что "во всех случаях речь идет о постепенном убывании артикуляционного комплекса... Во всех таких случаях мы имеем дело с единым артикуляционным движением, которое происходит в одном направлении (а именно в направлении "убывания" или "сокращения" сложного артикуляционного комплекса...). В противоположность этому такая группа звуков, как st ни при каких обстоятельствах не может быть однофонемной, поскольку здесь имеет место постепенное "нарастание" смычки, которая затем "убывает" (т.е. размыкается). Равным образом, не может быть однофо-

немным и сочетание ks , так как оно предполагает два различных артикуляционных движения" /Трубецкой 1960, 65/. Последнее замечание Трубецкого не следует, однако, абсолютизировать: монофонемный характер имеют, например, глоттализированные спиранты адыгских языков (λ , $s^?$, $s^{?w}$), характеризующиеся как раз нарастанием смычки, а не ее убыванием.

2.0.4. Говоря о локализации модификатора по отношению к базовому согласному, можно сказать, что он может занимать как препозицию (C1C), так и постпозицию (C^C1), что зависит от конкретной природы как модификатора, так и модификанта. Возможна в конкретных фонетических условиях (в отдельных языках) и свободная, шарнирно подвижная позиция модификатора: в одних условиях он может быть в препозиции, в других – в постпозиции. Модификатор может быть, наконец, симультанным основной артикуляции, как бы растекаясь по ней. Фонетически возможен и вариант реализации комплексной фонемы $/C^C1/$ в виде $c_1C^C1c_1$, т.е. когда признак модификатора предшествует основной артикуляции, затем "растекается" по модификанту и, наконец, звучит какое-то время после реализации основной артикуляции. Основными типами позиции модификатора по отношению к модификанту могут быть, следовательно, следующие:

$$\begin{aligned} & [^C1C] \\ /C^C1/ &= [^C1C] \\ & [C^C1] \end{aligned}$$

2.1.0. Аспирация (C^h)

Аспирированные согласные распространены в языках мира достаточно широко, и хотя ларингальные артикуляции (типа арабского 'айна и т.п.) в целом считаются экзотическими, придыхательные консонанты, равно как и фонема h , встречаются во многих языках европейского ареала (в германских, финно-угорских и др.).

Наличие какой-либо дополнительной артикуляции указывает в норме на присутствие в системе и чистого носителя данного признака. Поэтому, говоря о комплексном согласном, мы будем параллельно касаться и вопроса о природе и поведении сегментного коррелята его модификатора.

2.1.1. Сегментным аналогом модификатора придыхательности является ларингальный спирант h . Наиболее обычный вариант его – звук типа английского или немецкого h – так называемое "чистое придыхание", создаваемое продуванием легочного воздуха сквозь разведенные связки. В других языках, как, например, в кабардинском или абхазском глухой ларингальный спирант отличается несколько "эмфатизированным" произношением – более глубокой и интенсивной артикуляцией, образованной умеренным сужением надсвязочного прохода. Имеются и эмфатические ларингалы, типа арабского h , еще более глубокие и интенсивные, образующиеся сужением надсвязочного межхрящевого прохода /Арч. яз., 202/.

С точки зрения артикуляции, *h*, как отмечается в литературе, является "нейтральным" согласным, органы речи при произнесении которого занимают "почти такое же положение, как при покое" (/Вахек 1964, 209/, ср. /Принципы, 251-252/). Н.С.Трубецкой отмечает, что *h* в большинстве языков является "неопределенной согласной фонемой вообще" /Трубецкой 1960, 166/. Нейтральность *h* проявляется и на парадигматическом уровне, что будет показано ниже. Тем не менее, в плане синтагматики ларингал *h* не всегда является нейтральным, поскольку в ряде языков он может оказывать большое воздействие как на контактирующие с ним согласные, так и на гласные.

Ларингал *h* может реализоваться с различной степенью интенсивности – от слабого до сильного (густого) придыхания. Он может еще более усиливаться, образуя посредством сжатия фаринкса звуки типа арабских эмфатических *ḥ* и *ʕ*. С другой стороны, шум придыхания может быть и очень слабым, в таких условиях *h* может перейти в ноль звука. Имеются случаи сохранения фонемного статуса *h* в условиях фонетического нуля – ср. французское *h-aspiré*.

2.1.2. Синтагматика. Синтагматические особенности ларингала *h* позволяют говорить о его значительной специфичности в сравнении с другими звукотипами. Это проявляется как в налагаемых на него дистрибутивных ограничениях, так и в том воздействии, которое он оказывает на соседние фонемы.

2.1.2.1. Дистрибуция. Ограничения, налагаемые на позицию или сочетания *h* с другими фонемами, можно проследить на большом материале.

В абхазском языке, имеющем двучленную систему вокализма /а, ә/, сочетания /*h*/ с /ә/ очень редки. Характерно, что /*h*/, хорошо представленное в адыгских языках и абхазском, в родственном им убыхском встречается лишь в нескольких словах преимущественно междометного происхождения. В кечуа /*h*/ встречается лишь в начале слова /Царенко 1972, 98/. В нивхском языке /*h*/ в позиции между согласными и гласными выпадает, чередуясь в нулем /Панфилов 1962, 9/. В грузинском /*h*/ стоит особняком и наряду с /*ʒ*/ частотно является одной из самых редких фонем, встречаясь исключительно в заимствованных словах /Чикобава 1967, 26, 28, 29/. В дарвазских говорах таджикского "спирант /*h*/ крайне неустойчив и, хотя и является фонемой, тем не менее имеет постоянную тенденцию к выпадению к любой позиции..." /Розенфельд 1956, 202/. В амхарском /*h*/ в ряде случаев переходит в ноль /Жвания 1985, 4/. В ингушском /*h*/ встречается в основном в анлауте, но и здесь он неустойчив, утрачиваясь или замещаясь другими согласными (например, *j*) /Ян Ю, 211/. В шапсугском диалекте адыгейского /*h*/, в отличие от /*ḥ*/, встречается в основном в абсолютном начале слова в нескольких словах. В маринахуа (Перу) /*h*/ встречается лишь в трех словах /Pike, Scott 1962, 5/. В помо /*h*/ никогда не стоит

перед согласными, а после них реализуется в виде их аспирации /Webb 1971, 5/. В восточно-алгонкинском языке мунси исходный /h/ в конце существительных утрачен. В то же время некоторые носители языка опускают конечный /h/ и в глаголах, в результате чего он сохраняется лишь в немногих частицах /Goddard 1982, 44/. В английском, немецком, якутском /h/ встречается только в начале слова /Зиндер 1979, 72/.

2.1.2.2. Дiachрония. Дистрибутивная ограниченность h, его слабая включенность в систему демонстрируется и данными диахронии. Так, из енисейских языков исходный /h/ сохранился (в анлауте) лишь в коттском языке /Старостин 1982, 169/. Начальный /h/ древнегреческого языка перешел перед гласными в ноль звука. Общефинноугорское *s в венгерском через ступень ʃ перешло в h, а затем h был утрачен. В монгольских языках *h (< *p, *q) в одних диалектах сохраняется, а в других (в анлауте) исчезает. Начальный h утрачивается во многих эстонских диалектах. В испанском в большинстве позиций /f/ перешел в /h/, который затем исчез /Серебренников 1974, 93/. Слабой оказалась позиция /h/ в германских языках: в древневерхненемецком /h/ терялся в кластерах /hl/, /hr/, /hw/, /hn/, а в позднем средневерхненемецком и в интервокальной позиции. В др.-в.-нем. оказался утраченным и анлаутный /h-/. В позднелатинском /h/ был элиминирован во всех позициях /Penzl 1957, 197, 202/. Отмечается слабая включенность /h/ в восточноиранском. Раннеиранское сочетание *h₂ (< и.-е. *s₂) не сохранилось, дав рефлексы x^w, x, w, f. В восточноиранских языках начальный *h перешел в ноль звука, либо усилился в x /Эдельман 1986, 101, 210, 51, 54/. Ларингал h сохраняется в лазском, но исчезает в близкородственном мегрельском.

2.1.2.3. Служебная функция h. Слабая включенность h связана с его периферийностью. Периферийность, маргинальность h проявляется, в частности, в том, что он находится на границе между сегментными и суперсегментными единицами языка, выступая по языкам как сегментной фонемой, так и модификатором (дополнительным признаком) другой фонемы, либо, наконец, единицей суперсегментного уровня. Указанные обстоятельства, связанные и с особенностью артикуляции ларингала h, обуславливают его сегментную слабость.

Во многих языках ларингальное придыхание используется в качестве "служебной фонемы". Роль "служебной" фонемы, согласно С.В.Кодзасову, "можно сравнить с ролью служебных слов: не обладая "полнозначностью" (смыслоразличительностью), она тем не менее является необходимым элементом фонематической структуры" /Арч. яз., 232/.

Основная функция ларингала h в роли служебной фонемы – прикрытие анлаутного гласного (в условиях запрета на гласный исход), либо устранение зияния. В функции прикрытия начального гласного служебная

фонема *h* используется в ряде случаев в сванском, в адыгских языках, в дагестанских, иранских, тюркских и т.д. В этом случае ларингальная протеза изофункциональна гоморганной ей ларингальной смычке *ʔ* и, как и последняя, выступает символом согласного (*h* – символ шумности, *ʔ* – символ смычности). В языке кус (США) сочетание двух гласных одинакового качества и количества избегается – между ними появляется слабый *h* /Frachtenberg 1969, 314/. В такелма (Юго-Западный Орегон, США) при сочетании двух гласных в слове, первая (ударная) гласная отделяется от второй "неорганическим" *-h-* /Sapir 1969, 51/.

2.1.2.4. Пограничность *h*. Пограничность ларингала *h*, как указывалось выше, заключается в том, что он находится как бы на грани сегментных и суперсегментных единиц языка, и нередко из сегментного уровня транспонируется в суперсегментный, становясь признаком тона. Так, в чинантекском языке (диалект лалана) Мексики /*h*/, как и /*ʔ*/, в начально-слоговой позиции функционирует как сегментная фонема, но в поствокальной позиции он напоминает и просодический элемент, так как некоторые из его компонентов реализуются по всему слогу /Rensch, Rensch 1966, 456/. Нисходящий тон на долгом гласном в одних диалектах хопи соответствует краткому гласному, предшествующему преаспирированному согласному, в других его диалектах /Manaster-Ramer 1986, 155/. Транспонирование ларингала *h* в элемент просодии прослеживается и на материале многих других языков (см. /Иванов 1975, 47/).

Пограничность *h* проявляется и в том, что реализацией его может являться удлинение соседнего гласного. Так, в сквамиш последовательности /*ifi*, *ufi*, *əfi*/ перед согласными или в конце слова реализуются как долгие гласные /*ē*, *ē*, *ō*, *ō*, *ā*/ /Kuipers 1967, 25/. В языке ючи (Центр. Оклахома, США) *h* в интервокальной позиции исчезает, удлиняя предшествующий гласный /Wagner 1933–1938, 302/. Внесистемность данного ларингала проявляется в сквамиш, где /*h*/ является единственным звонким среди шумных /Kuipers 1967/.

2.1.2.5. Особенности реализации. Синтагматическая активность *h* иллюстрируется следующими примерами. В каюга (ирокезские языки) в определенных типах слогов *h* в позиции CVhC- оглушает как предшествующий ему гласный, так и согласный, ср. *kaŋwístʔaes*, фонетически [*kʰAwísdʔaes*], где [*ʌ*] обозначает глухой гласный. В позиции перед гласным происходит метатеза и озвончение предшествующего гласного, ср. *akékaŋaʔ* 'мой глаз', фонетически [*agékhaaʔ*] /Foster 1982, 70/. В гитксан (Британская Колумбия, США) фонема /*h*/ может реализовываться как /*h*, *ɦ*, *ɦ*, *ɣ*, *ʔ*/ /Hoard 1978, 113/. Во многих языках сочетание ларингала *h* с шумным реализуется в виде аспирированного шумного. Например, в такелма звонкий смычный в сочетании с *h* реализуется в виде [*ɕ^h*], а глоттализованный смычный + *h* дают преглот-

тализованный аспирированный смычный /Sapir 1969, 43/. В юго-западном помо фонемы /p t t̥ s k q/ в позиции перед /h/ аспирируются, а сам /h/ исчезает /Webb 1971, 3/. Сходная картина в определенных позициях наблюдается в чумаш (США) /Applegate 1976, 280/, в южном намоки-вара (Бразилия) /Price 1976, 346/ и в других языках.

2.1.2.6. О влиянии h на гласные говорилось выше. Следует отметить, видимо, и значение несомненной природной близости (помимо чисто функциональной) h//ɦ к глоттальной смычке ʔ, которую можно считать смычным аналогом (или коррелятом) h. Так, в койе, диалекте дравидийского языка поиди, в качестве свободного аллофона /h/ выступает /ʔ/ /Андронов 1978, 55/. То же отмечается для гитксан (см. выше), могавк /Касевич 1983, 61/. Взаимозависимость h и ʔ прослеживается и в диалектах. Так, в арабском в ряде случаев ʔ возникает из исходного *h /Афр. яз., 21/. Происхождение ʔ из *h отмечено в ливском языке и в диалекте лейву эстонского языка /Иванов 1975, 391/. Прото-малайско-полинезийское *h в языках-потомках дает ʔ /Greenberg 1970, 137/. В родственных словах языков мунда отмечается соответствие h : ʔ /Bhat-tacharya 1965, 69/. Близость h и ʔ прослеживается в команче и кора, где в качестве финальных согласных допускаются лишь /h/ и /ʔ/ /Longacre 1968, 332/.

Суммировать характеристику наиболее существенных качеств ларингалов и ʔ можно словами Е.И.Царенко, сказанными в отношении двойственной природы ларингалов в кечуа: "Как ларингаловые фонемы, так и ларингаловые признаки, в дополнение к своей основной функции (соответственно фонематической и меризматической), несут ту функциональную нагрузку, которая обычно свойственна просодическим единицам кульминативного типа. Такое совмещение разнородных функций одними и теми же звуковыми элементами не может не сказаться отрицательно на полноценном выполнении каждой из совмещаемых функций. Ларингаловые фонемы имеют ослабленную "фонемность", а ларингаловые признаки – ослабленную "признаковость". Но наличие фонемности и признаковости, пусть даже в ослабленном виде, не позволяет в полной мере проявиться и их "просодичности". Отсюда слабость и неустойчивость ларингаловых фонологических единиц, склонность их к спонтанному возникновению и исчезновению" /Царенко 1974, 93-94/.

2.1.3. Парадигматика. Периферийность h, его сегментная слабость обуславливает то обстоятельство, что на сегментном уровне он, как правило, является внепарным и не обладает большинством корреляций, разделяемых другими согласными, т.е. оказывается слабо включенным не только синтагматически, но и парадигматически. Характерное для звукотипа h пограничное положение между единицами сегментного и суперсегментного уровня, а также его нередкое использование в служебной или символической функции, нейтральность h обуславливают преимущественное использование его в качестве модификатора, а не модификанта. Однако все это

не означает полной парадигматической нейтральности, "выключенности" ларингала *h*, что видно из следующего изложения.

2.1.3.1. Глухость – звонкость. В литературе отмечается, что противопоставление глухого *h* звонкому *ɦ* на сегментном уровне почти не встречается, они выступают преимущественно в качестве фонетических вариантов одной фонемы (/Арч.яз., 202/; ср. также/Принципы 1976, 252/).

Частотнее более обычен глухой *h*, который является основной реализацией фонемы /*h*/, в то время как его звонкий вариант дистрибутивно ограничен (чаще всего интервокальной позицией). Но имеются и случаи, когда основным звукотипом выступает, напротив, звонкий *ɦ*. Так, в сквамш /*ɦ*/ – единственная звонкая среди шумных согласных, чтоближает ее с сонорными. То же характерно для родственного сквамш языка шусвап /Kuipers 1974, 21/. Звонкий *ɦ* является основным звукотипом в сиуслав, кёр д'ален (США), африкаанс, кунг (юго-западная Африка), древнеиндийском, урду, ряде дагестанских языков. Хотя у нас и нет примеров на сегментное противопоставление *h* и *ɦ*, наличие такой корреляции, в принципе, исключить нельзя, ср. редкий сегментный контраст глухих и звонких эмфатизованных (*h* : *ɦ* ; *h*^w : *ɦ*^w) в абазинском.

2.1.3.2. Твердость – мягкость. Противопоставления подобного рода в языках мира используются довольно редко, что обусловлено артикуляционной "неудобностью" произношения мягкого придыхания и его недостаточным акустическим контрастом с несмягченным *h*. Отсутствие мягкостной корреляции *h* отмечается даже в тех языках, в которых противопоставление по наличию/отсутствию палатализации охватывает практически все ряды, ср., например, фонемную систему ирландского говора Торра, в котором палатализованными могут быть почти все согласные, за исключением /*h*/ (наряду с /*w*, *w*, *ɲ*/) /Sommerfelt 1962, 337/.

Вообще палатализованность плохо сочетается с поствелярными артикуляциями, ср., к примеру, редкость мягкого увулярного *q*^j, в отличие от широко распространенного в языках мира твердого *q*, его склонность к элиминации из системы (примером чему может служить исторический процесс $q^j \rightarrow \text{ʃ}^j$ в абхазском, что видно из сопоставления убых. *q*^jа 'рог' – абх. (абж.) а-с^w-*ʃ*^jа 'рог (для питья вина)', где а-с^w – 'бык').

Редок мягкий *h*^j и на фонетическом уровне. Например, в рутульском языке, в котором широко распространен процесс контактной ассимиляции по палатализации (перед передними гласными) палатализованные варианты отсутствуют лишь у /*h*/ и /*ʔ*/ /Алексеев 1981, 124/. Одним из немногих примеров наличия сегментного противопоставления /*h*/ : /*h*^j/ является вепсский язык, в котором мягкостная корреляция охватывает большинство фонем /ЯН III, 83/, а также саамский язык, в котором различаются не только простые /*h*/ : /*h*^j/, но и долгие /*ɦ*/ и /*ɦ*^j/ /ЯН III, 158/. Наличие мягкого /*h*^j/ отмечается в кашмири /Захарьин 1975, 165/.

2.1.3.3. Лабialisация. Контраст по огубленности также не очень характерен для *h*, хотя он встречается чаще, чем противопоставление по мягкости. Огубленный /*h^w*/ обычен в абхазском, ср. такие пары, как *a-ha* 'груша' - *a-h^wa* 'свинья', *ahe-s* 'в качестве князя' - *a-h^wes* 'теленос' и т.д. Огубленный *h^w* встречается также в таких северо-американских языках, как атапаскский, серрано, тлингит, кус, явапан и др., в амхарском языке Эфиопии и в ряде других языков.

2.1.3.4. Назализация. Противопоставления подобного рода также весьма редки, что объясняется антропофонической сложностью такого способа артикуляции - ларингальный выдох при опущенной небной занавеске. На уровне назализованного аллофона /*h*/ этот звук встречается в таких языках, как камаура (группа тупи-гуарани) /Принципы 1976, 252/, сунданезском (индонезийский язык, о.Ява) /Anderson 1972, 265/, в ряде дагестанских и в других языках. Назализованная фонема /*h̃*/ встречается в языках андоа, арабела и икито в Северном Перу.

2.1.3.5. Геминация. Фонемное противопоставление *h* : *h̄* встречается довольно редко. Оно отмечено в таких языках как урду (*h* : *h̄*), саамский (*h* : *h̄*), арабский (*h* : *h̄*). В саамском встречается и более сложное противопоставление - сочетание с признаком палатализованности (*h^j* : *h̄^j*) /Brackel 1983, 77, 96, 104/.

2.1.3.6. Эмфатизация. В литературе отмечаются по крайней мере две степени эмфатизации - сильная, при которой основной артикуляцией является сужение надсвязочного межхрящевоего прохода, образующая собственно эмфатические ларингалы, и слабая степень, для которой характерным является наложение дополнительного признака эмфатизации на обычное ларингальное придыхание /Арч. яз., 202/.

Эмфатические ларингалы представлены в арабском языке (*ħ, ʕ*), в ряде дагестанских языков /Арч. яз., 203/, в нутка (*ḥ*) и т.д. Эмфатизованные ларингалы представлены в абхазо-адыгских (*h, h^w, ḥ, ḥ^w*) и в ряде других языков.

2.1.3.7. Суммируя вышеизложенное, можно схематично представить основные парадигматические разновидности ларингала *h*:

<i>h̄</i>	<i>h^w</i>	<i>ḥ</i>
<i>h̄</i>	<i>h</i>	<i>ḥ</i>
<i>h^j</i>	<i>h̄</i>	

2.1.4. Аспирированные согласные. Основной чертой аспирированных согласных является наложение на базовую артикуляцию того или иного согласного дополнительной артикуляции ларингального придыхания. Подобные согласные распространены в языках мира довольно широко, однако не во всех из них признак аспирации является релевантным и используется для различения фонем, ср., например, такие языки, как английский или немецкий, в которых аспирация глухих смычных является фа-

культативным признаком этих согласных. Придыхательность часто трактуется в качестве релевантного признака в кавказских языках, однако, строго говоря, это справедливо в целом лишь для тех языков, в которых имеется оппозиция гоморганных согласных по признаку "наличие - отсутствие придыхательности" (ср., например, шапсугский и бжедугский д-ты адыгейского, ряд дагестанских языков). В других же кавказских языках подобная корреляция отсутствует, и здесь речь может идти лишь о факультативном (хотя и конститутивном) признаке "придыхательный отступ", маркирующем глухой неглоттализированный согласный, в отличие от признака "резкий (абрутивный, глоттальный) отступ", маркирующего глоттализированный консонант.

Говоря о локализации признака аспирации по отношению к основной артикуляции, можно отметить преимущественное распространение постаспирации, тогда как преаспирированные согласные более редки. Нечасто встречается, по-видимому, и полная simultанность основной и дополнительной артикуляций. Частотнее глухие придыхательные согласные более обычны, в то время как звонкие придыхательные встречаются значительно реже. С точки зрения силы придыхания согласные могут быть слабо-, средне- и сильно-аспирированными (последние встречаются, например, в бжедугском д-те адыгейского).

2.1.4.1. Синтагматика. Ограничений на дистрибуцию придыхательных согласных, как правило, не наблюдается, однако некоторые закономерности с этой точки зрения все же отметить можно. Так, в армянских диалектах звонкие аспираторованные встречаются лишь в начале слова /ИЯИ, 42/. В английском, персидском, чеченском языках фонетически аспираторованные глухие смычные в позиции после /s/ утрачивают придыхание. В ведийском придыхательный /t^h/ не встречается в начале слова, но в других позициях он имеет бóльшую частотность, чем все другие придыхательные /Семереньи 1980, 82/. В чичева (группа банту) корреляция придыхательности ограничена рядами, в которых существует назальная корреляция и отсутствует там, где имеется корреляция оближения. То же отмечается в языках индейцев пуэбло, ср. р-р^h-м, t-t^h-н vs. k-x, k^w-x^w, c-s /Трубецкой 1960, 201/.

В языке аймара дифференциальные признаки ларингализации обычно связаны с первым по порядку смычным в слове, являясь своего рода сигналом начала слова /Царенко 1974, 95/. В этом проявляется пограничность признака аспирации между сегментным и суперсегментным уровнями языка. В кечуа в пределах одного слова невозможны два или более аспираторованных /Там же/. Типологически близкой к кечуа является постулируемое Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Ивановым правило фонотактики аспираторованных смычных в праиндоевропейском, согласно которому "в одной основе допускается лишь один придыхательный звук. Если начальная фонема представлена в виде непрдыхательного аллофона, то последующая фонема проявляется в виде придыхательного, и наоборот..." /ИЯИ, 22/. Такое положение сохранялось в древнеиндийском и древне-

греческом, при последовательности двух аспирированных первый по диссимиляции утрачивал придыхание, что формулируется как "закон Грассмана" /Семереньи 1980, 34/. Позднее в греческом этот принцип был нарушен, в результате чего стала возможной ассимиляция по признаку аспирации /ИЯИ, 24/. В позиции перед /s/ здесь происходила нейтрализация $p: p^h, k: k^h$:g, причем в качестве нейтрализующей фонемы выступали придыхательные, ненапряженные члены корреляции /Широков 1983, 67/.

Пограничность признака аспирации между сегментообразующими и просодическими элементами еще более отчетливо, чем в кечуа, проявляется в новиндийском языке раджастан, в котором придыхательность является "просодическим" признаком, распространяющимся на все слово /ИЯИ, 24/. В кашмири часта аспирация конечных глухих как признак границы морфемы /Захарьин 1975, 162/.

2.1.4.1.1. Преаспирация. Н.С.Трубецкой с некоторой долей сомнения выделяет преаспирацию как один из типов модальных корреляций второй степени, отдельно от корреляции придыхания, определяя первую степень в качестве согласных с придыхательной имплозией /Трубецкой 1960, 174/. Приводя примеры преаспирации, Трубецкой ссылается на индейские языки фокс и хопи, замечая, что остается неясным, как следует трактовать "преаспирированные" согласные в этих языках – как монофонему, или же сочетание "h + согласный". При этом он цитирует Блумфилда, который толкует преаспирированные в языке фокс в качестве сочетаний hr, ht, hk, hč. Касаясь хопи, Трубецкой отмечает, что здесь перед преаспирированными невозможны долгие гласные, из чего "по законам данного языка очевидно, следует заключить, что и в хопи" преаспирированные нужно рассматривать как сочетания согласных" /Трубецкой 1960, 175/. Мы не отделяем преаспирацию от корреляции придыхания, исходя из того, что модификатор может располагаться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к модификанту. Хотя в приведенных Трубецким случаях действительно может иметь место сочетание "h + согласный", преаспирированные согласные возможны и в качестве самостоятельных звукотипов. Более обычны, однако, именно постаспирированные согласные.

Фонетическая преаспирация встречается в языке папаго (кото-ацтекская семья), где неначные глухие смычные и аффрикаты являются преаспирированными, а также в кашмири, в языке желтых уйгуров, в шотландском, исландском, шведском, норвежском, фарерском, финском, саамском и других языках.

2.1.4.2. Парадигматика. Наиболее обычной является корреляция придыхания у глухих шумных. Развернутая во всех рядах шумных, система придыхательных смычных представлена в бжедугском диалекте адыгейского языка:

p ^h	t ^h	*k ^h	*k ^{hj}	k ^{hw}	q ^h	q ^{hw}
ɣ ^h	ɣ ^{hj}	c ^h	c ^{hw}	ɣ ^h	ɣ ^{hj}	

Закрепленность признака аспирации преимущественно за глухими смычными соответствует аналогичной закрепленности признака глоттали-зации. В этом можно усматривать присутствие некоторого антропофони-ческого символизма: глухость придыхания как бы усиливает или под-черкивает глухость согласного, а глоттализация как бы подчеркивает смычность глухого консонанта. Такая фонетическая тавтология призва-на, по-видимому, усилить контрастность членов коррелятивных пар. Тем не менее, имеются редкие случаи звонких придыхательных фонем (см. ниже).

2.1.4.2.1. Глухость - звонкость. Звонкие придыхательные, в от-личие от глухих, встречаются намного реже. Такие согласные известны в некоторых армянских диалектах, в языках тибетской группы. Звонкими придыхательными обладают ряд индоиранских языков. Так, в синдхи и восточных диалектах бедуджского (в заимствованиях из синдхи), в ма-ратхи и пашаи имеются звонкие придыхательные спиранты: v^h и w^h. Придыхательные сонорные m^h, n^h, ɳ^h, l^h, ɭ^h, ʀ^h имеются в непали, ассамском, хинди, маратхи, гуджарати (ɳ^h - также в каньявали) /Эдельман 1975, 94/, звонкая придыхательная латеральная аффриката ʎ^h - в д-те сефокенг языка восточный сетсвана (Южная Африка).

2.1.4.2.2. Твердость - мягкость. Признак аспирации нейтрален по отношению к тембровой корреляции твердости-мягкости, поэтому обыч-ны как палатализованные, так и непалатализованные придыхательные со-гласные, примеры чему см. выше в иллюстрациях из адыгейского.

2.1.4.2.3. Лабиализация. Лабиализованные придыхательные доволь-но обычны в тех языках, в которых присутствует корреляция огубленно-сти. Противопоставление огубленных придыхательных огубленным непри-дыхательным см. в приведенных выше адыгейских данных, а также в агуль-ском, табасаранском, диалектах лезгинского языка и т.д.

2.1.4.2.4. Назализация. Сочетание дополнительных признаков наза-лизованности и придыхательности встречается очень редко, что объясня-ется антропофонической сложностью такой артикуляции. Примечательно, что в зулу придыхательные согласные рядом с назализованными согласны-ми теряют свою аспирацию /Herbert 1986, 243/. То же характерно для тараско /Там же/. Тем не менее в языке беембе группы банту (Конго) /р/ в позиции после назального гласного реализуется как преназализо-ванный придыхательный [p^h] /Там же, 129/. В банту одной из возмож-ных реализаций сочетаний (N + ptk) может быть [p^h, n^h, ɳ^h] /Там же, 243/. Примеров на фонемный статус назализованных придыхательных у нас нет.

2.1.4.2.5. Геминация. Противопоставление усиленных придыхатель-ных неусиленным встречается довольно редко, так как в усиленной аспира-ции кроется возможность того, что элемент придыхательности станет на-

столько доминирующим, что может ассимилировать основную артикуляцию, видоизменяя тем самым природу согласного. Так, усиление аспирации у смычных нередко приводит к их спонантизации, ср. процесс $p^h, t^h, k^h \rightarrow f, \theta, x$ в греческом, германском, $\chi^h, \chi^hj \rightarrow \psi^h, \psi^hj$ в диалектах адыгских языков и т.д. Однако артикуляция геминированных придыхательных не обязательно подразумевает усиленность дополнительной артикуляции. Напротив, для геминированных придыхательных более характерно не-придыхательное (или малопридыхательное) произношение начального компонента геминаты, в результате чего придыхание относится лишь к рекурсии геминаты. На фонетическом уровне придыхательные геминаты / $c^h + c^h$ / обычны в абхазо-адыгских языках, арчинском и др. языках, реализуясь, как правило, в интервокальной позиции. Встречающиеся в литературе попытки приписать геминатам указанных языков фонемный характер не получили признания у специалистов.

На фонемном уровне придыхательные геминаты встречаются, например в урду, где корреляция геминированности охватывает почти все ряды согласных [Brackel 1983, 104/:

p^h	\bar{p}^h	t^h	\bar{t}^h	\dot{t}^h	$\bar{\dot{t}}^h$	k^h	\bar{k}^h
		ξ^h	$\bar{\xi}^h$				
b^h	\bar{b}^h	d^h	\bar{d}^h	\dot{d}^h	$\bar{\dot{d}}^h$	g^h	\bar{g}^h
		$\dot{\xi}^h$	$\bar{\dot{\xi}}^h$				

Контраст / c^h / - / \bar{c}^h / отмечен и в агульском языке.

2.1.4.2.6. Исходя из вышеизложенного, основные парадигматические разновидности придыхательных согласных можно схематически представить в следующей таблице:

c^{hw}	c^h	
\bar{c}^h	c^h	\bar{c}^h
	c^{hj}	

2.1.5. Аспирированные гласные. Во многих языках развита фонетическая преаспирация анлаутных гласных в целях их зашумления (в случае запрета на гласный анлаут). Однако помимо этого имеются языки, в которых отмечается противопоставление гласных по признаку наличия-отсутствия придыхательности. Аспирированные гласные встречаются в западных диалектах пенджабского, в гуджарати, хиндустани. Так, в последнем выделяются чистые, назализованные и аспирированные гласные [Зиграф 1976, 173/]: $v : \bar{v} : v^h$.

Возможна различная трактовка аспирированных гласных. По мнению П.Пандит, элемент приглушения гласного находится в отношении дополнительной дистрибуции с элементом аспирации согласных (в гуджарати) и оба этих элемента могут трактоваться как аллофоны фонемы h (см. [Зиграф 1976, 173/). Придыхательные гласные встречаются и в других новоиндийских языках. Как отмечает Г.А.Зиграф, хотя "обычно в таких случаях h -образная окраска сопутствует гласному на всем протяжении

его звучания, выступая особенно отчетливо к его концу, в хинди допустимо и альтернативное произношение, воспроизводящее чистый гласный со следующим за ним звонким /ŋ/. В литературной норме гуджаратского приглушенный гласный может свободно чередоваться с чистым, но не наоборот, ср. схожие явления в бенгальском. Подобные примеры неустойчивости, равно как и недостаточная фонетическая изученность этого явления, побуждают нас воздержаться от однофонемной его трактовки и рассматривать приглушенные гласные как реализацию фонемного ряда "чистый гласный + ɳ" /Там же, 173-174/.

Тем не менее, неизученность данного явления не позволяет делать категорические выводы относительно би- или монофонемной трактовки аспирированных гласных в указанных языках. Не исключена в данном случае некая пограничная ситуация, при которой процесс фонологизации аспирированных гласных (хотя бы и возникающих из сочетания v + ɳ) еще не завершен.

В качестве сочетаний фонем рассматриваются "аспирированные гласные" и в удгейском языке /III У, 211-212/.

2.2.0. Глоттализация (сʔ)

Глоттализированные согласные распространены в языках мира достаточно широко, однако языки, в которых имеются указанные звукотипы, образуют довольно определенные ареалы, часто вне зависимости от генетической принадлежности входящих в такой ареал идиом (ср., например, осетинский, диалекты армянского на Кавказе). Из этого ареала почти целиком исключается Европа, где глоттализированные фонемы отсутствуют. Глоттализированные широко распространены в кавказских языках, однако их нет ни в Малой, ни в Передней Азии. За исключением ительменского, глоттализированные отсутствуют и в Северной Азии. Однако они широко представлены в Юго-Восточной Азии, Африке, Северной и Южной Америке. На Кавказе встречаются лишь эйективные глоттализированные, а в других ареалах – как эйективные, так и инъективные (имплозивные) глоттализированные фонемы. Отсутствие глоттализированных согласных в большинстве индоевропейских (по крайней мере во всех европейских) языков обусловило представление об "экзотическом" характере указанных звукотипов, однако, как мы увидим ниже, во многих языковых ареалах эти согласные вполне обычны.

2.2.1. Дополнительный признак глоттализации неотделим от своего фонемного репрезентанта – гортанной (ларингальной, глоттальной) смычки ʔ, которая, подобно спиранту ɳ, обнаруживает характерные для периферийных, маргинальных звукотипов особенности в функционировании и дистрибуции. Гортанная смычка образуется посредством смыкания голосовых связок. В зависимости от силы подобного смыкания различаются так называемый "мягкий приступ" – при несильной смычке и "твердый приступ" – при сильной смычке /Арч.яз., 201-202/. Наконец, как и в случае с ɳ, смычка может быть эмфатизированной (ʔ̤). Как отме-

чается в литературе, твердый и мягкий приступ, а также их эмфатизованные разновидности обычно являются фонетическими вариантами, не противопоставленными фонематически /Арч. яз., 202/.

Помимо того, что ? выступает в роли фонемы, он часто играет и роль так называемой "служебной фонемы" (об этом понятии см. выше, в 2.1.2.3.). Наконец, ларингальная смычка может функционировать и на суперсегментном уровне, выступая в качестве элемента просодии, в частности, признака тона в языках тональных систем.

2.2.2. Синтагматика. Материал различных языков указывает на неустойчивое положение ?, которое объясняется как артикуляционно-акустическими характеристиками этого звукотипа, так и его полифункциональным статусом (фонема, служебная фонема, единица суперсегментного уровня). Ларингальная смычка является, как правило, синтагматически нейтральной, сближаясь в этом с h /Catford 1977, 105; Jakobson

1957, 113/, однако в ряде языков ? может оказывать определенное воздействие как на согласные, так и на гласные. Так, в западном пополока гласный, предшествующий конечной глоттальной смычке, становится ларингализованным. То же происходит в позиции, когда гласный предшествует последовательности "? + глухой согласный". В том случае, если ? замыкает два последовательных слога, наблюдается сильная ларингализация гласного и любого звонкого согласного второго слога, причем ларингализованным оказывается даже гласный первого слога. /?/ влияет и на тональную систему пополока: высокий и средний тоны имеют более повышенные аллотоны, когда они встречаются в слоге с финальным /?/, так что слог CV? со средним тоном почти равен слогу CV с высоким тоном /Williams, Pike 1968, 369, 372/. В языке бонда (группа мунда, Индия) конечная гортанная смычка в случае, когда за ней следует гласный, обычно вызывает появление неорганического ɣ или ɖ, но если за смычкой следует согласный (например, в суффиксе), то этого не происходит. Подобное явление наблюдается и в глагольных основах, оканчивающихся на глоттальную смычку /Bhattacharya 1965, 70/.

В луисеньо /?/ в быстрой речи ослабевает и даже может быть опущен /Davis 1976, 198/, что происходит также с /?/ в интервокальной позиции в тагальском /Очерки, 249/. В намбиквара (Бразилия) различные согласные в зависимости от позиции при соседстве с /?/ могут становиться либо эйективными, либо инъективными. Перед восходящим тоном глоттальная смычка /?/ ларингализует звонкое начало /Price 1976, 345-346/. В наречии тенанго языка отоми последовательность "глухой согласный + ?" реализуется в виде эйективного глоттализованного, а такая же последовательность со звонкими согласными (b, d) часто выступает в виде звонкого импловизного /Blight, Pike 1976, 52/. В рутульском языке последовательность "звонкий + ?" реализуется в виде глухого глоттализованного, причем это правило действует как внутри слова, так

и на стыке слов /Алексеев 1981, 124/. Вобщем, реализация последовательности "согласный-(особенно глухой) + ʔ" реализуется в виде глоттализированного монозвука во многих языках, например, в мегрельском, адыгских, в целом ряде индейских языков Северной и Южной Америки и т.д. Артикуляционная слабость (нейтральность) глоттальной смычки и тенденция к ее выпадению в речи, очевидная фонотактическая слабость, обуславливающая ее ассимиляцию с соседним согласным за счет передачи последнему признака глоттализации и, наконец, способность вызывать ларингализацию гласных или повышать их тональность свидетельствуют о несомненной амбивалентности данного звукотипа, о его пограничности, о чем см. также ниже.

2.2.2.1. Дистрибуция. О дистрибутивных возможностях глоттальной смычки можно судить по следующим примерам из пополока: ?na 'наследование', ?ntu 'маисовое поле', ?nu? 'канат', ?nta? 'вода', tʔi? 'свежая кукуруза', nʔa 'мать', tʔa 'отец', hmʔee 'его горох', ?i 'этот', thʔee 'его мозги', ʔhʔee 'его конфеты' /Williams, Pike 1968, 368/. В других языках, тем не менее, глоттальная смычка подвергается довольно значительным дистрибутивным ограничениям. Так, в абхазском /ʔ/ встречается лишь в позиции перед гласным или после него: ?aʔ 'нет', ?aʔ 'нет' и т.д. В рутульском языке /ʔ/ в инлауте реализуется всегда в сочетании с другими согласными. В начальной позиции перед гласными /ʔ/ не встречается /Исаев 1974, 12, 13/. В керекском языке /ʔ/ ограничен анлаутной и инлаутной позициями /Скорик 1968, 311/. В такелма же /ʔ/ встречается только в инлауте и ауслауте /Sapir 1969, 31/. В полинезийских и меланезийских языках глоттальная смычка выступает лишь в начальнослоговой позиции и только в ротуманском языке грамматический процесс позволяет иногда для нее конечнослоговую позицию /Carrell 1969, 28/. Не допускается в конце слога /ʔ/ и в нутка /Sapir 1938, 267/. В тибетском отмечается дополнительная распределенность /ʔ/ и /k/, кроме того, /ʔ/ может чередоваться с нулем /Очерки, 213/. О маргинальном положении /ʔ/ свидетельствует, помимо прочего, то, что будучи в целом ряде языков обычной фонемой, она обладает, как правило, весьма незначительной функциональной нагрузкой. Во многих языках она встречается лишь на крайней периферии фонемной системы - в междометиях, кликах и т.д. (ср. сванский, абхазский, убыхский, аляскинский эскимосский языки и т.д.). В абхазском наличие /ʔ/ почти никем из лингвистов не отмечается (кроме тех случаев, когда она является аллофоном увулярного /qʔ/ в интервокальной позиции), однако в области периферийной лексики здесь можно привести даже минимальные пары: aʔ 'междометие сожаления, досады' - ?aʔ 'нет', (a)aʔ 'да' - ?aʔ 'нет'. Неустойчивость глоттальной смычки прослеживается в диахронии. Так, в начальной позиции *ʔ перешел в ноль звука в харари (эфиопская

группа языков). В амхарском /ʔ/, как и /ɣ/, утрачены, различаясь только графически /Ивания 1985, 4/.

2.2.2.2. Служебная функция ʔ. В одном и том же языке глоттальная смычка может быть как самостоятельной фонемой, так и служебной. Помимо этого, она способна выступать в качестве единицы супraseгментного уровня. Тем не менее, в том или ином языке она может выполнять и одну из указанных здесь функций.

Так, в кетском ларингальная смычка является "факультативным дополнительным признаком, сопутствующим фарингализации краткого открытого тона в случае его реализации в открытых слогах" /Вернер 1969, 92/. Неоднозначную трактовку получает гортанная смычка в чукотском языке, где разные исследователи относят ее то к сегментным единицам, то к единицам просодического уровня, либо к характеристикам гласных, выделяя таким образом глоттализированные гласные /Асниковский 1983, 10-12/.

Связь гортанной смычки с тоном характерна, в частности, для таких языков, как бирманский, тибетский, бамилеке (Центр. Камерун), в последнем гортанная смычка выступает в прерывистых тонах как средство прерывания тона внутри слога /Иванов 1975, 20, 21, 24/. ʔ как элемент просодии присущ китайским диалектам /Там же, 23/. Само возникновение тонов во многих языках часто является результатом падения ʔ.

В кечуа очевидна демаркативная функция глоттальной смычки, служащей сигналом начала слова /Царенко 1972, 103/. В говоре лезгинского языка с.Хлът ауслаутная глоттальная смычка оформляет отдельно взятое слово (М.Е.Алексеев, устн. сообщение). В чжуоуском д-те китайского, в вьетнамских д-тах, а также в д-тах мистекского гортанная смычка регулярно выступает в конце предложения /Иванов 1975, 45/. В тви конечная гортанная смычка является приметой отрицательных предложений /Там же, 45/. В восточном пополока фраза обычно кончается гортанной смычкой /Там же, 46/, что характерно также для арабела /Rich 1963, 197/.

Одна из основных служебных функций глоттальной смычки – прикрытие гласного аялаута – в таких языках, как сванский (в ряде слов), ботлихский, годоберинский, енисейские, хопи, луисеньо, сквамиш, ябем (северо-восточная Новая Гвинея), чумаш и во многих других языках. В некоторых языках, как, например, в арабском, все начальнослоговые гласные являются хамзированными, т.е. произносятся с твердым приступом. Сходную функцию зашумления гласного служебная фонема ʔ выполняет и при устранении зияния – в годоберинском, рутульском, такелма, сунданском, тагальском и других языках. В хавасупаи одной из функций ʔ является маркировка фонетического стыка /Kozłowski 1976, 143/.

Символическая функция глоттальной смычки, помимо указанных выше случаев, состоит и в том, что во многих языках смычные (в той или иной позиции) могут в речи спонтанно заменяться на ʔ (ср. английскую речь), выступая символами опущенных согласных там, где это не препятствует

свободному пониманию слов. В касимовском д-те татарского все заднеязычные согласные совпадают при нейтрализации с ?; то же наблюдается и во многих других языках /Иванов 1975, 25/. ? является аллофоном /k/ в кхмерском /Там же, 26/ и увулярного /q[?]/ в абхазском.

О символической роли ? говорит то, что в СДЛ в звукокомплексах типа ?а?а этот звук служит для выражения побуждения к дефекации, причем в данной функции ? может встречаться, к примеру, в русском языке (где подобная фонема отсутствует), даже в своей усиленной (эмфатизированной, скрипучей) разновидности: ?а?а. В чехалис (один из салишских языков) глоттальная смычка в позиции перед определенными согласными выражает диминутивность /Reichard 1933-1938, 682/. Полифункциональность глоттальной смычки служит одной из причин ее сегментной слабости и неустойчивости, определяя ее маргинальный характер (см. также /Принципы 1976, 248-249/ и др.).

2.2.3. Парадигматика. ? не обладает большим числом дополнительных артикуляций, в языках, как правило, представлен его основной вариант. Рассмотрим встречающиеся по языкам модификации глоттальной смычки.

2.2.3.1. Глухость-звонкость. Ларингальная смычка реализуется полным смыканием глоттиса, что, как отмечает Дж.Кэтфорд, возражая против мнения о наличии звонкой смычки ? в языке джипгхо (Сев. Бирма), абсолютно исключает возможность появления звонкой глоттальной смычки /Catford 1977, 109/. По мнению С.В.Кодзасова (устн. сообщ.) звонкая глоттальная смычка - т.н. "скрип" (англ.creaky voice) все же возможна; ср. приведенный выше пример эмфатизированной смычки, которая может быть и звонкой.

2.2.3.2. Твердость-мягкость. Подобное противопоставление встречается чрезвычайно редко ввиду антропофонической сложности артикуляции мягкого ?^j. Единственный известный нам пример соответствующего фонемного противопоставления дает абадзехский д-т адыгейского, где имеется контраст /? : ?^j : ?^w/. Мягкий /?^j/ является в данном д-те рефлексом общеадыгской палатализованной абруптивной аффрикаты ʃ^j?, ср. адыг.бжед. ʃ^j?āla - абадз. ?^jāla 'парень'. На фонетическом уровне мягкий /?^j/ встречается, в частности, в агульском языке.

2.2.3.3. Лабиализация. Огубленная глоттальная смычка несколько более обычна, чем палатализованный ?^j. Примером может служить лабиализованный /?^w/ в адыгейском и кабардинском языках, ср. каб. ?а 'рука' - ?^wа 'скотный двор'.

2.2.3.4. Назализация. Как показывает материал различных языков, назализованная глоттальная смычка является вполне реальным звуком, о чем свидетельствует наличие ее, в качестве назализованного аллофона соответствующих чистых фонем, в таких языках, как ненецкий, удэи-ский, мовима, сунданский, в ряде дагестанских и многих других (осо-

бенно в языках индейцев Южной Америки), однако примеров фонемного контраста между неназализованной и назализованной глоттальной смычкой у нас нет.

2.2.3.5. Геминация. Геминированный ʔ возможен не только в качестве бифонемного сочетания ʔʔ , (ср. в мовима), но и как отдельная фонема, как, например, в египетском диалекте арабского / Brackel 1983, 77/. Усиление ʔ приводит к его эмфатизации.

2.2.3.6. Эмфатизация. Явление эмфатизации состоит в умеренном сужении надсвязочного прохода /Арч. яз., 202/. Возможно эмфатизованное произношение как мягкого приступа ʔ , так и твердого ʔ , выступающих в качестве фонемных вариантов в тех или иных языках. Так, в арчинском эмфатический ларингал ʔ в начале слова реализуется мягким приступом, на который накладывается эмфатизация: $[\text{ʔ}^w]$ /Арч. яз., 232/. Противопоставление простой и эмфатизованной глоттальной смычки отмечается в нахских языках (ср. чеч. daʔa 'есть' и daʔa 'кастрировать'), в агульском (ср. waʔ 'нет' – buʔ 'молчи!'), в тигринья в Северной Эфиопии /Catford 1977, 105/, в нутка /Sapir 1938, 254/.

2.2.3.7. Таким образом, приведенные материалы показывают, что артикуляционно ларингал ʔ является "нейтральным" согласным. Синтагматически на его дистрибуцию во многих языках накладываются значительные ограничения. ʔ является одной из самых слабо включенных фонем (там, где он присутствует на фонемном уровне). Сегментная сила его мала, что выражается как в отмеченных дистрибутивных ограничениях, так и в частой элиминации из системы фонем. Маргинальность ʔ проявляется в том, что он находится на грани между сегментными и суперсегментными единицами, а во многих языках выступает и в качестве служебной фонемы. Почти во всех языках (за указанными исключениями) ʔ является некомплексной фонемой, что лишает ее поддержки на субфонемном уровне. Будучи артикуляционно нейтральной, глоттальная смычка не всегда столь же нейтральна фонетически, влияя на произношение соседних звуков.

Приводимая здесь таблица показывает возможные парадигматические модификации ʔ :

ʔ	ʔ^w	
ʔ	ʔ	
	ʔ^j	ʔ

2.2.4. Глоттализированные согласные. Сущность глоттализации глухих согласных состоит в следующем: "закрытая гортань, поднимаясь, нагнетает воздух во рту. Размыкание ротовой преграды сопровождается резким шумом, далее происходит размыкание гортанной смычки" /Арч. яз., 227/. Глухие глоттализированные довольно обычны на Кавказе (их наименование в местной кавказоведческой традиции основано на резком характере размыкания смычки, откуда термин "абруптивные"), причем здесь

они встречаются не только во всех кавказских языках, являясь своеобразным признаком кавказского фонологического типа, но также в индоевропейском языке иранской группы – осетинском, в речи закавказских цыган и в некоторых диалектах армянского; кроме того, глоттализированные имеются в некоторых турецких говорах Закавказья и в говорах тюркского кумыкского языка на Сев.Кавказе. В большинстве кавказских языков степень глоттализации в целом незначительна, однако в некоторых языках встречаются и сильно-глоттализированные (не путать со специфическими "сильными" фонемами) согласные. Помимо Кавказа, глоттализированные, как было сказано выше, обычны во многих языках Северной и Южной Америки, а также в других языках мира.

Следует отметить, что описанный выше способ произношения глоттализированных, основанный на поднимании гортани, характеризует артикуляцию лишь глухих глоттализированных, называемых иначе эйективными (англ. ejectives), так как смыкание голосовых связок препятствует их колебанию, а следовательно, звонкости. Другой способ их произношения состоит, напротив, в опускании гортани, благодаря чему происходит разряжение воздуха в надгортанной полости таким образом, что при раскрытии глотки поток воздуха извне следует внутрь немедленно вслед за выдыхаемым легочным воздухом /Greenberg 1970, 123/. Такие согласные получили название инъективных (injectives), или имплозивных (implosives) и являются обычно звонкими. Различия в артикуляции эйективных и инъективных влекут за собой и акустические различия, в результате чего первые, как правило, описываются в качестве постглоттализированных (откуда их символ- $C^?$), а вторые нередко в качестве преглоттализированных (символ- $^?C$). При втором типе артикуляции, как отметил Ч.Хоккетт, "типическим является то, что первой размыкается оральная смычка..., а затем раскрывается гортань" /Hockett 1955, 33/.

Касаясь взаимоотношения эйективных и инъективных согласных, Дж. Гринберг в своей обстоятельной статье, посвященной глоттализированным, отмечает, что фонологическая "оппозиция между эйективными и инъективными в отдельных языках в полной мере относится лишь к шумным, и нейтрализуется для сонантов и полугласных" /Greenberg 1970, 123-124/.

Имплозивные имеют следующие разновидности: собственно имплозивные, звуки с ларингализованным озвончением и преглоттализированные, обозначаемые, соответственно, посредством символов b , \underline{b} , $^?b$. Тем не менее, исследователи склоняются к тому, чтобы рассматривать эти разновидности в качестве вариантов основного типа. Как показывают конкретные факты различных языков, эти разновидности находятся в отношении свободной вариации или в отношении дополнительной дистрибуции (последнее отмечается, например, в языках майя). Говоря об этих и подобных случаях, Гринберг заключает: "Насколько можно судить, нет никаких свидетельств наличия фонологически дистинктивного контраста между ларингализован-

ными, преглоттализированными и имплозивными шумными", замечая, что нельзя все же полностью исключить и возможность обнаружения такого контраста по мере накопления точной фонетической информации /Там же, 125/.

Несмотря на то, что имплозивные являются, как правило, звонкими, в языках мунда встречаются позиционно глухие (или оглушенные) аллофоны звонких имплозивных. То же отмечается в ряде южноамериканских языков. А в тоджолабал билабиальный имплозивный является глухим во всех позициях /Там же, 126/. В серер (Сенегал) отмечен фонологический контраст между звонкими и глухими преглоттализированными.

В большинстве идиом эйективные и инъективные не противопоставлены, так как в системе встречается, как правило, лишь одна из указанных разновидностей глоттализированных. В языках ряда индейских племен Северной Америки глухие шумные глоттализированные являются эйективными, а сонорные – инъективными. Наконец, эйективные и инъективные в системе одного и того же языка могут быть дополнительно распределены – первые могут относиться к глухим шумным, а вторые – к звонким шумным и сонорным. Случаи противопоставления эйективных и инъективных согласных очень редки. Так, в чонтал глухой билабиальный имплозивный контрастирует с глухим эйективным в конце слова; подобный контраст отмечен и для таких языков, как монтол и майду /Там же, 126, 134/.

Несмотря на редкие случаи противопоставления эйективных и инъективных, среди лингвистов характерна тенденция рассматривать и те и другие в качестве разновидностей единого класса глоттальных согласных. Дж.Гринберг пишет, что эти глоттальные согласные являются инъективными, обладая признаком "ненапряженный" и эйективными, обладая признаком "напряженный" /Там же, 125/. Другие исследователи в качестве разграничительной черты глоттальных согласных называют "звонкость – глухость". Дж.Хоард, говоря об артикуляционных отличиях эйективных и инъективных в гитксан (Британская Колумбия), отмечает их синонимичность. В гитксан(в определенных условиях) действует правило озвончения глухих шумных, в том числе и эйективных. Подвергаясь действию этого правила, последние становятся имплозивными, что объясняется автоматическим действием фонетических законов: единственный способ добиться одновременной глоттализации и звонкости – опустить гортань вниз /Hoard 1978, 116. 119/. Интересно приводимое автором описание изменения положения гортани при сочетании эйективного с инъективным: "В редуцированных формах вроде $[t^?daa]$ и $[t^?da]$ гортань движется вверх, в типично эйективной манере, на первом сегменте, затем, на втором сегменте, гортань резко опускается" /Там же, 115/. Кстати, в связи с этим следует, по-видимому, вспомнить замечание Гринберга об отсутствии у него данных относительно сочетания инъективного с эйективным /Greenberg 1970, 131/.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что, несмотря на артикуляционное различие эйективных и инъективных согласных (поднимание или опускание гортани), эти звукотипы, без сомнения, зачисляются в общий класс глоттализированных, а различие в артикуляции относится за счет конкретной реализации единого признака глоттализированности у глухих и звонких согласных. Далее основной акцент мы будем делать на эйективных (т.е. глухих глоттализированных), иногда дополняя сведения о них информацией относительно звонких глоттализированных.

2.2.4.1. Синтагматика. Глоттализация чаще всего встречается как фонологически релевантный признак, хотя она может нести и другие функции. Так, во многих английских диалектах встречается нефонематическая преглоттализация согласных, ср., например, произношение слова *rarer* [reɪrə] бумага в речи кокни: [r^heɪ^ʔrə], в норт.: [rɪe^ʔrə], белф.: [r^he:ɪ^ʔrə] /Catford 1977, 250/. Помимо такой чисто фонетической функции, признак глоттализации может выступать и в качестве элемента просодии (см. ниже). Рассматривая поведение глоттализированных и аспирированных согласных в кечуа, Е.И.Царенко делает вывод, что ларингализация здесь характеризует не только согласные фонемы, но и целые слова: аспирация и глоттализация являются дополнительным средством разграничения корня и аффиксов /Царенко 1972, 103/. Следует отметить и такие случаи, когда глоттализация несет и чисто звукосимволическую функцию, не являясь фонологически значимой.

Степень силы глоттализации, как уже отмечалось выше, может быть различной. Так, во многих кавказских языках глоттализированные согласные, произносимые без нарочитой эмфазы, являются не сильно глоттализированными. В то же время в ряде других языков, как, например, в каргинском, глоттализация довольно сильна, так что сегмент /с^ʔ/ на слух воспринимается как [с^ʔʔ], т.е. как "глоттализированный согласный + глоттальная смычка". Очень сильна степень глоттализации и в языке кёр д'ален (штат Сев.Айдахо, США, см. /Reichard 1933-1938, 531/. В гитксан (Брит. Колумбия) конечные глоттализированные реализуются в виде [-ʔс^ʔ] /Hoard 1978, II3, II4/. Такова же реализация преглоттализированных согласных в бойда /Bhattacharya 1965, 69/: /^ʔс/ = [ʔс^ʔ]. Любопытно, что, как отмечают специалисты, глоттализированные в грузинском произносятся с большей интенсивностью в речи женщин, нежели в речи мужчин.

2.2.4.1.1. Дистрибуция и фонотактика. С точки зрения различия между эйективными и инъективными Дж.Гринберг отмечает следующую закономерность их распределения: первые имеют тенденцию закрепляться за задней артикуляцией, в то время как последние - тяготеют к передней. Это характерно для тех языков, в которых имеются обе разновидности глоттализированных. Так, в хауса инъективных нет в веларном ряду, а эйективных - в билабиальном /Greenberg 1979, 127/. Такая карти-

на, помимо африканских, повторяется во многих других языках, в частности, в северо- и южноамериканских. В дагестанских языках отмечается явная ущербность глоттализированного билабиального p^h – от отсутствует в аварском и многих андо-пезских языках. Но и в тех кавказских языках, где p^h имеется, он присутствует, как правило, лишь в заимствованных или дескриптивных словах. Указывая на ущербность билабиальной серии для эффективных, Дж.Гринберг одновременно отмечает, что для инъективных, напротив, более характерной является билабиальная позиция /Greenberg 1970, 128/. Следует указать на то, что полное отсутствие глоттализированного билабиального характерно на Кавказе лишь для дагестанских языков (несмотря на его явную периферийность и в других группах кавказских языков). В этой связи обращает на себя внимание ущербность и других переднерядных шумных согласных для многих дагестанских языков. Так, p^h отсутствует в 9 дагестанских языках, $ʒ$ – в 19 языках, $ʃ$ – в 11 языках, f – почти во всех дагестанских языках, за исключением даргинского, лезгинского, агульского и рутульского, v отсутствует в 3 языках, b – в одном (даргинский), s – в 3, $ʁ$ – в 2 дагестанских языках. Ущербность переднерядных согласных, многочисленные лакуны в этой серии шумных является, как представляется, отличительной особенностью дагестанских языков, выступая в качестве объединяющей эти языки ареальной черты. Универсальная маргинальность p^h в данном случае усиливается вообще крайней ущербностью всех переднерядных согласных в дагестанских языках, что и приводит к элиминации крайнего члена этого ряда, именно, p^h . Типологически близкой к ситуации в дагестанских языках является ущербность p^h и других билабиальных в атапаскских языках Северной Америки /Там же, 127/.

В качестве объяснения такого положения p^h , в частности, в кавказских языках, выдвигалось мнение о его универсально-фонетической неестественности, произносительной трудности (см./Структурные общности 1978, 92/). Однако такое объяснение нельзя признать удовлетворительным – в тех же дагестанских языках имеются довольно устойчиво сохраняющиеся архисложные, по сравнению с p^h , согласные, включая различные вариации латеральных, увулярных и фарингальных. Вообще, апелляция к неестественности произношения тех или иных звукотипов содержит значительный элемент субъективности. В данном случае следует искать, по-видимому, какие-то иные возможности объяснения (ведь аффриката $ʒ$ в дагестанских языках еще более редка, а говорить о ее труднопроизносимости нет оснований). **Прояснить этот факт может исследование степени маркированности фонем.** Так, согласно данным И.Г.Меликишвили, в классе смичных наиболее маркированным является глоттализированный билабиальный p^h , а в классе аффрикат – $ʒ$ /Меликишвили 1983, 220/. В терминах фонологической типологии указанные звукотипы являются максимально маркированными, рецессивными, а в "ряде систем низкая час-

тота "рецессивной" фонемы может приравниваться к нулю, что дает пробел в соответствующем месте фонологической системы" /ИЯИ, 10/. Система как бы выталкивает наиболее маркированные фонемы.

Вообще частотность глоттализированных является меньшей, чем частотность придыхательных и звонких, о чем свидетельствует следующая таблица (по /Меликишвили 1976, 151/):

b	2,73	p ^h	0,57	p [?]	0,18
d	3,95	t ^h	1,85	t [?]	0,81
g	1,69	k ^h	1,54	k [?]	1,23

Эти данные выявляют определенную асимметрию: частотность звонких смычных повышается в направлении от более задних по образованию – к более передним, тогда как частотность глоттализированных демонстрирует прямо обратную ситуацию, при которой максимально передние p[?], p^h характеризуются наименьшей частотностью. Обобщая эти данные, можно сказать, что в кавказских языках в классе звонких шумных смычных наиболее маркированными являются максимально задние, а в классе глухих шумных – максимально передние, причем глоттализированные более маркированы, чем глухие придыхательные. В ряде индейских языков, как отмечает Э.Сэпир, глоттализированные сонорные (j[?], w[?], m[?], n[?], n[?], l[?]) характеризуются большей частотностью, чем глухие глоттализированные спиранты, причем, например, в хайда, глоттализированные j[?] и w[?] являются более обычными фонемами, чем j и w /Sapir 1938, 249/.

В разных языках отмечаются различные фонотактические правила, касающиеся глоттализированных. В кечуа ларингализованные, в том числе глоттализированные, могут встречаться в слове лишь раз, причем ларингальные признаки закреплены за первой по порядку смычной фонемой в слове /Царенко 1972, 100/. Е.И.Царенко отмечает также, что в кечуа непридыхательное неконсонантное начало слова совместимо с аспираторованными, но несовместимо с глоттализированными смычными внутри слова /Там же, 101/. Отмечается, что в исконных картвельских словах в пределах одного корня не сочетаются две неидентичные глоттализированные согласные, что характерно также для хауса и предполагается в качестве особенности праиндоевропейского корня структуры C₁VC₂- /ИЯИ, 18-19/. Ситуация, аналогичная правилу в кечуа, прослеживается и в шусвап (где при глоттализированном C₂ невозможен глоттализированный C₁ /Kuipers 1974, 23/), а также в ряде других языков. Тем не менее, вряд ли стоит категорически утверждать об универсальном характере указанных правил до того, пока не будут произведены широкомасштабные статистические исследования фонотактики глоттализированных в пределах корня в большем числе языков, так как очевидно, что в другом ряде случаев (например, в таких языках, как абхазо-адыгские) данная закономерность по-видимому, не прослеживается. В уточнении нуждается отнесение данного правила и к картвельским языкам. Так, в авторитетном пракартвельском этимологическом словаре Г.А.Климова /Климов 1964/ встречается

58 корней, содержащих два и более неидентичных глоттализированных, среди них корни структуры $/c_1^?c_2^?/$, $/c_1^?...c_2^?/$, $/c_1^?...c_1^?c_2^?/$, $/c_1^?c_2^?...c_3^?/$. Кроме того, не исключено, что запреты на сочетание двух глоттализированных (или придыхательных) в пределах корня могут быть вызваны не только, и не столько физиолого-артикуляционными особенностями глоттализированных согласных – в тех языках, где они наблюдаются, сколько свидетельствуют о просодическом, надсегментном характере признака глоттализации (или аспирации) в этих языках, (ср. ситуацию в кечуа), или же о следах подобного характера указанных признаков в диахронии.

Можно отметить и следующие особенности реализации глоттализированных в различных языках. Так, в диалекте хидабург языка хайда глоттализированные согласные не встречаются в конечной позиции в слове /Eastman, Aoki 1978, 242/, а в нутка – не допускаются в конце слова /Sapir 1938, 267/. В абхазо-абазинском $r^?$ не характерен для гармонических комплексов /Ломтатидзе 1976, 282/. В шусвап глоттализированные резонанты встречаются только после гласных, либо в позиции гласных, причем последовательности $sr^?v$ или $sr^?R$ исключаются /Kuipers 1974, 32/. В языке сквамш в некоторых случаях глоттализированные согласные утрачивают признак глоттализированности, если им предшествует глоттальная смычка /Kuipers 1967, 40/. В тонкава (штат Техас, США) глоттализированные назальные, спиранты, сibilлянты и латеральные, как и глоттализированные шумные смычные, появляются почти исключительно в качестве начальных согласных элементов комплекса /Hoijer 1933–1938, 3/. В навахо глоттализированные сонорные встречаются лишь в начале основы, но не в начале слова /Sapir 1938, 249/. В такелма сочетание $C^? + h$ реализуется в виде $^?c^h$, т.е. как аспирированный смычный с предшествующей глоттальной смычкой: $/k^? + h/ \rightarrow [^?k^h]$, $/k^?w + h/ \rightarrow [^?k^hw]$, сочетания $/t^?x/$, $/c^?x/$ реализуются как $[^?s]$ /Sapir 1969, 43, 45/.

В кёр д'ален (сев. Айдахо) отмечается грамматическая функция глоттализации: если глагольный основе с начальным гласным предшествует префикс, то конечный согласный этого префикса должен быть либо глоттализированным, либо согласный (или гласный) должен быть отделен от начального гласного основы глоттальной смычкой. Кроме того, если основа, начинающаяся на гласный, является редуцированной, то конечный гласный редуцированной части может быть глоттализированным или может быть вытеснен из основы гортанной смычкой. Вообще в этом языке согласные префикса в позиции перед гласными испытывают сильную тенденцию к глоттализации: $s \rightarrow ^?s$, $n \rightarrow ^?n$, $l \rightarrow ^?l$ и т.д., а в этой же позиции префиксальный $u- \rightarrow u^?w$ /Reichard 1933–1938, 533, 546/. В гитксан, где эйективные в определенной позиции подвергаются озвончению, они превращаются в инъективные глоттализированные /Hoard

1978, II4/. В кламат, согласно действующим в нем правилам деглоттализации, шумные утрачивают глоттализацию перед глухими и глоттализированными сонорными, а также в конце слова (но не перед звонкими неглоттализированными сонорными). Сонорные же теряют глоттализацию и в позиции конца слова /Lightner 1976, 14/.

Говоря о воздействии глоттализированных (как глухих, так и звонких) на соседние гласные, Дж.Гринберг отмечает, что они, в отличие от звонких шумных, не понижают высоту тона последующего гласного /Greenberg 1970, I32/, что является еще одной важной чертой, объединяющей эйективные и инъективные глоттализированные.

2.2.4.1.2. Преглоттализация. Хотя для глухих глоттализированных характерна, как правило, постглоттализация, а для звонких – преглоттализация, и в первом и во втором случае могут встречаться исключения. Так, фонетически преглоттализированными являются глухие смычные во многих английских диалектах /Catford 1977, 250/. В гитксан конечные глоттализированные сегменты являются преглоттализированными, сохраняя в то же время и постглоттализацию /Hoard 1978, II3/. В диалекте барбареньо языка чумаш, как отмечает М.Билер, при артикуляции гортанной смычки глоттализированного согласного создается впечатление, что она совершается перед оральной артикуляцией и продолжается в течение его артикуляции. Это, по автору, доказывает, что невозможно сделать различие между преглоттализированными, глоттализированными или постглоттализированными согласными /Beeler 1976, 253/. В диалекте инесеньо того же языка преглоттализированный сонант /[?]m/ контрастирует с последовательностью /m[?]/ /Applegate 1976, 280/. В ючи, где нет фонемной глоттализации (ряд авторов, впрочем, предлагает выделить в этом языке серию глоттализированных фонем), глухие неаспирированные шумные в комплексах с /[?]/ реализуются в виде постглоттализированных шумных [C[?]], сонорные же в кластере с глоттальной смычкой реализуются как преглоттализированные звуки [C[?]R] /Ballard 1975, I64/. В мовима отмечается свободная вариация пост- и преглоттализированных аллофонов сонорных /m[?]/ и /n[?]/ /Judy, Judy 1962, 29/. Преглоттализированные шумные и сонорные смычные /[?]p, [?]t, [?]k, [?]m, [?]n, [?]w, [?]j/ имеются в языке исаруфа (Новая Гвинея), хотя некоторые авторы трактуют эти согласные в качестве комплексов "p + C" /Herbert 1986, 59/.

2.2.4.2. Парадигматика. Представление о парадигматических возможностях эйективных дает следующая таблица, в которой представлена суммарная картина этих согласных в диалектах абхазо-адыгских языков:

p [?]	p ^{?w}	p [?]					f [?]
t [?]	t ^{?w}		c [?]	c ^{?w}	c [?]	s [?]	s ^{?w}
			ç [?]	ç ^{?w}	ç [?] j	ç [?]	(ç ^{?j})s ^{?w}
k [?]	k ^{?w}	k ^{?j}					
q [?]	q ^{?w}	q ^{?j}	q [?]	q ^{?w}			

Наиболее "нормальными" из представленных здесь согласных являются из передних /p[?], t[?], c[?], c[?], c^{ʔj}/, а из задних - /k[?], k^{ʔw}, q[?], q^{ʔw}/ - эти фонемы имеются во всех абхазо-адыгских языках (за исключением /k[?]/, утерянного в адыгейском, кабардинском и убыхском). Огубленный /p^{ʔw}/ имеется в адыгейском языке, а пережиточно встречается в речи старших представителей одного из говоров ашхарского диалекта абазинского языка. Фарингализованные глоттализированные встречаются лишь в убыхском языке, равно как и латеральная аффриката /ʎ[?]/ . Огубленный /t^{ʔw}/ имеется в адыгейском, абхазском и убыхском, палатализованный увулярный /q^{ʔj}/ - в абхазо-абазинском и убыхском, огубленный /c^{ʔw}/ - в абхазском, говорах абазинского, в убыхском и в подговорах шапсугского диалекта адыгейского языка, соответствующая шипящая аффриката /ç^{ʔw}/ - только в говорах тапантского диалекта абазинского. Свистяще-шипящие абруптивы характерны для всех языков данной группы. Глоттализированные спирлянты типологически весьма редки, что объясняется антропофонической сложностью их произношения, однако в адыгских языках представлены как свистящие, так и свистяще-шипящие и шипящие глоттализированные сибиллянты, из которых спирлант /s[?]/ имеется во всех адыгских языках, за исключением бесленеевского диалекта кабардинского, а огубленный /s^{ʔw}/ - во всех диалектах адыгейского. Свистящий /s[?]/ представлен в подговорах шапсугского диалекта адыгейского, шипящий /s^ʔ/ встречается в абадзехском диалекте адыгейского, а также в говорах черкесов Карачаево-Черкесии и в речи адыгейцев Ближнего Востока, причем в последней есть и огубленный шипящий /s^{ʔw}/ - на месте общеадыгского /s^{ʔw}/ (Чирикба 1986/. Твердый s[?] и мягкий s^{ʔj} нигде не противопоставлены, так как это субституты одной фонемы /s[?]/ . Помимо этого, в кабардинском, говорах абжуйского диалекта абхазского и ашхарском диалекте абазинского имеется губно-зубной спирлант /ɾ[?]/ . Наконец, лишь в адыгских языках сохранился глоттализированный латеральный спирлант /ʎ[?]/ . Во всех перечисленных случаях глоттализированные спирлянты в абхазо-адыгских языках исторически восходят к соответствующим аффрикатам (Ломтатидзе 1967; Структурные общности 1978, 92; Чирикба 1986 и др./ . Аналогичного происхождения и сильные глоттализированные спирлянты в ряде дагестанских языков.

Таким образом, в абхазо-адыгских языках глоттализированные согласные представлены в классах смыхных, аффрикат и спирлантов, охватывая билабиальный, дентолабиальный, переднеязычный, латеральный, заднеязычный и увулярный ряды. В дагестанских языках глоттализированные имеются и в среднеязычном ряду, ср. сильно-палатализованный k^{ʔj} в тиндинском и багвалинском языках. Глоттализированные фрикативные в дагестанском ареале представлены в андийских языках: /s[?], s^ʔ/ . В кавказских языках, таким образом, глоттализация охватывает все ряды

глухих согласных, не затрагивая звонкие и сонанты. Несколько иная типологическая ситуация представлена во многих североамериканских индейских языках, где глоттализация, помимо шумных, охватывает также и сонорные, ср. систему глоттализированных в гитксан /Hoard 1978, 111/:

$p^? \quad t^? \quad c^? \quad \text{ʃ}^? \quad k^? \quad k^{?w} \quad q^?$
 $m^? \quad n^? \quad j^? \quad l^? \quad w^?$

Данный язык интересен тем, что здесь на фонетическом уровне соседствуют эjectiveные и имплозивные (последние в качестве позиционных аллофонов эjectiveных). К этим звукоטיפам можно добавить глоттализированные сонорные / $\text{ɣ}^?, \text{ʕ}^?, \text{ʕ}^{?w}$ / в шусап /Kuipers 1974, 21-22/, а также / $r^?, \text{r}^{?w}, R^?$ / в кёр д'ален /Reichard 1933-1938, 531/. В тутутти (атапаскский язык) имеется необычный ретрофлексный глоттализированный сибилянт / $c^{r?}$ /, а в другом атапаском языке – толова (диалект четко) – огубленный палатальный сибилянт с сильной r-образной артикуляцией: [tʃ^{r?}] /Golla 1976, 218-219/.

Помимо отмеченных случаев, глоттализированные фрикативные из индейских языков встречаются в тонкава ($x^?, x^{?w}$), тлингит ($s^?, x^?, \text{ɬ}^?, x^{?w}, \text{ɬ}^{?w}$), ючи ($s^?, \text{ʃ}^?$), дилуэт и томпсон ($z^?$), а также в чумаш ($s^?, x^?$), чиста коста ($\text{ɬ}^?$), керес, дакота и т.д. В североамериканских индейских языках, как и в северокавказских, представлены и глоттализированные латеральные. Среди других типологически сходных черт ср. также свистяще-шипящую глоттализированную аффрикату $\text{ʃ}^?$ в ряде индейских и в западнокавказских языках, а также лабиодентальный $f^?$ в ючи и чонтай, сходный с аналогичной фонемой в кабардинском и абхазо-абазинских диалектах. То же можно сказать и в отношении лабиализованных глоттализированных согласных (см. ниже). Редкой фонемой является глоттализированный / $g^{?w}$ / в тонкава, являющийся смычным коррелятом / $x^{?w}$ / (параллельные пары / $k^? : x^?$ /) /Hoijer 1933-1938, 3/. Как отмечает Х.Хойер, при произношении этого согласного глоттальная смычка затрагивает не смычный, а его лабиализацию. Это, по автору, согласуется со всей системой: во всех случаях, когда назальные, спиранты, сибилянты и латеральные являются глоттализированными, глоттальная смычка всегда находится в постпозиции /Там же/. Помимо этого, в атапаскских языках отмечен глоттализированный межзубный спирант / $\theta^?$ /, а также соответствующая аффриката / $t^? \theta^?$ / /Howard 1963, 43/. Интересно, что в диалекте хидабург языка хайда (Сев. Америка) глоттализированные смычные и аффрикаты являются постглоттализированными, а фонетически глоттализированные спиранты – преглоттализированными ($^?x, ^?x, ^?h$), то же относится и к фонетической преглоттализации сонорного $^?l$ /Eastman, Aoki 1978, 240/.

В куэ (Сев. Америка) различаются два вида $k^?$ – палатальный и переднепалатальный /Frachtenberg 1969, 307/, то же отмечается в

глинглит /Swanton 1969, 164/. В ючи различают дорсально-палатальный / $k^{?j}$ / и велярный / $k^?$ / /Wagner 1933-1938, 304/ - аналоги западно-кавказских велярных и палатализованных $k^?$ и $k^{?j}$. Обычный и ретрофлексный / $t^?$ / и / $t^{?j}$ / отмечаются в чимарико, кашая (языки хока), вапно (юкские языки), озерный мивок (группа нуутья), / $\chi^?$ / и / $\chi^{?j}$ / в толова (атапаскские языки) и т.д. /Nosan Studies 1976, 349-351/. Из других редких глоттализированных фонем можно отметить также спиранты / $s^?$, $\beta^?$ / в амхарском /Brackel 1983, 74/.

Таким образом, глоттализация может охватывать все классы согласных - смычные, спиранты, аффрикаты, сонанты, а также практически все ряды - биллабиальный, лабиодентальный, палатальный, латеральный, велярный, увулярный, фарингальный, ларингальный. Глоттализированные согласные могут принимать и другие дополнительные артикуляции, из которых рассмотрим наиболее характерные.

2.2.4.2.1. Глухость-звонкость. См. об этом подробно в 2.3.0.

2.2.4.2.2. Твердость-мягкость. Палатализованные глоттализированные согласные нередки в языках, обладающих мягкостной корреляцией, ср. подобие фонемы в абхазо-адыгских языках. Синонимичными этим согласным являются палатальные глоттализированные в ряде индейских и др. языков.

2.2.4.2.3. Лабмализация. Лабмализированные глоттализированные согласные довольно обычны, но характерны не для всех рядов. Так, в абхазо-адыгских языках эти согласные наиболее обычны для задних рядов (велярный, увулярный), в то время как губные глоттализированные редки (см. выше), что относится также и к огубленным спирантам и аффрикатам. Из неординарных звукотипов отметим здесь очень редкую фонему - лабмализованную и глоттализированную латеральную аффрикату / $\chi^{?w}$ / в арчинском. Указанная закономерность - привязанность лабмализации к задним рядам хорошо объяснима с точки зрения фонетического контраста и может считаться обычной для большинства языков. Исключения здесь довольно редки и характеризуют фонемы, отличающиеся значительно низкой функциональной нагрузкой: это относится к абхазо-адыгским $p^{?w}$, $t^{?w}$ (фонемы $\beta^{?w}$, $\chi^{?w}$, $\zeta^{?w}$ и др. - более обычны), арчинскому $\chi^{?w}$, $\zeta^{?w}$, $r^{?w}$ в североамериканских индейских языках и т.д.

2.2.4.2.4. Назализация. У нас нет примеров фонемного противопоставления подобного типа, однако о соотношении глоттализации и назальности можно сказать следующее. Общей закономерностью является деимплозивизация имплозивных согласных при сочетании с назальным, однако в некоторых языках эта закономерность нарушается /Herbert 1986, 239/. Назализованные эффективные несколько более обычны. Так, в речи старших представителей алхарского диалекта абазинского начальный / $r^?$ / может реализоваться в виде преназализованного глоттализированного / $r^{m?}$ /. Характерно, что в зулу после назальных имплозия утрачивается, тогда

как эйективные в этой же позиции сохраняются /Herbert 1986, 240-241/:

$/N + b/ \rightarrow [mb]$
 $/N + p^?/ \rightarrow [p^?]$
 $/N + t^?/ \rightarrow [t^?]$
 $/N + ts^?/ \rightarrow [ts^?]$

В некоторых языках, согласно Р.Херберту, в позиции после назального придыхательные становятся эйективными, ср. подобную ситуацию в зулу: $/N + p^h, t^h, k^h/ \rightarrow [p^?, t^?, k^?]$. Таким же образом обретают эйективность невелиарные глухие фрикативные: $/N + f, s, \lambda/ \rightarrow [f^?, ts^?, nt\lambda^?]$. Такая же тенденция отмечается в некоторых родственных зулу языках, как, например, в хоса, ндебеле, банту и т.д. В южном суто глухие глоттализированные восходят исторически к преназализованным звонким, тогда как глухие придыхательные возникли из преназализованных глухих /Herbert 1986, 241/.

2.2.4.2.5. Геминиация. В западнокавказских языках геминированные глоттализированные являются бифонемными сочетаниями, а в дагестанских языках эта корреляция является смысловоразличительной. Геминированные $p^?, t^?, k^?, c^?, w^?$ отмечаются в амхарском языке /Brackel 1983, 74/. Фонетически геминированные глоттализированные согласные реализуются в виде долгого (сильного) согласного с единым глоттальным отступом (ср. /Herbert 1986, 262/), что характерно не только для геминированных фонем, но и для геминат, представляющих из себя бифонемные кластеры: $/c^?c^?/ = [\bar{c}^?]$.

2.2.4.2.6. Фарингализация. Противопоставления подобного рода отмечены в убухском языке:

$p^? : p^? \quad q^? : q^? \quad q^{?w} : q^{?w}$

2.2.4.2.7. Парадигматические возможности глоттализированных согласных можно представить в виде следующей таблицы:

$\bar{c}^?$	$c^{?w}$	
	$c^?$	
$\bar{c}^?$	$\bar{c}^?$	$c^{?j}$

2.2.5. Глоттализированные гласные. Преглоттализация анлаутных гласных с целью прикрытия вокалического начала отмечается во многих языках. В арабском и некоторых других языках преглоттализированными являются все гласные. В ючи, наряду с чистыми и назализованными гласными, имеется и серия (пре)глоттализированных гласных /Wagner 1933-1938, 300/. В пакулихинском говоре кетского языка выявляется противопоставление гласных фонем по эйективности/инъективности /Фер 1983, 5/.

2.3.0. Назализация (с¹¹)

Явление назализации заключается в дополнительном резонансном признаке назальности, основанном на дополнительном к основной артикуляции опускании небной занавески. Более обычны назализованные гласные (ср. французский, польский и др.), однако в ряде языков нередки и назализованные (в другой терминологии – полуназальные) согласные. Прежде чем рассмотреть основные особенности назализованных, проследим характерные черты назальных согласных, являющихся фонемными аналогами их модификаторов. Основным здесь следует считать то обстоятельство, что в отличие от описанных выше модификаторов (h, ʔ), назальные относятся не к периферии фонемной системы, а к самому ее центру.

2.3.1. Синтагматика. Синтагматические особенности назальных *m* и *n* как правило, не очень существенно отличаются от аналогичных характеристик других консонантов, однако сонорный характер накладывает на эти звукотипы ряд специфических черт. Так, например, в языках, в которых звонкие согласные в исходе озвончаются, это явление не затрагивает сонорные, в частности, назальные, которые в этой позиции сохраняют свое звонкое качество (ср. русский). В принципе особых дистрибутивных ограничений на назальные *m* и *n* не отмечается, в случае, если это не связано со специфическими правилами фонотактики тех или иных языков, ср., например, французский язык, в которых эти назальные в позиции после гласных нейтрализуются, утрачиваясь и передавая им носовой тембр: /V/ + /N/ → /Ṽ/. В классическом тамильском назальные согласные в исходе слов после гласных также утрачиваются, передавая носовой тембр гласным и изменяя их качество /Андронов 1978, 85–87/. Сонант /n/ в конце слова или слога в диалектах лезгинского ослабевает или исчезает, оставляя носовой оттенок на предыдущем гласном /Мейланова 1964, 62/. Неустойчив конечный /n/ и в тюркских языках. В некоторых языках наличие в слове назального обуславливает фонетическую назализацию соседних, а порой и всех гласных в данном слове, как, например, в кашмири /Очерки 1975, 125/, что можно определить в качестве назальной гармонии. Назальная гармония может охватывать не только гласные, но и сонорные и спиранты, приводя к их назализации, и даже выходить за пределы слова, ср. индийские языки типа камаюра /Принципы 1976, 263/.

В селькупском языке противопоставление шумных и носовых в исходе слова фонологически несущественно: в этой позиции сонорные /*m*, *n*, *ɲ*/ и шумные /*p*, *t*, *k*/ являются факультативными вариантами архифонемы, тогда как в других позициях эти согласные различаются как особые фонемы /Трубецкой 1960, 199/. Трубецкой выделяет ряд языков (чешский, словацкий, верхнелужицкий, чичева, цимшиан, чинук, аварский, лакский и др.), в которых назальная корреляция имеется в лабиальном, апи-

кальном и палатальном рядах, а корреляция сближения – в гуттуральном и обоих сибилянтных рядах: в чичева и пуэбло же корреляция придыхания обнаруживается только в тех рядах, где существует назальная корреляция, и отсутствует там, где есть корреляция сближения /Там же, 201/.

Как было сказано выше, назальные *m*, *n* являются центральными звукотипами, т.е. входят в центр фонемной системы большинства языков. Центральность этих сонорных подкрепляется и данными СДЛ (см. предыдущую главу). Назальные встречаются в подавляющем большинстве языков мира и число языков, в которых они отсутствуют, ничтожно мало.

2.3.1.1. Амбивалентная сущность назальных. Назальные не отличаются разнообразием парадигматических разновидностей. Это обстоятельство, а также то, что они способны выступать в качестве модификаторов при образовании комплексных согласных в какой-то степени роднит их с глайдами и ларингалами. Сходство с последними усугубляется и тем, что назальные могут выступать в качестве "служебных фонем", ср., в частности, использование *ŋ* в целях устранения гласного анлаута в ненецком /Хайду 1985, 126/. В ненецком же отмечено чередование носовых согласных с гортанной смычкой *ʔ* в позиции сандхи /Там же, 127/. Сказанное выше о назальной гармонии показывает, что назальность может быть представлена и на суперсегментном уровне. Наконец, на определенную амбивалентность назальных указывает и наличие у них как консонантных, так и полугласных (слоговых) звукотипов. Все это свидетельствует о том, что назальные, будучи "центральными", базовыми согласными, тем не менее обнаруживают ряд черт, определенно сближающих их с некоторыми нецентральными звукотипами – глайдами и ларингалами. Эти особенности обуславливают использование назальных в качестве модификаторов комплексных фонем, а также их слабую включенность в парадигматические отношения.

2.3.1.2. В ряде языков особенностью фонетической реализации назального является возникновение перед или после него гоморганного ему эпентетического шумного (орального) согласного, в результате чего образуется либо фонетический комплекс "N + гоморганный шумный", либо комплексный согласный типа N^T. Это явление может быть названо обструентизацией, т.е. зашумлением (ср. англ. *obstruent* 'шумный'), либо орализацией назального, причем можно различать как пре-, так и постобструентизацию. Так, в гуарани (Боливия) наблюдается постобструентизация назальных перед оральными (неносовыми) гласными: /*m*/ : [*m*], [*mb*]; /*n*/ : [*n*], [*nd*]; /*ŋ*/ : [*ɲ*], [*ɲg*]; /*ɲ̃*/ : [*ɲ̃*], [*ɲ̃ɰ*], [*ɰ*] /Rosbottom 1968, 111/. В нафаара (Мали) фонема /*m*/ может выступать в виде [*m*^b], /*n*/ в виде [*n*^d], /*ŋ*/ как [*ɲ*^g], /*ɲm*/ – как [*ɲ*^{mb}] – все в позиции перед оральными гласными /Jordan 1980, 18/. Образование гоморганный шумной

эпентезы в позиции перед оральными гласными является довольно распространенным явлением, оно симметрично процессу эпентетической назализации шумных и, помимо названных выше, имеет место в таких языках, как апиная (Бразилия), маринахуа (Юго-Вост. Перу), гур (Гана) и т.д. В береговом даякском конечные назальные являются преобструентизованными, если предыдущий слог не содержит назального, ср. берег. даяк /kai^hɲ/ – морск. даяк. kain одежда /Herbert 1986, 197/. В диегеньо назальный осложняется гомоганным смычным перед некоторыми оральными смычными: $m \rightarrow m^p / __ t$, k ; $n \rightarrow n^t / __ k$ /Там же, 215/. Явление обструентизации встречается не только рядом с назальными, но и, в частности, в контакте с сонорным вибрантом, ср. рус. просторечн. ндрав вместо нрав.

2.3.2. Парадигматика. Обычно в языке имеется два назальных – билабиальный и дентальный. В разновидности языка кчи, описанной В.Бэллардом, отсутствует /m/, но есть /n/; звук /m/ может встречаться эпентетически, когда назализованный гласный предшествует лабиальному или велярному согласному /Ballard 1975, 167/. Назальный билабиальный отсутствует в таких языках, как ирокезские, тлингит и т.д. Части системы с тремя назальными – m, n и палатальным ñ, либо велярным ŋ. Система назальных может расширяться за счет геминированных коррелятов. Более редки огубленные назальные. Редко встречается и увулярный назальный ʝ, а также, встречающийся в основном в австралийских языках, лабиодентальный ɸ. Наконец, система назальных может включать палатализованные, глоттализированные, реже – аспирированные и эмфатические корреляты. Этими разновидностями почти исчерпывается парадигматическое богатство назальных.

Простая система назальных представлена, например, в кавказских языках, в которых сонорные вообще лишены каких-либо фонемно значимых дополнительных признаков, составляя яркий контраст шумным, имеющих большое количество корреляций. Обычное число сонорных в большинстве кавказских языков – два (m, n). Языки, имеющие трехчленную систему назальных в виде m, n, ŋ – это африкаанс, английский, алеутский, турецкие, монгольские и многие другие языки. Систему, состоящую из таких фонем, как m, n, ñ имеют испанский, многие индейские языки Южной Америки. Четырехчленная система с простыми и палатализованными коррелятами характерна для русского, финно-угорских языков, с простыми и глоттализированными назальными – для языков индейцев Америки – чумаш (д-т барбареньо), атапаскский (д-т голова), кламат, ваппо, мовима и т.д. Но более распространена четырехчленная система назальных, состоящая из таких фонем, как m, n, ñ, ŋ, представленная во многих языках Америки, Азии (например, в нивхском (сахал. д-т)), Африки, Австралии (например, в дйирбал) и т.д. В Индии четырехчленная система назальных состоит из простых m, n и их

церебральных коррелятов \dot{m} , \dot{n} . В аляскинском эскимосском наряду с m , n , η представлен и увулярный ŋ . Наконец, система с простыми и геминированными назальными (m/\dot{m} , n/\dot{n}) представлена в диалектах арабского (например, в египетском), а также в урду. Помимо указанных назальных, в арабском имеется и очень редкая фонема – эмфатический $/\text{m}/$. Пятичленная система назальных имеется в коалиб (нигеро-кордофанская семья): m , n , \dot{m} , η , η^w , в гбея (нигеро-кордофанская семья): m , \dot{m} , n , \dot{n} , η , в буанг (Новая Гвинея): m , n , η , η^w , ŋ ; здесь системы множатся за счет лабиализованных, глоттализированных и увулярных коррелятов. Шесть назальных представлено в амхарском и лега (семья банту): m , \dot{m} , n , \dot{n} , ɲ , ɲ^w , в кунг (койсанская семья): m , \dot{m} , \dot{m}^h , n , η , ʔ ; в первом случае система множится за счет геминированных коррелятов, а во втором – за счет преглоттализованного, геминированного и напряженного велярного членов. Семь назальных представлено в намбакаенгэ (папуасский язык) – m , m^w , n , n^w , \dot{m} , η , η^w /Herbert 1986, 16/, восемь – в ганда (семья банту): m , n , \dot{m} , η , \dot{m}^h , \dot{n}^h , ɲ , ɲ^h /Там же, 33/. Уникальны системы с 11 назальными в южном гомен (Новая Каледония): m , m^w , η , η^w , \dot{m} , η , \dot{m}^h , \dot{n}^h , ɲ , ɲ^h /Там же, 19/, где система назальных множится за счет лабиализованных, ретрофлексных и глухих (в большей части преаспирированных) коррелятов (последние встречаются лишь в начальной позиции), а также с 13 назальными в саамском языке: m , m^j , \dot{m} , \dot{m}^j , n , \dot{n} , n^j , \dot{n}^j , η , η^j , $\dot{\eta}$, $\dot{\eta}^j$ – за счет геминированных, палатализированных и полумягкого коррелятов /Brackel 1983, 96/. Максимально развернутая система назальных представлена в ирландском говоре Торра, где имеется 15 назальных:

\dot{m}	\dot{m}^j	\dot{n}	\dot{n}^j	η	
		n	n^j		
m	m^j	\dot{n}	\dot{n}^j	η	η^j
		n	n^j		

Здесь система множится за счет глухих, геминированных и палатализированных коррелятов /см. Sommerfelt 1962, 337/.

Заключая этот краткий обзор подсистем назальных, встречающихся в языках мира, необходимо обратить внимание на уникальные примеры фонемной системы, не имеющей ни одного назального: в языке мур (семья макро-чибча, Южная Америка) отсутствуют как назальные, так и латеральные и вибранты /Brackel 1983, 100/. Близкая система представлена в языке ротокас (смешанный папуасско-меланезийский язык Новой Гвинеи), в котором из шести согласных (p , t , k , t^h , g , g^h) нет ни одного назального. Как отмечает в этой связи Р.Херберт, ситуация в ротокас противоречит утверждению Ч.Фергюсона о том, что в каждом языке имеется по крайней мере один первичный назальный согласный. Далее автор отмечает, что на поверхностном фонетическом уровне в

ротокас все же имеются назальные согласные – как аллофоны соответствующих шумных:

/b/ → [b] ~ [ɓ] ~ [m]

/r/ → [a] ~ [ɾ] ~ [ɭ] ~ [n]

/g/ → [g] ~ [ɛ] ~ [ŋ] /Herbert 1986, 21/.

Отсутствуют назальные и в ряде языков салишской группы /Фергусон 1970, 109/.

2.3.2.1. Глухость-звонкость. Хотя назальные согласные и относятся к классу сонорных или сонантов, они тем не менее могут иметь глухие корреляты не только на фонетическом уровне (в силу тех или иных правил фонотактики), ср., например, оглушение /n/ в конечной позиции в северном помо, но и в качестве самостоятельных фонем.

Развернутая система глухих назальных (7 фонем) противопоставленных звонким коррелятам, имеется в ирландском говоре Торра (см. выше). В южном гомен (Новая Каледония) имеется схожая система глухих (по большей части преаспирированных) назальных: ^hɱ, ^hɲ, ^hɳ, ^hŋ, ^hɰ, ^hɱ /Herbert 1986, 19/. Глухие ^hɱ, ^hɲ, ^hɳ отмечаются также в куаньям (Ангола) /Там же, 185/. В западном пополока имеются глухие ^hɱ, ^hɲ, ^hɳ в качестве аллофонов /h/ в позиции перед билабиальными, дентальными и велярными согласными: hma? [ɱma?] 'горох', huku [ɲuku] 'один' /Williams, Pike 1968, 378/. Глухие назальные имеются в пенутских языках, а также в папаго, хопи, зунни, вашо, во многих юто-ацтекских и других языках американских индейцев /Sherzer 1976, 92, 158, 141 и др./.

2.3.2.2. Твердость-мягкость. Мягкие назальные вполне обычны в языках с мягкостной корреляцией согласных (ср. славянские, кельтские, финно-угорские и др. языки). В упомянутом выше ирландском говоре Торра фонологически палатализованными являются звонкие, глухие, долгие, велярные назальные. Мягкие назальные имеются также в саамском: m^j, ɲ^j, n^j, ɳ^j, ŋ^j /Brackel 1983, 96/. Помимо палатализованных во многих языках мира встречаются палатальные назальные, ср. например, испанский, многие языки индейцев Южной Америки, Африки и т.д. Характерно, что в абхазо-адыгских языках, имеющих развитую систему палатализованных согласных, сонорные, в том числе и /m, n/, не вступают ни в какие коррелятивные отношения, что, по мнению исследователей, свидетельствует о былой принадлежности их к особому классу консонантов /Абдоков 1983, 31-33/.

2.3.2.3. Аспирация. Редкость придыхательных назальных связывается с универсальной редкостью признака аспирации в классе звонких согласных, в том числе и сонорных. Тем не менее, придыхательные назальные встречаются в таких языках, как непали, ассамский, хинди, маратхи, гуджарати и синдхи (m^h, n^h, ɳ^h) /Эдельман 1975, 94/. В южном гомен в начальной позиции встречаются преаспирированные глухие ^hɱ, ^hɲ, ^hɳ /Herbert 1986, 19/, в цва (группа банту) имеются m^h и n^h.

/Там же, 43/.

2.3.2.4. Глоттализация. Хотя глоттализированные назальные в целом воспринимаются в качестве экзотических звукотипов (гораздо более обычны шумные глоттализированные), имеются целые лингвистические ареалы, в которых эти согласные вполне обычны – например, в языках индейцев Северной Америки. Так, глоттализированные m^h , n^h имеются в мовима (Боливия), причем при их артикуляции "назализация предшествует глоттализации и некоторое время продолжается после гортанной смычки" /Judy, Judy 1962, 29/, в хайда (m^h , n^h , η^h), в диалекте барбареньо языка чумаш (m^h , n^h), в гитксан, шусвал и др. языках. Глоттализация здесь может занимать как пре-, так и постпозицию. Преглоттализированный губный hm и велярный hn (наряду с m , n) имеются в гбея /Brackel 1983, 88/.

2.3.2.5. Лабиализация. Лабиализованные назальные довольно редки в языках мира (ср. например, почти полное их отсутствие в северокавказских языках), но в ряде языков они все же встречаются, ср. огубленные m^w , n^w , η^w в намбакаенге и в родственном ему языке неа, огубленный m^w в лобаха (Новые Гебриды, Меланезия), m^w в южном гомен /Herbert 1986, 16, 17, 19/, огубленный n^w в гакваринском диалекте чамалинского языка в Дагестане в позиции конца слова /Структурные общности 1978, 98/, ср. также огубленный палатальный η^w в д-те беледугу языка бамана /Конате 1989, 5/.

2.3.2.6. Геминизация. В качестве самостоятельных фонем геминированные назальные довольно редки. Геминированные \bar{m} , \bar{n} имеются в арабском, итальянском, кус, блэкфут. В ирландском говоре Торра имеются как глухие геминированные \bar{m} , \bar{n}^j , так и звонкие \bar{m} , \bar{n}^j , противопоставленные негеминированным m , n^j , n , n^j /Sommerfelt 1962, 337/. Долгие назальные \bar{m} , \bar{n} , $\bar{\eta}$ отмечены в языке лега Центральной Африки /Herbert 1986, 257/, \bar{m} , \bar{n} , $\bar{\eta}$ – в амхарском и т.д.

2.3.2.7. Слоговость. На фонетическом уровне слоговые назальные встречаются в соответствующих условиях во многих языках. На фонемном уровне слоговые m , n имелись в санскрите, представлены в сербохорватском, восстанавливаются для праиндоевропейского, пракартвельского языковых состояний. В языке нафаара (Гана) имеются назальные слоговые фонемы m , n , η /Jordan 1980, 8/. Аналогичные назальные отмечаются также в кус /Frachtenberg 1969, 307/.

2.3.2.8. Переднеязычность-заднеязычность. Заднеязычный η нередок в языках мира (ср. германские, африканские, американские и др. языки). Помимо простого η , глухой η и палатализированный η^j встречаются в диалектах ирландского /Sommerfelt 1962, 337/. В кусоквимском диалекте языка аляскинских эскимосов наряду с велярным η имеется и увулярный η /Mattina 1970, 38/. В языке апинаяе (Бразилия) / η / в слогах с оральными гласными реализуется в виде / ηg / : / ηo / = / ηgo / 'вода' /Burgess,

Нам 1968, 9/. Наконец, в языке фула встречается редкое противопоставление заднеязычного /ŋ/ преназализованному /ⁿg/, ср. pāri 'красота' – ⁿgāri 'бык'. Характерно, что имеются целые языковые ареалы, в которых заднеязычный ɣ практически не встречается, ср. кавказские языки, в которых отсутствует ɣ, как, впрочем и палатальный ɣ̥ – на фоне наличия ɣ в тюркских языках кавказского ареала. В папуасском языке намбакаенгё имеется противопоставление ɣ и ɣ^w; в южном гомен имеется как ɣ, так и глухой ɣ̥ – наряду с преназализованным ⁿg /Herbert 1986, 16, 19/.

2.3.2.9. Следующая схема показывает довольно значительные парадигматические возможности назальных согласных, хотя, за исключением простых, палатализованных и заднеязычных назальных, их другие разновидности встречаются довольно редко и воспринимаются в качестве экзотических, что связано с принадлежностью этих звукотипов к классу сонорных, характеризующихся специфическими чертами по сравнению с шумными консонантами:

N ^h	N	N ^j
N ^w	N	ɣ
N̄	N ^ʔ	N̄

2.3.3. Назализованные согласные. Назализация согласных является менее распространенным явлением, нежели аспирация или глоттализация. Тем не менее подобные звукотипы встречаются в языках мира достаточно широко, как на фонетическом, так и на фонемном уровне. Часто для обозначения назализованных согласных используют термин "преназализованные", в котором имплицитно присутствует представление о препозиции назального компонента. Действительно, назализация обычно располагается в препозиции к базовому консонанту, хотя встречаются и постназализованные согласные, а также, еще более редко, мезоназализованные, например, dnd, bmb и т.д. /Brackel 1983, 29, 30/. Как правило, назализованные согласные являются звонкими. Р.Херберт дает следующее определение назализованных: "Преназализованный согласный формально определяется как обязательно гоморганная последовательность назального и неназального консонантных сегментов, которые в совокупности реализуют приближительную поверхностную длительность "простых" согласных в тех языковых системах, в которых они функционируют" /Herbert 1986, 10/. К этому определению следует добавить, что в редких случаях оба компонента комплексной фонемы – и базовый согласный, и модификатор могут являться назальными, что очевидно в случае с веляролабиальными, ср. фонему /ɣ^m/ в гбея (Центральная Африка), ханга, нафаара и т.д.

Как отмечает Н.С.Трубецкой, "полуназальные смычные производят акустическое впечатление группы из очень короткого носового и смычного; они могут существовать в качестве самостоятельных фонем лишь в

том случае, если в данном языке они фонологически отличаются, с одной стороны, от обычных (неносовых) смычных, а с другой стороны – от сочетания "носовой + смычный" /Трубецкой 1960, 204/.

Как было сказано выше, назальный компонент может занимать три позиции по отношению к базовому консонанту – быть в препозиции, рас-текаться по всему шумному и, наконец, стоять в постпозиции. Мезоназализация состоит в последовательном сочетании шумной экскурсии, назального компонента, гоморганного шумному началу и гоморганной им замыкающей шумной рекурсии. Постназализованные согласные встречаются намного реже и по большей части в качестве аллофонов каких-либо согласных, а не в качестве самостоятельных фонем. Так, в гбоя имеется постназализованная фонема /ŋ^m/ – велярный коррелят веляролабиальных /k^p g^b/ и преназализованного /ŋⁿg/ /Brackel 1983, 88/. Помимо этого, лабиовелярная фонема /ŋ^m/ встречается в ханга (Гана) и в нафаара /Hunt, Hunt 1981, 23; Jordan 1980, 8/. В кайнганг звонкие взрывные в конечной позиции реализуются как постназализованные [b^m, dⁿ, g^ŋ]; сходным образом в ичуа тупи в конечной позиции после орального гласного звонкие смычные выступают в виде постназализованных [b^m, dⁿ, g^ŋ], тогда как после назальных гласных они реализуются как назальные [m, n, ŋ] /Herbert 1986, 206/. В некоторых австронезийских языках Новой Гвинеи конечные смычные выступают в виде -cⁿ : /-k/ ■ [-kp] /Capell 1969, 30/.

2.3.3.1. Синтагматика. Р.Херберт в работе, посвященной назализованным согласным, отмечает следующие дистрибутивные ограничения для этих согласных. Так, в кикуйу ни один глагольный или адъективный корень не начинается, и чрезвычайно малое число корней существительных начинается преназализованным согласным. В ндзоби (Африка) преназализованные встречаются лишь в позиции C₂ в корнях и именных основах (за исключением единичных случаев). В евондо, одном из немногих языков банту, в котором допустимы конечные согласные, преназализованные согласные в этой позиции не встречаются /Herbert 1986, 44-45/. Довольно распространенной является деназализация преназализованных согласных в начальной позиции – в яванском, делавар, рейесано и некоторых языках банту. В ряде диалектов малайского отмечается свободная альтернатива между преназализованными и звонкими оральными смычными, то же – во многих меланезийских языках, в некоторых австронезийских языках /Там же, 18/. В бамана в двусложных словах несовместимы два преназализованных согласных /Конате 1989, 6/.

Иногда назализованные согласные могут обуславливать назальную гармонию в пределах слова, как, например, в арабела: /hūwa/ ■ [hūwāʔ] /Rich 1963, 197/. Этот пример, вкупе с другими, показывает, что назализация может выступать и в качестве просодического признака; см. также /Иванов 1975, 19/.

2.3.3.2. Парадигматика. Как отмечалось выше, наиболее обычны преназализованные согласные, представляющие собой согласный (как правило, шумный) с предшествующим ему назальным компонентом. Развернутая система преназализованных представлена, например, в африканском языке рунди (группа банту), имеющем 18 преназализованных смычных, спирантов и аффрикат /Herbert 1986, 99/:

m_p	n_t		η_k
m_b	n_d		η_g
η_v	n_z	n_zj	n_zj
η_r	n_s	n_sj	n_sj
m_{pf}	n_{ts}	$n_{ts}j$	$n_{ts}j$

В африканском же языке чичева представлено 14 назализованных (полуносовых – в терминологии Н.С.Трубецкого) согласных, в том числе такие редкие типы, как глухие назализованные, а также назализованные ффриктивы /Трубецкой 1960, 205/:

\tilde{b}	\tilde{p}	\tilde{v}	\tilde{f}
\tilde{d}	\tilde{t}		
\tilde{g}	\tilde{k}		
\tilde{z}	\tilde{s}	\tilde{z}	\tilde{s}
$\tilde{\eta}$	$\tilde{\eta}$		

Чуть меньше назализованных в родственном рунди языке ганда, в котором на фоне восьми назальных (m , \bar{m} , n , \bar{n} , \tilde{n} , \tilde{n} , η , $\bar{\eta}$) имеется 12 преназализованных фонем /Herbert 1986, 33/. Как можно видеть, преназализация охватывает как переднеязычный, так и палатальный и велярный ряды согласных (смычных, спирантов и аффрикат). Тем не менее, материал показывает, что такие системы все же являются крайними, так как более часто назализация затрагивает лишь смычные, не касаясь спирантов и аффрикат (хотя назализованные спиранты и встречаются в целом ряде языков, ср.: $/m_v/$ – в занде, $/n_z/$ – в нгбака, $/m_v, n_z, n_s/$ – в лега, $/n_z, n_j/$ – мштекском, $/j/$ – в диалектах словенского, $/N\check{/}$ – в д-те беледугу языка бамана и т.д. При этом отмечается такая закономерность, что если в системе имеется лишь один класс назализованных согласных, то это преназализованные звонкие смычные /Herbert 1986, 32/. Хотя очевидно тяготение признака назализованности, с одной стороны – к звонким передним смычным (\tilde{b} , \tilde{d}), и с другой – к велярным (η_k , η_g), в принципе назализация может охватывать также палатальный (ср. палатальную фонему $/j/$ в ряде словенских диалектов /Трубецкой 1960, 204/, в тофаларском и якутском, а также назальный $[j]$ как аллофон $/j/$ в западном пополока, икито, седанг, маринахуа, йоруба, палатальные $/\tilde{n}_s, \tilde{n}_j/$ в ганда) и увулярный (ср. $/N_9/$ в языке буанг) ряды. Кроме того, наряду с билабиальными назализованными встречаются, хотя и реже, лабиодентальные (η_v , η_r). Из более редких примеров назализации можно отметить наза-

лизованный вибрент /ⁿr/ в занде /Herbert 1986, 34/, спирент /^h/ в южноамериканских языках андоа, икито, арабела, назализованную гортанную смычку /^ʔ/ (на уровне аллофона) в ряде дагестанских языков, в энецком и в мовима, сонорный /w/ – как аллофон /w/ в икито, арабела, седанг, маринахуа, в дравидских языках. В языке апинайе перед и после носовых гласных спиренты назализованы: [ʔ̃] = /r/, [ʔ̃] = /z/, [ʔ̃] = /j/, [ṽ] = /v/ /Burgess, Nam 1968, 9/. В гуарани в Бразилии перед носовыми гласными возможны следующие назализованные аллофоны неназализованных фонем: [b̃] = /b/, [r̃] = /r/, [g̃] = /g/ /Roshottom 1968, 111/. Имеются редкие примеры межузубного назализованного /ⁿθ/ в шербро, а в камба (Африка) – соответствующего звонкого /ⁿθ/ в качестве аллофона /θ/ /Herbert 1986, 268/. Очень редки на фонемном уровне назализованные кликсы, как, например, в зулу, в языках ко и кунг койсанской семьи. Число преназализованных может быть различным и разниться по языкам от 1–2 до 12–18. Помимо назализации, базовый согласный может одновременно обладать и другим дополнительным признаком (палатализации, лабиализации и т.д.).

2.3.3.2.1. Глухость-звонкость. В норме назализованные согласные являются, как правило, звонкими. Тем не менее, в ряде языков отмечается фонемное противопоставление звонких и глухих назализованных. Ср. подобную ситуацию в рунди /Herbert 1986, 33/:

m _p	-	m _b	m _r	-	m _v	n _ʃ	-	n _ʒ
n _t	-	n _d	n _s	-	n _z			
n _k	-	n _g	n _{ʃj}	-	n _{ʒj}			

Такое же противопоставление глухих и звонких незализованных характерно для чичева (см. выше), ганда, лега и др. языков. Диахронические исследования показывают, что большая статистическая частотность звонких назализованных как более "естественных" артикуляций проявляется и в процессе эволюции звуковых систем. Так, в языке венда исходные глухие преназализованные преобразовались в глухие аспирированные, тогда как исходные звонкие назализованные сохранились в неизменном виде /Herbert 1986, 117/. Как отмечает Р.Херберт, перцептивная и артикуляторная трудность кластеров N_ʃ (т.е. с глухим оральным) приводит как к оглушению назального, так и к его утрате /Там же, 246/. Этот же процесс может проявляться и в отношении назализованных согласных.

До сих пор мы вели разговор о сочетании звонкого назального компонента с глухим оральным базовым согласным. Но возможно, по-видимому, и глухое качество назального модификатора. Ср. в этой связи историческое преобразование глухих преназализованных в языках вамбо (Юго-Западная Африка и Ангола):

	<u>Ндонго</u>	<u>Ломбондола</u>	<u>Евале</u>
* ^m p >	^m b	^m	ip
* ⁿ t >	ⁿ t	ⁿ	it
* ^ɟ k >	ⁿ k	ⁿ	ik (по /Herbert 1986, 118/).

В языке амахуака согласные /p, t, k, θ/ во внутриморфемной позиции после назализованного гласного выступают как назализованные (с глухим назальным приступом): ^mp, ^ɟt, ⁿθ и т.д. /Там же, 202/.

2.3.3.2.2. Твердость-мягкость. Противопоставление назализованных по признаку твердый-мягкий встречается довольно редко. Мягкостная корреляция преназализованных сибиллянтов встречается, например, в рунди /Там же, 99/:

ⁿɟ - ⁿɟj n_c - n_cj
ⁿɟ - ⁿɟj

Ср. также противопоставление /ⁿd / - /ⁿdj / в фула, /⁽ⁿ⁾d / - /^(h)dj / в неа (папуасский язык группы Санта-Крус) и т.д. В языке сириано у палатализованного /k^j/ в позиции после назализованного гласного возможен назализованный аллофон [ⁿg^j] /Priest 1968, 105/. Ср. также палатализованный [ⁿp^j] в д-те беледугу языка бамана, который в работе Конате /1989, 5/ трактуется в качестве фонемы.

2.3.3.2.3. Аспирация. Аспирированные назализованные согласные очень редки, что объясняется антропофонической сложностью подобной артикуляции. В этой связи примечательно, что в зулу согласные рядом с назальными сегментами утрачивают аспирацию; то же отмечается в тараско /Herbert 1986, 243/. Тем не менее, к примеру, в беembe (группа банту, Конго) /p/ в позиции после назального гласного реализуется как преназализованный придыхательный [^mp^h] /Там же, 129/. В банту одной из реализаций сочетания N + ptk может быть [^mp^h, ⁿt^h, ⁿk^h] /Там же, 243/.

2.3.3.2.4. Глоттализация. У нас нет примеров наличия фонемного противопоставления подобного рода, однако на уровне аллофонов соответствующих фонем глоттализированные назализованные согласные встречаются в целом ряде языков. Так, в зулу сочетания "назальный + глоттализированный", равно как и сочетания "назальный + придыхательный", реализуются в виде [^Nc^ʔ] со слоговым назальным приступом, в то время как остальные комбинации назального с глоттализированными согласными resultуют в простой преназализации глоттализированного (с неслоговым назальным компонентом) (N + c^ʔ → n_c^ʔ, N + q^ʔ → ^ɟq^ʔ), или в преназализации с другими фонетическими модификациями (N + r → ^mφr^ʔ). Слоговой характер назального компонента глоттализированных звуков, отмеченный выше, возможен только в не анлаутной позиции, в начале же слова указанные сочетания являют собой обычные назализованные глоттализированные [^mp^ʔ, ⁿt^ʔ, ^ɟk^ʔ]. Латеральный же спирент в сочетании с назальным дает назализованную глоттализированную латеральную аффрикату (N + λ

→ $^{n\lambda?}$ /Herbert 1986, 167, 240). Схожие процессы наблюдаются и в родственных зулу языках, ср. в хоса /N + χ^h , x, p^h/ → $^{n\chi?}$, $^{nq?}$, $^{(m)}p^?$ /. В ашхарском диалекте абазинского (в речи представителей старшего поколения) встречающаяся лишь в одном слове фонема /f[?]/ реализуется как преназализованный звук [$^{m}f^?a$]: /f[?]a/ = [$^{m}f^?a$] 'тонкий', ср. абх. абж. f[?]a, бзыб. p[?]a, тап. c[?]a 'то же'.

2.3.3.2.5. Лабиализация. Лабиализованные назализованные согласные несколько менее редки, нежели палатализованные и тем более аспираторованные назализованные. Они встречаются в таких языках, как намбака-енгё: / mb /- / mbw /, / nd /- / ndw /, / ng /- / ngw /; в южном гомеи: / mb /- / mbw /; в занде: / ng /- / ngb /; в нгбака: / ng /- / ngb / /Herbert

1986, 16, 19, 34, 113/; в буанг: / ng /- / ngw / /Brackel, 1983, 81/; в гуарани (Парагвай): / ng /- / ngw / /Bareiro Saguier, Dessaint 1983, 313/, мштекском: / ng /- / ngw / /Pike, Ibach 1978, 277/ и т.д. В нафаара (Мали) веляролабиальный / ng / перед оральными гласными может быть реализован как [ngm] /Jordan 1980, 18/.

2.3.3.2.6. Таковы основные парадигматические возможности назализованных согласных. Обобщая приведенный выше материал, можно составить следующую парадигму этих согласных:

c^{nw}	c^{η}	c^{η}
c^{nh}	c^n	c^{nj}
	$c^{n?}$	

2.4.0. Палатализация (c^j)

Прежде всего рассмотрим основные особенности фонемного аналога признака палатализованности – сонорного j, ja именно, его звонкая разновидность, распространен в языках мира очень широко (легче, по-видимому, назвать языки, в которых его нет) и входит, вероятно, в число "центральных" звукотипов человеческого языка. Не случайно, что он довольно част в СДЛ, хотя и уступает по частотности более "центральному" сонорным – m и n. Гласным коррелятом j является i, с которым во многих языках он может альтернировать.

2.4.1. Синтагматика. Сонорный j относится к числу синтагматически наиболее активных звукотипов. Он может являться причиной многообразных, хотя и вполне предсказуемых видоизменений контактирующих с ним фонем. Эволюционно он также довольно активен, преобразуясь в иные звуки, а то и просто исчезая. Сонант j представлен в подавляющем большинстве языков мира. Отсутствует он в мура, аину, грузинском (но существовал в древнегрузинском). О динамике и направлении эволюционирования j (особенно в анлаутной и интервокальной позиции) говорят такие факты диахронического порядка, как переход греч. j в h или z в анлауте, а в интервокальной позиции – в ø; j утрачивается в интервокальной позиции также в латинском, а в анлауте – в древнескандинавском и древнеирландском /Семереньи 1980, 55/. Как отмечает Б.А.Серебренников, особенно

благоприятствует исчезновению *j* его позиция перед или после гласных переднего ряда – например, в тюркских, финно-угорских языках /Серебренников 1974, 96-97/. В ючи *j* между определенными гласными переходит в ноль звука /Wagner 1933-1938, 305/. Утрачен /*j*/ в грузинском (но сохранился на субфонемном уровне, а также в ряде диалектов). Начальный /*j*/ утратился в ряде случаев в абхазо-адыгских диалектах, ср. абх. *a-jasʃʲa* 'брат', *a-jahʷsʲa* 'сестра', *a-jgʷəsʷ* 'топорик', *a-jhəbə* 'старший' и др. – при тап. *aʃʲa*, *aʃʲsʲa*, *gʷəsʷ*, *aħba*. Процесс элиминации анлаутного *j* действовал в ряде случаев и на праабхазском уровне, ср. праабх. **ana* при адыг. *jana* 'мать'. Интервокальный /*j*/ перешел в ноль звука в диалектах немецкого, в монгольских языках, в авестийском, финском и т.д. /Серебренников 1974, 154/. Начальный *j* может легко переходить в сибиллянты *ʒ*, *ʒ*, примеры чему можно обнаружить в тюркских, романских, иранских и др. языках. В анлауте общеадыгский *j* иногда переходит в *h*; в ряде случаев в инлауте он выпадает; кроме того, наблюдается общая тенденция к редукции начального слога типа "общеадыгский сонант *j* + гласный" /Кумахов 1981, 221-222/. В миштепекском д-те языка миштек (Мексика) одной из фонетических реализаций /*j*/ является [ʒ] /Pike, Ibach 1987, 277/. В языке славе (атапаскская семья), напротив, [ʒ] служит свободным аллофоном /ʒ/ /Howard 1963, 44/. Помимо упомянутого выше частого перехода в сибиллянты, встречается и обратный переход *ʒ*, *ʒ* → *j*, например, в ряде немецких д-тов /Смирницкий 1962, 25/. В лезгинских д-тах сочетания /*aj*/, /*ej*/ перешли в /*aa*/; /*j*/ в абсолютном конце слова часто переходит в *∅* /Мейланова 1964, 63, II6/. В славянских языках и.е. **j* между гласными имело тенденцию исчезать /Мейе 1951, 33/.

Особых дистрибутивных ограничений в отношении *j* почти не обнаруживается. Впрочем, можно отметить запрет на сочетание согласных /*p*, *č*, *k*/ с /*j*/ в итонама /Liccardi, Grimes 1968, 40/. В д-те те-нанго языка отоми /*j*/ не может предшествовать гласным /*i*, *ĩ*/ /Blight, Pike 1976, 54/. В индонезийском языке употребление /*j*/ в начальной позиции (особенно перед *i*, *é* и *e*) является ограниченным, редки его сочетания с согласными, а сочетания /*j*/ с последующими согласными фактически отсутствуют (за одним исключением). В конце слова /*j*/ вне дифтонгов не встречается /Очерки 1975, 263/. Артикуляционные особенности обуславливают невозможность произношения сонорного *j* в группе *CjC* (если один из *C* не является *j*), и значительную редкость *j* в позиции #*jC*.

Синтагматическая активность *j* чрезвычайно велика. Его гальванизирующее влияние на динамику фонетической эволюции фонемных систем хорошо известно, этой проблеме, в частности, была посвящена специальная работа А.Шлейхера "О зетаизме", в которой он исследовал изменение согласных перед *j*, а также перед *e* и *i*. Выяснилось, что

почти во всех индоевропейских языках, а также в китайском, манчжурском, тибетском, венгерском и в современных арабских диалектах согласные перед *j* подвергались различным изменениям, в большинстве случаев превращаясь в аффрикаты и другие звукотипы (цит. по /Серебrenников 1974, 10/).

2.4.1.1. Служебная функция. Сонорный *j* входит в число звуко-типов, могущих выступать в роли т.н. "служебной фонемы" (наряду с *h*, *ʔ* и др.). Основная его функция при этом – прикрытие звония и гласного анлаута. Так, *j* вставляется между двумя гласными в баббийском, багвалинском, в некоторых других дагестанских языках. В сванском *j* используется для избежания хиатуса, а также прикрывает невозможный в анлауте *ə* – /Gudjedjani, Palmaitis 1986, 23/. В ряде языков *j* служит в качестве согласной протезы, зашумляющей начальный гласный переднего ряда, ср., например, развитие анлаутного /*j*/ в истории славянских языков, в чувашском, цыганском и т.д. /Серебrenников 1974, 99/. В сантали отмечено наличие эпентезы *j* почти для всех вокалических анлаутов и для *e*-анлаута, а в некоторых случаях – для *i*- и *o*-анлаутов /Очерки 1975, 186/. Взаимосвязь *j* с другими служебными фонемами иллюстрирует, в частности, тот факт, что в тагальском между двумя гетерогенными гласными в срединной позиции в непроезном слове *j* не противопоставляется *ʔ* и *w*, а, напротив, в зависимости от окружения, может замещаться *ʔ* или *w* /Там же, 249/.

2.4.2. Парадигматика. Подобно другим сонорным (и служебным фонемам типа *h*, *ʔ*) *j* относительно редко реализует парадигматические возможности, используемые другими согласными, что контрастирует с его значительной синтагматической активностью. Тем не менее, в разных языках мира можно встретить примеры участия *j* в некоторых парадигмах.

2.4.2.1. Глухость-звонкость. Глухой коррелят *j* более обычен в качестве позиционного аллофона этой фонемы, либо какого-либо другого согласного, ср. немецкий *ich-Laut* в словах типа *ich*, *Leipzig* и т.д. Позиционный /*ç*/ отмечается и в таких языках, как африкаанс, тибатулаб, ирокезских, чукотском (только после *t*) и в др. языках. На фонемном уровне глухой /*ç*/ встречается в норвежском, ирландском (говор Торра), коми, в ряде индейских языков – чипевья, кламат, в тибетском, эскимосском и т.д. В говорах абазинского языка адыгский среднеязычный спирит /*x*/ в словах, заимствованных абазинским из адыгского, регулярно замещается на /*ç*/.

2.4.2.2. Аспирация. Подобный звукотип фонетически довольно трудно реализуем, хотя имеется указание на наличие его в седант в финальной позиции (см. /Smith 1968, 57/).

2.4.2.3. Глоттализация. Глоттализированный $j^?$ – довольно обычная фонема в таких американских языках, как шусвап, тонкава, кёр д'ален, хайда, цимшиан, квакиютль, нутка и др., а также в фула (Мали), седанг (семья мон-кхмер), коалиб (Судан) и т.д. В некоторых языках глоттализация j может нести грамматическую функцию. Так, в кёр д'ален наряду с тем, что /s/ перед гласными преобразуется в $[j^?]$, /j/ может становиться глоттализированным, например, в том случае, если существительное или глагол употребляется в диминутивном значении, ср. $j\grave{a}r-j\grave{a}r-p$ 'повозка; они катятся' – $j^?-j^?a\grave{r}-j^?a\grave{r}$ 'тележка' /Reichard 1933-1938, 639/.

2.4.2.4. Лабиализация. Единственным известным нам примером огубленного $/j^w/$ является абхазский сонорный, обозначаемый в оригинальной транскрипции посредством графемы \mathfrak{C} . Хотя он традиционно считается звонким коррелятом глухого $/h^w/$ и, действительно, исторически происходит из $*/h^w/$, тем не менее, в настоящее время он представляет собой звонкий среднеязычный огубленный сонорный, составляющий оппозицию неогубленному $/j/$. Лабиализованный j^w в качестве фонетического варианта $/j/$ в позиции перед $/w/$ отмечен в арчинском /Арч. яз., 24/.

2.4.2.5. Назализация. Назализованный \tilde{j} в качестве аллофона носового сонанта $/j/$ известен в таких языках, как арабела (Перу) – в позиции перед назальным, в седанг, микасуки (группа мускоги), марианахуа (Перу) – в позиции между носовыми гласными, в йоруба (Нигерия), в эвенкомском, орочском, нанайском, ульчском, негидальском – в позиции перед $/Vm/$, $/Vn/$ /Ист. грам., 302/, во многих дагестанских языках. В качестве самостоятельной фонемы, противопоставленной $/j/$, он известен в таких языках, как фула, где преназализованный $/n^j/$ противостоит $/j/$, палатальному $/\tilde{n}/$ и глоттализированному $/j^?/$, в тофаларском (в анлауте перед Vm , Vn , Vn , $V\eta$, Vg , Vd) /Ист. грам., 300/, в некоторых словенских диалектах /Трубецкой 1960, 204/ и т.д.

2.4.2.6. Геминация. Геминированный j на фонемном уровне отмечается в кус, арабском, даджу (Зап. Судан), урду, гвеабо (Либерия) и др. языках.

2.4.2.7. Слоговость. В ряде языков слоговый j выступает в качестве позиционного аллофона $/j/$, ср., например, вокализацию абхазского $/j/$ в позиции начала слова перед согласным: $ja-ra$ 'он' – $i-so-jt^?$ 'они идут' (в абхазском нет гласного i). Аллофоническая альтернация между j и i предполагается для праиндоевропейского /ИПИ, I63/, а также для общеафризийского /Афр. яз., I3/. В арчинском в конечной позиции $/j/$ реализуется вокалическим вариантом /Арч. яз., 24I/.

2.4.2.8. Парадигматические возможности сонанта j можно суммировать в следующей таблице:

	\tilde{j}	(j^h)
\bar{j}	j	$j^?$
j	j	j^w

2.4.3. Палатализованные согласные. Артикуляционно явление палатализации связано с дополнительным поднятием средней части языка, сочетающимся с основной артикуляцией базового согласного. Акустически это имеет своим результатом наложение на основной тембр i - (или j -) -образного призвука. Палатализация может быть фонологически незначимой - если нет фонемного противопоставления мягких согласных твердым (ср., например, фонетически смягченные шипящие сибиллянты в картвельских, кабардинском, дагестанских, английском и др. языках, не противопоставленных аналогичным твердым коррелятам). В других языках фонологически значимой является палатализация части фонемного инвентаря, тогда как другая часть фонем имеет либо лишь твердые, либо только мягкие варианты - ср. ситуацию в русском языке, в котором на фоне фонемных пар, противопоставленных на основе признака "палатализованный-непалатализованный" (например, пары $/\tilde{z}/$ - $/\tilde{z}^j/$, $/\tilde{s}/$ - $/\tilde{s}^j/$ и т.д.), имеются такие внепарные фонемы, как фонетически смягченный $/\tilde{\zeta}^j/$, не имеющий твердого коррелята, и фонетически твердый $/s/$, не имеющий, напротив, мягкого коррелята. Есть языки, в которых корреляция палатализации охватывает лишь минимальный сектор фонемной системы. Так, в итонама отмечается одинокий палатализованный t^j , который, ввиду его уникальности в данной системе, может рассматриваться и в качестве кластера $t + j$ /Liccaldi, Grimes 1968/. В этом же ряду можно указать на одиночный t^j в чол (Меконга), k^j в сирiono. В украинском и мордовском палатализация охватывает лишь апикальный и сибиллантный ряды /Трубецкой 1960, 152/.

Развернутая система палатализованных согласных представлена в диалектах абхазо-адыгских языков:

$d - d^j$	$z - z^j$
$t^h - t^hj$	$s - s^j$
$t^? - t^?j$	
$\tilde{\zeta} - \tilde{\zeta}^j$	$\tilde{\zeta} - \tilde{\zeta}^j$
$\tilde{\zeta}^h - \tilde{\zeta}^hj$	$\tilde{\zeta}^h - \tilde{\zeta}^hj$
$\tilde{\zeta} - \tilde{\zeta}^j$	$\tilde{s} - \tilde{s}^j$
$\tilde{\zeta}^? - \tilde{\zeta}^?j$	
$g - g^j$	$\gamma - j$
$k^h - k^hj$	$\tilde{x} - \tilde{x}^j$
$k - k^j$	
$k^? - k^?j$	
$q^h - q^hj$	
$q^? - q^?j$	$? - ?^j$

К этой схеме необходимы некоторые комментарии. Непридыхательные фонемы характерны лишь для двух диалектов адыгейского языка, мягкий увулярный придыхательный – только для убыхского, мягкие свистящие – лишь для говоров кабардинского, мягкие переднеязычные – для говоров шапсугского диалекта адыгейского, мягкий ларингальный – для абадзехского диалекта адыгейского; твердых шипящих нет в кабардинском языке, мягкий глоттализированный увулярный характерен лишь для абхазо-абазинского и убыхского, твердых веларных нет в адыгских языках, а также в убыхском.

В отличие от абхазо-адыгских языков, в русском языке палатализованными могут быть губно-губные, губно-зубные и все сонорные (за исключением, естественно, йота). По мнению М.В.Панова, здесь пары $g - g^j$, $x - x^j$ не имеют фонемного статуса, а твердые \check{s} , \check{z} , c , g , x , долгие мягкие \check{s}^j , \check{z}^j и мягкая аффриката $\check{\zeta}^j$ являются внепарными /Панов 1966, 64/.

Наиболее полно система мягкостной корреляции реализована в саамском (I) и ирландском (II) (гов. Торра) языках:

(I)

$p - p^j$	$\bar{p} - \bar{p}^j$	$t - t^j$	$\bar{t} - \bar{t}^j$	$k - k^j$	$\bar{k} - \bar{k}^j$	
$b - b^j$	$\bar{b} - \bar{b}^j$	$d - d^j$	$\bar{d} - \bar{d}^j$	$g - g^j$	$\bar{g} - \bar{g}^j$	
		$c - c^j$		$\check{\zeta}^j - \check{\zeta}^j$		$h - h^j$ $\bar{h} - \bar{h}^j$
		$z - z^j$		\check{s}^j		
$r - r^j$	$\bar{r} - \bar{r}^j$	$s - s^j$	$\bar{s} - \bar{s}^j$	$\check{s} - \check{s}^j$	$\bar{s} - \bar{s}^j$	$x - x^j$ $\bar{x} - \bar{x}^j$
$v - v^j$	$\bar{v} - \bar{v}^j$	$z - z^j$	$\bar{z} - \bar{z}^j$	$\check{z} - \check{z}^j$	$\bar{z} - \bar{z}^j$	
$m - m^j$	$\bar{m} - \bar{m}^j$	$n - n^j$	$\bar{n} - \bar{n}^j$	$\eta - \eta^j$	$\bar{\eta} - \bar{\eta}^j$	
		$l - l^j$	$\bar{l} - \bar{l}^j$			
		$r - r^j$	$\bar{r} - \bar{r}^j$			

Помимо этого, здесь отмечаются и т.н. полумягкие согласные \dot{t} \dot{d} \dot{n} /Brackel 1983, 96/. Таким образом, имеется 41 пара согласных, противопоставленных по признаку "непалатализованный негеминированный – палатализованный негеминированный", а также по признаку "непалатализованный геминированный – палатализованный геминированный". Имеется, помимо этого, внепарный мягкий $/\check{z}^j/$, а также пара $/\check{\zeta}^j/ - /c^j/$, противопоставленная по признаку "мягкий негеминированный – мягкий геминированный".

Несколько иной является система палатализованных ирландского языка:

(II)

$p - p^j$, $b - b^j$, $r - r^j$, v^j , $m - m^j$, $m - m^j$, $t - t^j$, $d - d^j$,
 $\bar{n} - \bar{n}^j$, $\eta - \eta^j$, $\bar{n} - \bar{n}^j$, $n - n^j$, $\bar{l} - \bar{l}^j$, $l - l^j$, $\bar{l} - \bar{l}^j$,
 $l - l^j$, $r - r^j$, $k - k^j$, $g - g^j$, $\lambda - \varsigma$, $\eta - \eta^j$ /Sommerfelt 1962, 337/.

Уникальной в данной системе, помимо прочего, является наличие разветвленного инвентаря сонантов – звонких, глухих, палатализованных, геминированных. Представленные системы показывают, что палатализация может в принципе охватывать все ряды согласных – за исключением собственно палатального. Как отмечает Л.Р. Зиндер, степень подъема средней части языка может быть различной, и в таком случае можно говорить о более палатализованных и менее палатализованных согласных; так, в украинском языке имеются "мягкие", "смягченные" и "полусмягченные" /Зиндер 1979, 133/, ср. также "полумягкие" фонемы в саамском (см. выше). Кстати, различна может быть и степень палатализованности среднеязычных согласных. Ср., например, несколько смягченный спирант /x/ в адыгских языках и сильно смягченный (палатальный) /x^j/ в абазинском, встречающийся только в адыгских заимствованиях (x^jak^wa 'жеребец'), практически аналогичный немецкому ich-Laut (ç).

Среди палатализованных согласных редкими звукотипами являются h^j, отмеченный в кашмири, славе (как аллофон h перед передними гласными) /Howard 1963, 44/, ħ : ħ^j – в вепском, h : h^j, ħ : ħ^j – в саамском, палатализованный латеральный λ^j – в кахуилла (как позиционный аллофон λ), в диегеню, юма, кокопа, смягченный w^j – в кашмири, в ненецком, в лезгинском и табасаранском (в двух последних – как позиционный аллофон w) и т.д..

2.4.3.1. Синтагматика. Палатализованные согласные оказывают определенное влияние на соседние с ними сегменты – как согласные, так и гласные. Например, гласный /a/ может приобретать передний оттенок [ä], /e/ сужаться до [i] и т.д. Так, в абхазском языке сочетание /с^ja/ реализуется как [с^jä], /с^jə/ – как [с^jɛ/], /с^jew/, /с^jwə/ – как [с^jü] и т.д. Палатализованные согласные, особенно если они к тому же и аспирированы, имеют порой сильную тенденцию к аффрицированному произношению и во многих языках переходят в аффрикаты или спранты. Палатализованные согласные в принципе являются неустойчивыми /Серебrenников 1974, 127–130/, вследствие чего их эволюционная подвижность довольно велика.

2.4.3.2. Маркированность признака палатализации и его символическая функция. Признак палатализованности является маркированным, что способствует отмеченной выше нестабильности палатализованного ряда в системе и обуславливает его большую эволюционную активность. Так, "ни в одном историческом индоевропейском диалекте не сохраняется ряд палатализованных велярных смычных... Палатализованный ряд велярных как наиболее маркированный ("рецессивный") является нестабильным в системе, имеющим тенденцию к движению и слиянию с собственнo велярным рядом или переходу его в особый ряд аффрикат или фрикативных" /ИЯИ, 98/. Неустойчивость палатализованных демонстрируется

на материале большого числа языков. Направление эволюции при этом – утрата признака палатализованности, либо слияние с другими рядами, или, наконец, образование новых звукотипов. Одним из направлений эволюции является и переход палатализованных в собственно палатальные согласные.

Маркированный характер палатализованных согласных демонстрируется и использованием их в экспрессивных стилях речи. Так, в кокопа для передачи различных символических значений используются палатализация (наряду со спирализацией), ср. *xmaʔʲ* 'быть белым', *xmaʔʲ* 'иметь белую кожу на лице', *xmaʔ* 'быть седым' /Mixco 1976, 154/. "Неорганическая" палатализация согласных свойственна фамильярной и экспрессивной лексике балтийских и славянских языков (см. /Трубачев 1959, 24/). При деривации СДЛ характерным является процесс символического смягчения твердых согласных для придания подобной лексике "детского" фонетического облика, причем это происходит и в тех языках, в которых отсутствует мягкостная корреляция согласных. Таким образом, одной из основных символических функций палатализации является передача диминутивных значений, ср. к примеру, неэтимологическую мягкость переднеязычных в таких русских словах детского лексикона, как дядя, тетя, няня, тятя и т.д.

2.4.3.3. Парадигматика. Вышеприведенный материал достаточно наглядно демонстрирует большую парадигматическую валентность палатализованных согласных, способность признака палатализации сочетаться с другими видами дополнительной артикуляции.

2.4.3.3.1. Глухость-звонкость. Палатализация хорошо сочетается как с глухостью, так и со звонкостью, ср. приведенные выше коррелятивные пары абхазо-адыгских, русского, саамского и др. языков. Редкое противопоставление глухих и звонких геминированных палатализованных отмечается в ирландском говоре Торра (см. выше).

2.4.3.3.2. Аспирация. Как правило, аспирированными бывают лишь глухие палатализованные согласные. Помимо тех языков, в которых аспирация глухих носит автоматический характер, имеются и языки, где противопоставляются аспирированные и неаспирированные палатализованные согласные, например, в бжедугском диалекте адыгейского: /čʲ/ : /čʲʰ/, /ʃʲ/ : /ʃʲʰ/. Мягкие неаспирированный и аспирированный /kʲ/ и /kʲʰ/ противопоставляются в хупа (атапаскская семья) /Waterhouse 1976, 349/.

2.4.3.3.3. Глоттализация. Глоттализация хорошо сочетается с палатализацией, что видно из материала, в частности, абхазо-адыгских языков (см. выше). Подобные согласные отмечены также в североамериканских индейских языках, а на уровне аллофонов соответствующих твердых глоттализированных – и в дагестанских языках.

2.4.3.3.4. Лабиализация. Сочетание палатализации с лабиальностью является довольно редким явлением и в качестве самостоятельных фонем, противопоставленных твердым лабиализованным, такие согласные в большинстве языков мира отсутствуют. В японском диалекте Нагасаки Н.С.Трубецкой отмечает лабиализованно-велярный и лабиализованно-палатальный типы гуттуральных /Трубецкой 1960, 157/. Два тембровых класса – простой лабиализованный и лабиализованно-палатализованный, по-видимому, различаются в языке семьи киньярванда /Там же/, а также в ряде балканских языков /Принципы 1976, 258/. В абхазо-адыгских языках встречаются как твердые (с w-окраской), так и смягченные (с ü-окраской) лабиализованные спиранты и аффрикаты. Палатализованный характер абхазских огубленных спирантов и аффрикат отмечал еще П.К.Услар: "Буквы j^w , z^w , z^w , z^w , h^w , c^w , c^w , s^w , s^w заключают в себе j и потому после них а произносится, как русское я после согласной" /Услар 1887, 7/, но ни в одном из этих языков твердые и смягченные огубленные не противопоставляются. Смягченные дентолабиализованные согласные зафиксированы также в некоторых говорах лезгинского языка /Мейланова 1964, 40/. Гласным аналогом палатализованных лабиализованных звукотипов является узкий лабиализованный ü.

2.4.3.3.5. Назализация. Палатализованные назализованные согласные отмечаются в таких языках, как хопи ($^ng : ^ng^j$), сирмоно ($^ng^j$ – в качестве аллофона / k^j / после назализованного гласного), в рунди ($^nz : ^nz^j$, $^ns : ^ns^j$, $^nc : ^nc^j$), фула ($^nd : ^nd^j$), неа ($^nd : ^nd^j$) и т.д.

2.4.3.3.6. Геминизация. В качестве самостоятельных фонем геминизованные палатализованные встречаются в таких языках, как саамский и ирландский (см. выше).

2.4.3.3.7. Суммируя парадигматические возможности палатализованных согласных, указанные выше, их можно представить в виде следующей таблицы:

\tilde{c}^j	\tilde{c}^j	c^jh
$c^j?$	c^j	c^jw
	c^j	

2.4.4. Гласными аналогами палатализованных согласных можно считать препалатализованные гласные, ср. / j_e , j_ϵ , j_o , j_a , j_u , j_o / в корейском /Kim 1968, 517/; в эвенском /Ян У, 89/ и т.д.).

2.5.0. Лабиализация (c^w)

Рассмотрим синтагматико-парадигматические особенности билабиального w – основного консонантного аналога признака лабиализации. Хотя w и представлен во многих языках мира, в целом он менее распространен, чем, скажем, j и может считаться несколько более периферийным по сравнению с последним. В детском лексиконе w заменя-

ют на лабиодентальный *v*, что тоже симптоматично. Гласным коррелятом *w* является *u*. Определенная артикуляторная сложность *w* объясняет, почему во многих языках он либо отсутствует, либо претерпевает различные видоизменения, то ослабевая и исчезая, то усиливаясь (*w* → *v*, *ɣ^w*, *ɣ^w* и т.п.).

2.5.1. Синтагматика. Сонорный *w* не относится к числу синтагматически активных звуков. Фонотактические правила его могут различаться даже в близкородственных языках. Так, в абхазском он не подвергается ассимиляции по шумности с последующим согласным, реализуясь в виде основного варианта плюс гласный, либо в виде своей вокалической модификации, нередко с прелабialisацией: *wərowma* // *^wúrowma* // *úrowma* 'ты прыгаешь?'. В родственных абхазскому адыгских языках сонант /*w*/ в составе личного префикса 2-го л. ед.ч., если он не представлен огласованной формой /*wV*/, ассимилируется с последующим шумным:

- w* _____ *p* /глухой шумный
- w* _____ *b* /звонкий шумный
- w* _____ *p*? /глоттализованный

В кабардинском, кроме того, наблюдается чередование /*w*/ (в составе указанного аффикса): /*b*/, ср. каб. *woh* // *boh* 'ты несешь', при адыг. *wahe*; *wos*? // *bos*? 'ты делаешь' при адыг. *was*?^ə и т.д. /Кумахов 1981, 226/. В абхазском /*w*/ в составе трифтонга -*awa*- реализуется в виде -*o*- (ср. *s-cojt*? < *s-ca-wa-jt*? 'я иду'), либо - в говорах - как долгое -*ō*- (*scōjt*?). В сванском языке последовательность /*Cw*/ очень часто реализуется в виде [*C^w*], т.е. как огубленный согласный (абхазского типа). В мегрельском произношении /*w*/ колеблется между /*v*/ и /*w*/; после согласных /*ʔ*, *k*, *ʃ*, *t*/ он реализуется как [*v*]; в определенных позициях /*w*/ может также выступать в виде [*b*], [*ɥ*], а в позиции перед глухими глоттализованными /*k*?, *s*?, а также глоттальной смычкой /*ʔ*/ - в виде [*p*?] /Цагарели 1880, 78; Кипшидзе 1914, 296/. В ючи /*w*/ в определенных позициях между гласными может быть элиминирован до нуля /Wagner 1933-1938, 305/. В одном из диалектов нахуатль интервокальный /*w*/ утрачивается, если ему предшествует /*o*/ и за ним не следует /*i*/ /Campbell 1976, 48/. В зуни /*w*/ перед глухими реализуется как [*p*] /Bunzel 1933-1938, 433/. В миктепекском диалекте миктепекского /*w*/ может быть реализован как [*v*] /Pike, Ibach 1978, 277/. В некоторых языках /*w*/ контрастирует с весьма близким фонетически /*ɬ*/, ср. в бауре (Северо-Восточная Бразилия) контраст *beɣ* 'уже': *niweɣ* 'мой дом'; в других же словах такого контраста не наблюдается /Baptista, Wallin 1968, 6/. В цахурском языке /*w*/ перед задними гласными выступает в качестве [*w*], а перед передними - [*v*] или [*β*] /Структурные общности 1978, 98/. В ряде языков отмечается чередование или свободное варьирование /*w*/ ~ /*ɣ^w*/ /Принципы 1976, 258/.

Можно отметить следующие дистрибутивные ограничения, налагаемые на *w*. Так, во многих языках он невозможен в начале слова непосредственно перед согласным, или же в интерконсонантной позиции, что объясняется произносительной сложностью подобной артикуляции. В индонезийском языке /*w*/ редко сочетается с согласным, а сочетания его с последующими согласными фактически отсутствуют; в конце слова /*w*/ вне дифтонгов не встречается /Очерки 1975, 263/.

Глухим коррелятом *w* является билабиальный φ , встречающийся, например, в таких языках, как сери, маринахуа и др. Неустойчивость *w*, обусловленная его сегментной слабостью, отмечена в истории многих языков. Так, начальный *w* исчезал в аккадском, во всех позициях утрачивался в греческом, в народной латыни выпадал перед *u*, в венгерском исчезал перед губными гласными, а в финском – перед *o*, *u*, \ddot{o} , то же происходило в мордовском и, по-видимому, в марийском, в немецком, древнеисландском (после губных гласных – в нем., перед ним – в исл.) и т.д. /Серебrennikov 1974, 95–96/. Обратным процессом, ведущим к усилению слабой артикуляции, присущей *w*, является его усиление, с переходом $w \rightarrow b, v, \gamma^w, g^w$ в истории многих индоевропейских и иных языков.

2.5.2. Служебная функция *w*. Служебная функция *w*, как и *j*, заключается, во-первых, в зашумлении аналитных гласных (ср. сван. *od/woð* 'пока, до', *wokwr < okwr* 'золото'), где *w* выступает в качестве протезы, либо в близкой функции вставки между двумя гласными для устранения зияния (ср. мегр. *txorwa* вместо *txorua* 'рыть, копать', *suwa* вместо *sua* 'перо' и т.д.). О взаимосвязи *w* с другими служебными фонемами (*j*, ?) см. в 2.4.2.

2.5.3. Парадигматика. Подобно другим сонорным (и служебным) фонемам *h*, ?), *w* не отличается многообразием парадигматических реализаций. Тем не менее, можно привести следующие примеры его парадигматических возможностей.

2.5.3.1. Глухость–звонкость. Глухая фонема w^h является довольно редким звукотипом. Она встречается в ирландском языке (говор Торра), в хжном гомен (преаспирированная глухая w^h в начальной позиции), а также в некоторых индейских языках – чипевья, кламат, такелма и др. Глухой w^h может также являться фонетической реализацией другой фонемы, ср. глухой спирант $[w]$ после /*u*/ в слове: $[tuw]$ = /*tuh*/ /Howard 1963, 45/.

2.5.3.2. Твердость–мягкость. Антропофоническая сложность мягкого w^j обуславливает его почти полное отсутствие в языках мира. Палатализованный $[w^j]$ выступает аллофоном /*w*/ в таких языках, как арчинский, лезгинский, табасаранский, где он возникает под влиянием соседних передних гласных. Фонема $[w^j]$ наряду с /*w*/ встречается в лесном ненецком, в кашмири.

2.5.3.3. Аспирация. Аспирированный w^h , хотя и является редким звукотипом, встречается в таких языках, как синдхи, в восточных диалектах белуджского (в заимствованиях из синдхи), в маратхи и пашаи /Эдельман 1975, 94/. Преаспирированный глухой w^0 встречается в начальной позиции в южном гомен.

2.5.3.4. Глоттализация. В отличие от предыдущих звукотипов, глоттализированный w^g довольно обычен в языках индейцев Северной Америки (шусвап, тонкава, кёр д'ален, хайда, чимшиан, квакиютль, нутка и др.), в которых наличие глоттализированных сонорных выступает в качестве североамериканской ареальной черты.

2.5.3.5. Назализация. Примеров на фонемный статус назализованного \tilde{w} у нас нет, однако на аллофоническом уровне этот звук встречается в таких языках, как арабела (в позиции после назальных), седанг, миасуки (после назализованного гласного в том же слове), в маринахуа (между назализованными гласными), гуарани, камаюра, йоруба, в дагестанских языках.

2.5.3.6. Геминияция. Геминированный \bar{w} в качестве самостоятельной фонемы довольно редок, в этом качестве он известен в арабском, даджу (нило-сахарская семья) и т.д. В качестве аллофона /w/ в определенных позициях отмечается геминированный $[\bar{w}]$ в арчинском /Арч. яз. 240/. Геминированный $[\bar{w}]$ как результат сочетания /ww/ возможен в абхазском.

2.5.3.7. Слоговость. Вокализованный вариант сонанта /w/ – в качестве его позиционного аллофона, присутствует, например, в абхазском, ср. wa-га 'ты (мужчина)' – u-са 'ты (мужчина) иди!'. Альтернатива слогового и неслогового аллофонов w предполагается для праиндоевропейского /ИЯИ, 163/. В конечной позиции в арчинском слоговый $[\bar{w}]$ представляет неслоговое /w/ /Арч. яз., 241/.

2.5.3.8. Суммируя изложенные факты, можно представить парадигматические возможности сонорного w в виде следующей таблицы:

w^0	w^h	w
\bar{w}	w	\bar{w}
	w^g	w^j

2.5.4. Лабиализованные согласные. Лабиализация согласного заключается в наложении дополнительного w-образного (или u-образного) тембра на тембр базового согласного. Артикуляторно это выражается в дополнительной к основной артикуляции работе губ – их более или менее существенному округлению или выдвиганию вперед. Фонетическая лабиализация – обычное явление для многих языков, состоящее в модификации согласных при их контакте с огубленными (или лабиальными) согласными или гласными. Однако во многих языках лабиализованные согласные имеют статус самостоятельных фонем, независимо от их позиционного окружения.

2.5.4.1. Типы лабиализации. Различается довольно большое число типов лабиализации. Так, в статье, посвященной лабиализации в кавказских языках, Дж.Кэтфорд классифицирует виды лабиализации согласных абхазского языка следующим образом: (1) округление губ [ʷ]-типа, (2) лабиальный + палатальный апроксимант [ɥ]-типа, (3) лабиальный + палатальный фрикатив [ʷʃ]-типа, (4) лабиодентальный [ʋ]-тип и, наконец, (5) полная внутригубная смычка, [ɱ]-тип. Типы эти не противопоставлены, распределяясь дополнительно по классам согласных /Catford 1972/. Указанные виды могут еще более детализироваться. Так, помимо отмеченного выше первого вида лабиализации, который можно назвать закрыто-лабиализованным (в терминологии Кэтфорда – эндолабио-эндолабиальный), в ряде кавказских языков (в абазинском, адыгских языках) встречаются и открыто-билабиализованные, которые из названных языков маркируют фонологически значимое огубление лишь в части абазинских говоров. Дентолабиализованные согласные также имеют две разновидности – эндолабиодентальные (как в абхазском) и экзотлабиодентальные (в говорах ашхарского диалекта, а также в ряде лезгинских языков) /Чирикба 1986, 35–37/.

2.5.4.2. Место лабиального компонента. В подавляющем большинстве случаев имеет место постпозиция лабиального элемента огубленных согласных, однако возможны, по-видимому, и прелабиализованные согласные, о чем свидетельствуют, в частности, данные некоторых дагестанских языков. Так, в годоберинском языке элемент лабиализации отделяется от лабиализованного согласного и в виде гласного у ставится непосредственно перед данным сегментом: беукъ – ‘сушить’ < бе-къв-, беуч- ‘забывать’ < бе-чъ-, а^нух- ‘кипеть’ < а^н-хв и т.д. Аналогичное явление наблюдается и в некоторых цезских языках, в истории арчинского языка /Талибов 1980, 242–243/, а также некоторых других дагестанских языков. Хотя прелабиализация и не является в указанных примерах живым явлением, следует признать, что в процессе трансформации комплексной фонемы $C^w \rightarrow$ комплекс РС последней стадии должна была предшествовать ступень wC , когда элемент лабиализации, транспонированный в препозицию, еще не фонологизировался (можно предполагать и наличие стадии синхронной вариативности $C^w // ^wC$). В ягнобском языке и в курдском говоре Туркмении x^w является единственной лабиализованной согласной, которая может фонетически реализовываться и как прелабиализованный спирант /Эдельман 1979, 2/.

2.5.4.3. Маркированность признака лабиализации. Как отмечает в литературе, лабиализованный веларный ряд по отношению к лабиализованному дентальному является немаркированным. Из этого следует, что в смычных признак лабиализации (бемольности) легче сочетается с признаком постерiorsности /ИНИ, 83/.

Комплексные согласные, компоненты С и C_I которых сочетаются по

принципу максимального контраста (например, "велярность + лабиальность") являются более "естественными" и более устойчивыми в системе. Этим объясняется значительно большая распространенность постериорных лабиализованных, чем соответствующих антериорных, которые более редки и более маркированы по сравнению с первыми. Об этом свидетельствуют и системы лишь с одним лабиализованным, который почти всегда является заднеязычным (см. ниже). Лабиализованные согласные как звуки относительно низкие по звучанию нередко используются в словах звуко-символической природы (в частности, и в СДЛ).

2.5.4.4. Синтагматика. Лабиализованные согласные оказывают определенное воздействие на соседние с ними сегменты, наиболее сильно влияя на гласные, модифицируя их тембр. Так, в абхазском слог "велярный огубленный + э" реализуется как $[C^w u]$, ср. $ag^w a [ag^w u]$ 'сердце'. Влияние дентолабиализованных на гласные в абхазском менее ощутимо, ср. $azə$ один (человек) = $/a z^V \pm/$.

В арчинском в некоторых случаях наблюдается делабиализация согласных перед о на стыках морфем. Здесь нет сочетаний uc^w , oc^w ; если же в речи такие сочетания все же возникают, то наблюдается процесс $uc^w v \rightarrow uc v$, если $v \neq u$ /Арч. яз., 317-318/.

В дагестанских языках билабиализованные согласные нейтрализуются в позиции перед /у/ (нет противопоставления слогов $/C^w u/$ и $/Cu/$), а также перед /о/ /Арч. яз., 211/. Одним из немногих исключений здесь является лакский язык, в котором отмечены пары типа $c^w u$ 'соль' — $c^? u$ 'огонь' (устн. сообщ. М.Е.Алексеева). В абхазском также отсутствует противопоставление слогов $/C^w v/$ и $/Cwv/$ — если огубленный является велярным.

2.5.4.5. Парадигматика. Лабиализованные согласные могут занимать довольно значительное место в системе фонем того или иного языка. Так, в озыбском диалекте абхазского 19 лабиализованных из общего числа 67 фонем, в абазинском — 14 из 58, в адыгейском — 13 из 53 и в кабардинском — 9 из 48 фонем. Ср. суммарную картину распространения лабиализованных согласных в диалектах абхазо-адыгских языков: $p - p^w, f - f^w, t - t^w, d - d^w, t^h - t^{hw}, z - z^w, s - s^w, s^? - s^{?w}, \check{z} - \check{z}^w, \check{s} - \check{s}^w, \check{s}^? - \check{s}^{?w}, j - j^w, \check{z} - \check{z}^w, \check{s}^h - \check{s}^{hw}, c - c^w, \acute{o}^? - \acute{o}^{?w}, \check{z} - \check{z}^w, \acute{o} - \acute{o}^w, \acute{o}^? - \acute{o}^{?w}, x - x^w, \check{x} - \check{x}^w, \gamma - \gamma^w, \gamma - \gamma^w, \check{x} - \check{x}^w, \check{x}^h - \check{x}^{hw}, ? - ?^w, g - g^w, k - k^w, k^h - k^{hw}, k^? - k^{?w}, q - q^w, q^h - q^{hw}, q^? - q^{?w}, q - q^w, q - q^w$.

Из редких видов лабиализованных можно отметить билабиальный лабиализованный $/f^w/$ в шапсугском диалекте адыгейского, а также в ючи, $/p^w/$ в ашхарском диалекте абазинского и в адыгейском, $/f^w, v^w/$ в киньярванда (группа банту), $/b^w, t^w/$ в д-те беледугу языка самана, $/p^w/$ — в нупе, кутеп, бирманском, южном гоме, огубленные ларингальные в абхазском (h^w) и в абазинском (h^w , а также h^w),

сжуолав, атапасском, кус, тлннгит, серрано, амхарском, явапаш, γ^w – в адыгских, в явапаш, мовима (в последнем – как аллофон ?), сонант $/j^w/$ – в абхазском, выбранты $/r^w/$, $/r^{\gamma w}/$ – в кёр д'ален и т.д. Здесь обращают на себя внимание редкие и избыточные, с точки зрения признака лабиальности, огубленные облабиальные. То же относится к огубленным лабиодентальным $/v^w/$ и $/f^w/$. Уникальными являются и огубленные латеральные спиранты (простой и сильный λ^w , $\bar{\lambda}^w$) и аффрикаты (λ^w , $\lambda^{\gamma w}$) арчинского языка /Арч. яз., 224/. Помимо латеральных, противопоставление простых и сильных огубленных в арчинском отмечается и в таких парах, как $/s^w - \bar{s}^w$, $\xi^w - \bar{\xi}^w$, $k^{hw} - \bar{k}^w$, $x^w - \bar{x}^w$. В гакваринском диалекте чамалинского языка в конце слова отмечаются лабиализованные сонорные $/l^w$, n^w , $r^w/$ /Структурные общности, 1978, 98/. Редкими являются также лабиализованные назальные и назализованные (см. выше). Противопоставление велярного и увулярного спирантов $x^w : \bar{x}^w$ отмечено в сквамш, шусвап, язгулямском и в ряде других языков, среднеязычного и увулярного спирантов $x^w : \bar{x}^w$ – в кабардинском и т.д.

Наряду с развернутыми системами лабиализованных согласных типа тех, что представлены в абхазо-адыгских языках, имеются и системы с одним огубленным согласным. Так, единственный лабиализованный $/k^w/$ имеется в нахуатль (Мексика), в мовима (Боливия), куна; один $/g^w/$ – в гуарани, бамбара; один $/x^w/$ – в ягнобском языке и говоре курдов Туркмении и т.д. Системы с единственным лабиальным не являются, по-видимому, стабильными, и здесь возможна как тенденция к увеличению числа лабиализованных, так и стремление к элиминированию одиноко стоящего звукотипа.

2.5.4.5.1. Глухость-звонкость. Лабиализация может быть присуща как глухим, так и звонким согласным, и каких-либо ограничений в этом отношении у лабиализованных не отмечено.

2.5.4.5.2. Твердость-мягкость. Противопоставления подобного рода среди лабиализованных крайне редки, хотя сама по себе мягкостная корреляция хорошо сочетается с корреляцией по огубленности, ср. смягченные огубленные, а также огубленный палатальный сонант j^w в абхазском. Редкость такого противопоставления объясняется, по-видимому, недостаточным артикуляционно-акустическим контрастом между s^w и s^{jw} (подробнее об этом см. выше).

В качестве примера фонемного противопоставления подобного рода можно привести, по-видимому, контраст $t^w : t^{jw}$ в анлаутной позиции в селькупском языке (центральное наречие) /Хайду.1985, 135/.

2.5.4.5.3. Аспирация. Аспирация хорошо сочетается с лабиализацией, и придыхательные огубленные согласные известны во многих языках, однако фонологический контраст придыхательных и непридыхательных огубленных сегментов встречается намного реже, ср. подобное противопоставление в бжедугском диалекте адыгейского ($k^w - k^{hw}$,

$q^w - q^{hw}$, $c^w : c^{hw}$, в явапан, чипевья и вийот ($k^w - k^{hw}$), южный гомен ($p^w - p^{hw}$) и т.д.

2.5.4.5.4. Глоттализация. Глоттализация хорошо сочетается с корреляцией огубленности, ср. в абхазском пары $/k^{hw} - k^{?w}$, $c^{hw} - c^{?w}$, $t^{hw} - t^{?w}/$ и т.д. Редкие типы огубленных гуттуральных отмечены в тонкава ($g^w - g^{?w}$; $x^w - x^{?w}$). Здесь g^w является полувзвонким, причем глоттализация относится не к смичному, а к его лабиальному фокусу /Hoijer 1933-1938, 3/. Редким звуком является преглоттализированный аспираторизованный $[?k^{hw}]$ в такелма, образующийся при сочетании $k^{?w} + h$ /Sapir 1969, 43/.

2.5.4.5.5. Назализация. Лабиализованные назализованные согласные встречаются в ряде языков Новой Гвинеи, Африки, Южной Америки, о чем см. выше, в разделе 2.3.4.2.5.

2.5.4.5.6. Геминизация. Геминированные огубленные согласные имеются в ряде дагестанских языков, например, в агульском ($\check{x}^w, \check{\phi}^w$), табасаранском ($\check{\phi}^w, \check{x}^w$), хотя в другой терминологии они именуются сильными согласными. Последние в дагестанских языках, как известно, в определенных позициях действительно выступают как геминаты. Фонемный статус геминированных огубленных согласных в абхазском и абазинском неочевиден, здесь мы имеем дело, скорее всего, с комплексами $/c^w c^w/$.

2.5.4.5.7. Фарингализация. Фарингализованные лабиализованные, вопреки Р.Якобсону, вполне возможны, они имеются, в частности, в убухском, ср. противопоставления $y^w - \underline{y}^w$, $\check{x}^w - \underline{\check{x}}^w$, $q^w - \underline{q}^w$, $q^{?w} - \underline{q}^{?w}$.

2.5.4.5.8. Схематично парадигматические возможности лабиализованных согласных можно представить в следующей таблице:

	\check{c}^w	(c^{jw})
\underline{c}^w	c^w	\check{c}^w
\check{c}^w	c^{hw}	$c^{?w}$

2.5.5. Гласными аналогами лабиализованных согласных могут, по-видимому, считаться прелабиализованные $/^w u/$, $/^w o/$ ($< */wu/$, $*/wo/$) в скандинавских языках /Плоткин 1982, 81/, прелабиализованные $/^w i$, $^w e$, $^w \epsilon$, $^w a$, $^w \alpha/$ в корейском /Kim 1968, 517/ и т.д.

2.6.0. Проблема глубинных кластеров

Анализ характерных черт, присущих комплексным согласным, их соотношения с другими элементами фонологической системы указывают на возможность трактовки этих звукотипов в качестве особого рода комплексов согласных, а именно, глубинных кластеров, т.е. таких сочетаний согласных, степень ассоциации которых чрезвычайно велика, и потому на поверхностном фонологическом уровне они выступают в качестве монофонем, сохраняя одновременно некоторые признаки своей комплексной природы.

Взгляд на комплексные согласные как на особого рода сочетания фонем встречается в работах ряда ученых. Так, рассматривая глоттализированные и палатализованные смычные в итонама, автор статьи отмечает, что имеется равная возможность трактовать эти согласные в качестве кластеров $Ci?$ или Cij /Liccardi, Grimes 1968, 40/. Х.Пенцл исключает аффрикаты языка пушту из числа фонем, рассматривая их в качестве кластеров "смычный + спираント", что вызывает критику со стороны других иранистов /Здельман 1977, 87/. В отличие от своих предшественников, У.Беллард рассматривает глоттализированные смычные, аффрикаты и ффрикативные языка ючи в качестве бифонемных комплексов $/C+?/ = [C^?]$ /Ballard 1975, 164/. А.Соммерфельт, описывая консонантную систему ирландского говора Торра, предлагает рассматривать глухие сонорные $w, ɲ, ɲ, ɲ, l, r$ и их геминированные и палатализованные корреляты в качестве кластеров, содержащих h /Sommerfelt 1962, 342/. Н.Уэбб предпочитает трактовать глоттализированные и аспирированные согласные в ряде языков помо в качестве комплексов "простой согласный плюс $/ʔ/$ или $/h/$ " /Webb 1971, 3, 6 и др./ Исходя из того, что в кашмири в палатализованном c^{hj} смягчаются как смычный, так и модификатор (c^{jhj}), Б.Захарьин выдвигает осторожное предположение, что придыхательные в кашмири, возможно, следует рассматривать в качестве группы $/C+h/$ /Захарьин 1975, 159/. В известной работе "Введение в анализ речи" Р.Якобсон, Г.Фант и М.Халле пишут, что "экзотические согласные с двойной смычкой, широко распространенные в языках Южной Африки, являются в сущности особым видом сочетания согласных. Они представляют собой крайний случай сближения артикуляций..." /Якобсон, Фант, Халле 1962, 183/. В своей обстоятельной монографии, посвященной назализованным фонемам, Р.Херберт указывает на глубинную кластерную природу преназализованных согласных, являющихся результатом процесса "унификации", когда два компонента "унифицированы", объединены или же слиты в единую комплексную единицу /Herbert 1986, 143 и др./ Глоттализированные согласные новогвинейского языка усаруфа рассматриваются в литературе либо как монофонемы, либо как бифонемные кластеры $/ʔ+C/$ /Там же, 59/. Различным образом трактуют исследователи преаспирированные согласные в северогерманских и финском (а также саамском) языках. Так, для финского предлагается рассматривать их в качестве кластеров $/h+C/$, в других же языках, например, в исландском, такие согласные интерпретируются в качестве монофонем. Сходная ситуация характерна для трактовки преаспирированных согласных ирландских диалектов: в одних диалектах они считаются комплексами фонем, в то время как в других рассматриваются как фонетически комплексные реализации монофонем /Там же, 55/.

Касаясь вопроса о кластерной трактовке тех или иных звукотипов,

В.Б.Касевич отмечает: "Необходимо упомянуть те концепции, авторы которых считают возможным говорить не о двух – фонема/фонемосочетание (кластер), а по крайней мере о трех возможностях: фонема/связанный кластер/свободный кластер. Так, Ч.Хокетт высказывает предположение о том, что английские аффрикаты являются "тесными, или слитными фонемосочетаниями" (close or intimate clusters). Дж.Малдер называет их "полукластерами". Э.Василиу утверждает, что "вопрос "фонема или кластер" допускает факультативное решение, а не обязательное", т.е. очевидно, признает объективную неопределенность данного соотношения. В работе В.Мерлингена обсуждается вопрос о "степенях монофонематичности" (Grade der Einphonemigkeit). Наконец, хорошо известна аналогия, которую предлагал Е.Курилович: в фонологии, по Куриловичу, можно обнаружить аналоги простых слов, сложных слов и словосочетаний – наряду с фонемами и кластерами выделимы промежуточные единицы" /Касевич 1983, 31/. Таким образом, можно утверждать, что целый ряд лингвистов признает, с одной стороны, возможность неоднозначной трактовки тех или иных фонем с точки зрения их моно- или бифонематичности и, с другой, допускает вероятность существования в фонологической системе не только монофонем и свободных фонемосочетаний, но и третьей фонологической реальности – связанных, или слитных кластеров. К связанному необходимо добавить важное, на наш взгляд, обстоятельство – отношение между указанными тремя единицами имеет, вероятнее всего, не горизонтальный, линейный характер, а вертикальный, иерархический: на поверхностном фонемном уровне располагаются монофонемы и нежестко ассоциированные бифонемные сочетания, тогда как на глубинном фонемном уровне расположены простые монофонемы и глубинные (жестко ассоциированные) кластеры, выступающие на поверхностном уровне в качестве комплексных монофонем.

При допущении реальности глубинных кластеров необходимо иметь в виду генетический аспект функционирования фонологической системы языка человека, который учитывает ее онтогенетически обусловленную стратифицированность на более старые и более молодые слои или подсистемы фонем. Такой взгляд на фонемную систему языка был высказан еще в 30-х годах Р.Якобсоном. Как писал Якобсон, "Любая фонологическая система является стратифицированной структурой, образуя наложенные друг на друга пласты. Иерархия этих пластов является почти универсальной и постоянной. Она проявляется как в синхронии, так и в диахронии. Это значит, что здесь мы имеем дело с панхроническим порядком. Когда между двумя фонологическими значимостями имеет место отношение необратимой взаимосвязи, то вторичная значимость не может появиться раньше значимости первичной, а первичная значимость не может быть устранена раньше значимости вторичной. Такой порядок обнаруживается в фонологической системе в ее

бытии, управляя в ней всеми мутациями. Но тот же самый порядок, как мы видели, определяет и процесс овладения языком, т.е. систему в ее становлении, добавим к этому, что он действует и при расстройствах речи, т.е. в системе при ее распаде" /Якобсон 1986, 109/1). Исходя из признания выявленной Р.Якобсоном стратификации значимостей, попытаемся показать, что определенная часть "вторичных значимостей", а именно, комплексные согласные, в онтологии являются более молодыми, по сравнению с простыми согласными, образованиями и представляют собой результат своеобразного "синтеза", скрещения тех или иных первичных значимостей на раннем этапе усвоения языка. Сложная, кластерная природа подобных звукотипов проявляется в особенностях их функционирования как в синхронии, так и в диахронии.

Хотя в предыдущих разделах мы рассматривали лишь некоторые из комплексных согласных, ниже будут анализироваться также аффрикаты и геминаты.

2.6.1. В глубинном кластере $\{CC_I\} = /C^{G1}/$ одна из фонем является базовой (модификант), а другая – сокращенной артикуляционно и хронологически, так что длительность комплексной фонемы обычно не превышает длительности простой фонемы (заметим, что то же соотношение может наблюдаться и при сравнении, например, в абхазском, комплексной фонемы $/g^w/$ и сочетания $/gw/ = [g^w]$). Комплексная фонема может состоять не только из двух исходных глубинных фонем, но из трех и даже более. При этом и здесь также устанавливаются законы "необратимого соотношения": наличие, к примеру, такой комплексной фонемы, как $/k^{?w}/$, предполагает в норме наличие в данной системе как $/k^{?}/$, так и $/w/$. Однако сама фонема $/k^{?}/$ является комплексной. Значит, возможно выделить комплексные фонемы первой и второй степени, причем к первой степени следует отнести более простые по составу

1) Применительно к диахронии сходные мысли о хронологической иерархии различных слоев языка развивал в работе 1871 г. И.А.Бодуэн де Куртенэ: "Данный язык не родился внезапно, а происходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения..." /Бодуэн де Куртенэ 1963, 67/.

ву исходных элементов звукотипы.

В качестве модификаторов комплексных фонем выступают, как правило, такие звукотипы, которые нередко функционируют как "служебные фонемы" (служащие для зашумления гласного анлаута, устранения зияния, сигнализирующие о границе слога или слова и т.д.). В подобной роли могут выступать также периферийные звукотипы, стоящие на грани сегментных и суперсегментных единиц, либо согласные, сочетающие функции как согласных, так и гласных. Все это в той или иной степени присуще рассмотренным выше звукотипам — ларингальным h , $ʔ$, сонорным m, n, w, j . Эти согласные, как правило, редко являются базовыми в комплексной фонеме, они обладают незначительными парадигматическими возможностями. В то же время очень часто они выступают в роли модификаторов, что обусловлено их указанными выше чертами.

2.6.2. Говоря о структуре глубинного кластера $/C^{c1}/$, необходимо учитывать возможность различной степени ассоциации исходных фонем в комплексе. Здесь можно выделить, по-видимому, три степени ассоциации, или кластеризации: жесткую, нежесткую и свободную. Жесткая степень означает максимальное сцепление исходных фонем, что выражается в приобретении ими единых ларингальных признаков, единой в целом артикуляции, отнесение к одному слогу при слогоделении. На поверхностном фонологическом уровне такое сочетание по большинству параметров ведет себя как монофонема. Это и есть глубинные кластеры, к числу которых относятся комплексные согласные (ср. термин *closeknit clusters* 'тесно сплетенные кластеры' /Orr, Longacre 1968, 529; аналогичным указанному выше процессу ассоциации является, возможно, термин Р.Херберта "процесс унификации" /Herbert 1986, 142/).

Вторая степень ассоциации — не жесткая — характеризует такие сочетания фонем, степень сцепления которых слабее, чем в предыдущем случае, они могут и не обладать единой артикуляцией и общими ларингальными признаками. Статус таких сочетаний неустойчив, они находятся как бы на грани между поверхностными би- и монофонемами, в результате чего могут возникнуть значительные сложности при их лингвистическом анализе и фонемной трактовке — их определяют то как монофонемы, то как бифонемные сочетания (иногда с оговоркой — "особого рода комплексы"). В качестве примеров подобных звукотипов можно привести, например, неясный фонемный статус долгого $/z^j/$ в русском языке, лабализованных спирантов x^w, γ^w в осетинском, аспират в хинди и т.д. Как отмечает Н.С.Трубецкой /1960, 194/, в языках, где геминированные согласные появляются не только на стыке морфем (например, в санскрите), и особенно в языках, где они никогда не встречаются на стыке морфем (например, в японском), геминированные согласные занимают промежуточное положение между фонемой и группой фонем. Другим примером может служить альтернативная

атрибуция глоттализированных согласных в усаруфа (Новая Гвинея) либо в качестве монофоном, либо в качестве кластеров /ʔ + C/ /Herbert 1986, 59/.

Наконец, третья, свободная, степень ассоциации фонем имеет дело с фонотактической синтагматикой. В синхронном кластере /СС/ с помощью общепринятых в науке процедур исходные фонемы легко выделимы, хотя в таком кластере они могут иметь и общие ларингальные признаки и обладать единой артикуляцией. Например, в такелма "финальный глухой смычный + глоттальная смычка" в интервокальной позиции регулярно становятся гомоганными глоттализированными: /VTʔV/ → /VtʔV/. В свою очередь, сочетания "звонкий смычный + аспирата h" resultируют в виде глухих аспирированных, например, /g + h/ → /kʰ/ /Sapir 1969, 33, 43/. В чумаш при редупликации слогов начальный глоттализированный смычный сливается с непосредственно предшествующим ему согласным, в результате чего образуется единый глоттальный сегмент /Applegate 1976, 279/. Сходные процессы преобразования сочетания "согласный + ʔ" в глоттализированный согласный /Cʔ/ наблюдаются в адыгских языках, метрельском, нэ-персе и т.д. В норвежском и шведском языках альвеолярные согласные t d n l трактуются в качестве кластеров "r+ дентальный". На поверхностном фонетическом уровне эти согласные ведут себя как монофонемы, однако при старательном произношении, например, t, может быть реализовано и в виде сочетания rt /Принципы 1976, 287/.

Все приведенные выше типы кластеров отличаются от обычных сочетаний согласных тем, что на поверхностном (фонемном – в первом случае, фонетическом – в остальных) уровне они ведут себя как монофонемы и обладают едиными артикуляционными и ларингальными признаками.

Синхронно выделяются сочетания фонем различной степени ассоциации и различной фонетической реализации. Одной из причин такого различия может являться неодинаковый хронологический возраст одинаковых, на первый взгляд, сочетаний. Так, в индийском языке мунси исследователи разграничивают вторичные инлаутные комплексы структуры "назальный + шумный" от аналогичных первичных: во вторичных комплексах не происходит озвончения шумного, в то время как в первичном шумный озвончается: nəwan'si'n'ə это забыл' (/n's-/ , фонетически: /-nʰs-/), ср. xwansal 'его старший брат' (/ns-/ , фонетически: /-nz/); апостроф в первом случае выделяет вторичный комплекс от первичного /Goddard 1982, 19/.

Возможна и морфологическая подоплека различных типов синхронных сочетаний согласных. Примером в данном случае может служить рассуждение о причинах различных результатов при сочетании /tʰ+sʰ/ в русских словах типа купаться – пяться. В первом случае результатом указанного сочетания является /с/, а во втором – /tʰsʰ/ при

одинаковых условиях. А.А.Реформатский объясняет такое различие морфологическими причинами: в первом случае "налицо стнк инфинитивно-го аффикса т' с начальным с' возвратного аффикса, и это стнк фузионный, а в пяться – стнк конечной согласной корня т' с таким же аффиксом, но это стнк агглютинирующей тенденции" /Реформатский 1970, 483/.

Хотя причины неодинаковой степени ассоциации фонем в комплексе или кластере могут быть различными, само это явление имеет непосредственное отношение к проблеме глубинных кластеров, демонстрируя возможность различной степени интеграции фонем.

2.6.3. Если C^1 , то C , C_I . Одним из аргументов в пользу интерпретации комплексных фонем в качестве глубинных кластеров является жесткая зависимость между компонентами глубинного кластера и наличием в системе тех фонем, аналогами которых они являются. Данное соотношение отличается от закона необратимого соотношения Якобсона или, к примеру, импликации, выводимой Дж.Шерцером ("если X , то Y ") /Sherzer 1976, 256 и далее/ тем, что оно относится не ко всем классам согласных, а лишь к комплексным консонантам. От импликации Шерпера указанное соотношение отличается также тем, что если, согласно этому автору, в формуле $X \rightarrow Y$ (т.е. "если X , то Y "), X является маркированным по отношению к Y , то в нашем соотношении "если C^1 , то C , C_I " C^1 (т.е. X) нередко является менее маркированным, чем один из его ингредиентов (как правило, C_I). Так, C^1 менее маркирован, чем γ , C^h менее маркирован, чем h и т.д.

Наблюдающаяся в большинстве языков жесткая взаимозависимость между наличием комплексной фонемы C^1 и отдельных фонем C , C_I объясняется скорее всего тем, что если признать фонему $/C^1/$ глубинным кластером $\{CC_I\}$, то прямая зависимость ее от наличия в системе простых фонем C , C_I очевидна – в противном случае глубинный кластер лишится поддержки в системе. С другой стороны, элиминация по тем или иным причинам из системы простых фонем C , либо C_I влечет за собой, как правило, разрушение комплексной фонемы C^1 . Таким образом, устойчивость комплексной фонемы зависит от наличия в системе ее свободных, несвязанных ингредиентов.

Для демонстрации жесткой (хотя не всегда наличной) связи между C^1 и C , C_I полезно привести статистические данные. С этой точки зрения было проанализировано 120 фонемных систем самых различных языков мира. В качестве комплексных согласных учитывались аффрикаты, лабиализованные, палатализованные, аспирированные, глоттализованные, назализованные согласные. Подсчет выявил следующую картину: 83 фонемные системы полностью выдерживали зависимость "если C^1 , то C , C_I ". Анализ тех фонемных систем, в которых этот принцип в том или ином ряду согласных нарушался, позволяет заключить, что нередко вывод о наличии нарушения является лишь результатом внешнего впечатле-

ния. Рассмотрим для примера несколько подобных случаев. Кстати, следует отметить, что и в тех системах, где нарушение указанного принципа налицо, оно затрагивает лишь один или два комплексных согласных, не охватывая всю систему, в других секторах которой этот принцип выдерживается.

Так, в мистепекском диалекте мистекского языка (Мексика) /Pike, Ibach 1978/ 3 комплексные фонемы обнаруживают точное соответствие монофонам:

$$\begin{array}{ccc} /s/ & /ʃ/ & /w/ \\ \uparrow & \uparrow & \uparrow \\ /t/ = \{ts\} & /tʃ/ = \{tʃs\} & /k^w/ = \{kw\} \\ \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ /t/ & /t/ & /k/ \end{array}$$

Остальные комплексные согласные – назализованные $/^{n}b/$, $/^{n}d/$, $/^{n}z/$, $/^{n}ʒ/$, $/^{n}g/$, $/^{n}g^w/$ – не имеют простых коррелятов $/b, d, z, g, g^w/$, однако полная симметрия звонких преназализованных имеющихся в системе глухим $/p, t, \phi, \check{c}, k, k^w/$ позволяет интерпретировать эти кластеры в следующем виде: $/^{n}b/ = \{mp\}$, $/^{n}d/ = \{nt\}$, $/^{n}z/ = \{nts\}$, $/^{n}ʒ/ = \{n^t\check{s}\}$, $/^{n}g/ = \{nk\}$, $/^{n}g^w/ = \{nkw\}$, т.е. в качестве глубинных кластеров структуры "назальный + глухой смычный, либо аффриката". Аналогична ситуация в хопи, где имеются глухие веларные и соответствующие им звонкие преназализованные /Malotki 1983, 8/.

В ряде языков (особенно индейцев Южной Америки) часто имеем ситуацию, когда в системе имеется аффриката \check{c} , а также t и s , но отсутствует \check{s} . Конкретная картина реализации такого \check{c} показывает его фонетическую неустойчивость. Так, в диалекте Куско языка кечуа имеются лишь $/\check{c}, \check{c}^h, \check{c}^?/$, не подкрепленные коррелятом $/\check{s}/$ (из общего числа 12 комплексных согласных), однако $/\check{c}/$ здесь фонетически неустойчив, реализуясь в слабых позициях в виде $/\check{s}/$ /Царенко 1974, 91 и сл./ . Из пяти комплексных согласных в итонама /Liccardi, Grimes 1968, 40/ аффрикаты $/\check{c}, \check{c}^?/$, не имеющие шипящего спирантного коррелята $/\check{s}/$ (есть только s) фонетически флуктуируют между $[ts] \sim [t\check{s}]$ и $[ts^?] \sim [t\check{s}^?]$. В шусвап отмечается фонетическое варьирование дентально-палатальных от $[c, c^?, s]$ до $[\check{c}, \check{c}^?, \check{s}]$ при предпочтении последней разновидности /Kuipers 1974, 24/.

Таким образом, если принять во внимание, что из 120 обследованных фонемных систем лишь в 37 частично (в отдельных рядах) наблюдается нарушение принципа "если C^{C1} , то C, C_1 ", а кроме того то обстоятельство, что отсутствие коррелирующей фонемы в значительном числе случаев компенсируется наличием соответствующих аллофонов, на субфонемном уровне служащих поддержкой комплексным фонемам (например, для $/z/ = \{dz\}$ имеется коррелирующая фонема d , но нет z , однако есть субфонема $[z]$ в качестве аллофона $/s/$), то статистическая вероятность нарушения принципа коррелятивной зависимости комплексных согласных от соответствующих им простых фонем существенно уменьшается. Однако даже в том случае, если нет очевидных корреля-

тов комплексному согласному ни на фонемном, ни на субфонемном уровне, мы все же склонны трактовать эти комплексные фонемы в качестве глубинных кластеров, тем самым допуская возможность наличия тех или иных простых фонем лишь в связанном виде (см. также ниже).

Обратным следствием указанного выше принципа является производная зависимость "если C , либо $C_I \rightarrow \emptyset$, то $C^{C_1} \rightarrow C$, либо C_I ". Примеры этому многочисленны. Так, в истории кабардинского языка переход шипящих спирантов в свистяще-шипящие повлек за собой разрушение шипящих аффрикат. В читтагонгском диалекте бенгали произошла утрата как $/h/$, так и всех придыхательных /Теорет. осн., 126/.

2.6.4. Флуктуация элементов комплексной фонемы. Один из аргументов в пользу глубинной кластерной трактовки комплексных согласных состоит в том, что связь модификатора (выступающего в роли конкретной реализации фонемы $/C_I/$ глубинного кластера $\{C^{C_1}\}$) с базовым согласным иногда может в той или иной степени ослабевать. Это свидетельствует об известной автономности элементов глубинного кластера. Следствием ослабления связи модификанта и модификатора не обязательно является разрушение комплекса. Благодаря такому ослаблению модификатор может приобретать известную подвижность, перемещаясь как бы на шарнирах в зависимости от конкретных фонетических условий либо в пре-, либо в постпозицию, может увеличивать свою длительность, становясь (фонетически) равным отдельной фонеме, может в данном слове перемещаться достаточно свободно, прикрепляясь к другим сегментам (здесь напрашивается аналогия с единицами суперсегментного уровня). Таким образом, комплексная фонема $/C^{C_1}/$ может в известных случаях реализовываться в виде $[CC_I]$, $[^{C_1}C]$, $[C_I C]$ и т.п. Еще более красноречивы случаи, когда элементы глубинного кластера $\{C\}$ и $\{C_I\}$ при слогоделении распределяются по разным слогам. Ситуация, при которой модификатор приобретает такую шарнирную подвижность, может характеризовать, в частности, как раннюю стадию ассоциации двух исходных монофонов в глубинный кластер, когда процесс поверхностной фонемизации еще не полностью завершен, либо сигнализировать, наоборот, о начале процесса диссоциации глубинного кластера и, следовательно, о начале разрушения комплексной фонемы. В обоих случаях мы имеем дело с пограничной ситуацией. Рассмотрим конкретные примеры, имеющие отношение к данному аспекту функционирования комплексных согласных.

2.6.4.1. Флуктуация $[C^{C_1}] \sim [^{C_1}C]$. В агнобском языке и в курдском говоре Туркмении x^w — единственная лабиализованная согласная. "Ее фонетический облик ... носит сложный характер: артикуляция представляющих ее звукотипов осуществляется в виде далеко отстоящих и не гомоганных фокусов — увулярном и лабиальном, "работающих" далеко не всегда синхронно. Губная артикуляция может начинаться прежде увулярной и продолжаться более длительный отрезок времени, причем u —

образные или w-образные сегменты бывают слышны до и после основной артикуляции: она может и просто опережать основную артикуляцию или отставать от нее..." /Эдельман 1977, 81-82/.

2.6.4.2. /C^{q1}/ = [C], или [C_T]. Следующие примеры показывают, что в ряде языков в определенных условиях комплексная фонема /C^{q1}/ может реализовываться то в виде сегмента [C], то [C_T], тогда как другой элемент комплекса - нейтрализован. В апинайе аффриката /č/ = {tš} перед другими согласными реализуется в виде [č] ~ [ʧ], в других позициях - в виде [č] ~ [ʃ] : звонкие аллофоны появляются перед гласными и звонкими согласными /Burgess, Nam 1968, 10/. В кашмири наблюдается чередование k^h ~ h в формах глаголов при прибавлении энклитических суффиксов /Захарьин 1975, 159/. В бауре (Боливия) в том случае, если происходит полная редукция гласного в инлауте после аффрикаты, то последняя может заменяться соответствующим спирантом: mišokiři /mišokiři ~ miškiři/ 'крошечный' /Baptista, Wallin 1968, 9/. В русском литературном языке в ряде слов (типа ячница, булочная, конечно и др.) сочетание /-чн-/ реализуется в виде [-шн-]. Последовательная запись такой ситуации в глубинной, фонемной и фонетической транскрипциях будет такова: {tš} = /č/ = [ʃ]. В диалекте Куско языка кечуа аффриката /č/ в слабой позиции реализуется как [ʃ], а /q/ - в виде [x] /Царенко 1974, 90-91/. В такелма (штат Орегон, США) глоттализированный /tʔ/ в сочетании /tʔx/ реализуется в виде [ʔa] /Sapir 1969, 45/. В абхазской разговорной речи увулярный глоттализированный qʔ в интервокальной позиции нередко редуцируется до простой гортанной смычки ?.

Любопытным примером указанного вида флуктуации элементов комплексной фонемы может служить ситуация, описанная Р.Кэмпбеллом, который исходя из правил реализации огубленных фонем в диалекте хуепан языка нахуатль, показывает, что в этом диалекте имеется глубинная фонема {ɳ^w}, которая на поверхностном уровне в зависимости от фонетических условий реализуется только в виде [v] (в позиции между гласными), либо как [ɳ], или ноль звука (случай полной нейтрализации). Сходным образом здесь ведет себя поверхностная фонема /k^w/, которая в интервокальной позиции может реализовываться в виде [w], а в исходе слова - как [k] /Campbell 1976, 46, 50/.

2.6.4.3. /C^{q1}/ = [CC_T], либо [C_TC]. В этом случае комплексная фонема реализуется в виде последовательности [CC]. Так, в нэ-персэ конечный глоттализированный спирант реализуется в виде последовательности "глоттальная смычка + глухой спирант", а в кламат в позиции после гласной и перед стыком слов глоттализированный /lʔ/ выступает в виде [ʔl¹] /Aoki 1970, 72/. В турецких языках в середине слова /ŋ/ нередко разлагается на последовательность [ngɣ] /Ист. грам. 1984, 339/. В диалекте кюва языка апаче аффрикаты, которые являются монофонемами, в медленно артикулируемой речи часто произ-

носятся как последовательность двух отдельных сегментов /Bittle 1963, 82/. В гуарани фонема /g^w/ перед оральными гласными выступает фонетически в виде [gw] /Rosbottom 1968, 111/. В мовиима имплозивные /b/, /d/, если они встречаются в слоге, который не является начальным в ударной группе, реализуются фонетически в виде последовательностей [ʔb], [ʔd]. Существенно, что когда эти имплозивные выступают в виде [ʔb], [ʔd], то глоттальный элемент в виде гортанной смычки при слогеделении относится к концу предшествующего слога: /oубa/ = [ɔiʔ.ba] 'два яйца'. Аллофонами глоттализированных сонантов /m^ʔ/ и /n^ʔ/ в мовиима выступают, наряду с основными вариантами, также [ʋm], [ʋn] и, соответственно, [ʋm], [ʋn], а также [ʋⁿ], [ʋ^ʔ], [ʋʔ] /Judy, Judy 1962, 19, 30/. Кстати, примеры из мовиима и шусвап (см. ниже) показывают, что, по-видимому, степень ассоциации глубинного кластера с сонантом в качестве базовой фонемы слабее, чем ассоциация с базовым шумным.

2.6.4.4. /C¹/ = [C ... C_T]. В шусвап в определенных условиях (см. ниже) глоттализированный сонант в позиции перед гласным изменяется в последовательность [ʋʔ]. То же происходит при образовании запрещенных фонотактическими правилами последовательностей C¹ʋ, или C¹R /Kuipers 1974, 33, 34/. Второй пример касается глоттализированных гласных. В седанг во многих случаях, когда ларингализованный (глоттализированный) гласный оказывается перед назальным, глоттализация перемещается на место назального, причем последний исчезает: xang → xaʔ 'горький', lam → laʔ 'идти', ren → reiʔ 'кусать' /Smith 1968, 62-63/.

2.6.4.5. /C¹/ = [C ... C₂ʔ]. В данном случае модификатор в конкретных фонетических условиях переходит от базового согласного C_T к другому согласному C₂. Так, в шусвап глоттализированный сонант в составе суффикса передает свою глоттализацию конечному сонанту ударного корня, имеющего в своем составе слог ʋR. Любопытно, что в этих же условиях глоттальная смычка орудийного суффикса -keʔ переходит в виде признака глоттализации к сонанту корня, ср., с одной стороны, xis-keʔ 'серб' (xis- 'срезать') и, с другой (с корнем, оканчивающимся на -R): tew-ke 'что-либо на продажу' (tew- 'покупать') /Kuipers 1974, 30/. Этот и приведенный выше примеры наглядно демонстрируют тесную связь между признаком глоттализации ʔ и глоттальной смычкой ʔ. Здесь в одних случаях глоттализированные сонанты /R^ʔ/ реализуются в виде [R ... ʔ], в других - фонема /ʔ/ выступает в качестве признака глоттализации: /R ... ʔ/ → [R^ʔ].

Второй пример - из лезгинского языка. В лезгинском, как отмечает Б.Б.Талибов, "встречаются слова, в которых элемент лабиальности как бы блуждает - независимо от каких-либо морфологических условий он может отрываться от исконного лабиализованного согласного и переходить на смежный". Примеры: ʃeg^w // ʃ^weg (литер.), ʃaʒ^w // ʃ^waʒ

(ахт.) 'муравей', $sax^w // s^w ax$ 'зуб коренной', $tag^w // t^w ag$ 'супрепка' и т.д. /Талибов 1980, 235/. Схожее явление наблюдается в годоберинском языке: $beuk^w ali < bek^w ali$ 'высушил', $beu^w ali < be^w ali$ 'забыл', $\dot{a}uxi < \dot{a}xvi$ 'вскипел' /Гудава 1967, 309/.

Переход аспирации со срединного согласного на начальный отмечается в парчи, шина, цыганском /Эдельман 1975, 94/.

2.6.5. Диссоциация глубинных кластеров. Диссоциацией кластеров можно назвать процесс исторической дезинтеграции элементов глубинного кластера с преобразованием его в фонемную последовательность $/CC_I/$, причем механизм и условия такой диссоциации в диахронии аналогичны тем, что описаны выше в примерах синхронной флуктуации компонентов глубинного кластера. При этом, в частности, результатом может быть как $*/C^a_1/ \rightarrow /CC_I/$, так и $*/C^a_1/ \rightarrow /C/$ либо $/C_I/$. Рассмотрим эти случаи.

2.6.5.1. $*/C^a_1/ \rightarrow /CC_I/$ либо $/C_I/$. В ряде языков группы помо американская исследовательница Н.Уэбб трактует придыхательные и глоттализированные смычные в качестве последовательностей $/Ch/$ и $/C^h/$, мотивируя это тем, что нигде не наблюдается контраста этих согласных с сочетанием $/C+h/$ или $/C+^h/$. Для праязыкового состояния эти же комплексы она включает в разряд глоттализированных и придыхательных фонем, указывая при этом на то, что в родственных языках помо исследователи включают указанные звукотипы в разряд фонем. Следовательно, в данном случае необходимо признать диссоциацию исходных комплексных фонем на последовательности $/CC/$ /Webb 1971/. В ряде случаев иранский лабиализованный спирант $*x^V$ разлагается на $/CC_I/$, ср. белудж. $gw\ddot{a}r$ 'сестра', где $gw < *x^V$, язг. $x\ddot{e}w\ddot{a}r$ 'солнце', где $x\ddot{e}w < xw < *x^V$. Известен в этих языках и процесс $*/C^a_1/ \rightarrow /C_I/$, ср. язг. $pxas-$ 'спать' $< *x^V arsa-$ /Эдельман 1977, 86/. Аналогичное явление характерно для истории многих дагестанских языков, в частности, лезгинских, где комплексные огубленные фонемы преобразуются в фонемные последовательности $/CP/$ либо $/PC/$, ср. арч. $nabk^h < *nak^w$ 'сон', $narq < *naq^w$ 'слеза', хин. $pxga < *x^w ar$ 'собака', $p\ddot{a}i < *s^w i$ 'лошадь', $p\ddot{a}e < *s^w e$ 'медведь' и т.д. /Талибов 1980, 243, 245/.

В истории индоевропейских языков (группы кентум) лабиализованные велярные согласные распадаются на последовательность "велярный смычный + лабиальная фонема \underline{u} ", или совпадают со смычными лабиального ряда /ИЯИ, 99/.

2.6.5.2. $*/C^a_1/ \rightarrow /C/$ либо $/C_I/$. Примером такому изменению является переход лабиального спиранта $*x^V$ в $/w/$, $/f/$ в ряде иранских языков /Эдельман 1977, 82/. Исходные лабиализованные согласные претерпели аналогичные изменения во многих кавказских языках, ср. переход $гъв$, $хъв$, $хва \rightarrow ф$, $гъв \rightarrow в$ в ряде лезгинских языков /Талибов 1980, 243/, $x^w \rightarrow f$ в адыгейском языке, $\dot{a}^w, \dot{z}^w, \dot{z}^w \rightarrow v$,

c^{hw} , $s^w \rightarrow r$, $s^{?w} \rightarrow r^?$ в кабардинском, а также, с сохранением базисного консонанта, переход $C^w \rightarrow C$ во многих дагестанских языках, в диалектах и говорах абазинского языка и т.д. Сходные процессы диссоциации глубинных кластеров по указанному выше пути отмечены в истории тюркских языков: в нукратском говоре татарского * \check{c} перешел в t^j , в илийско-семиреченских говорах уйгурского языка * \check{c} перешел в d между передними гласными, тюрк. * \check{z} в интервокальной позиции перешло в d^j в якутском, здесь же * c после / n / перешло в s ; ср. также переход в анлауте \check{c} в t в орокском, * $\check{c} \rightarrow d^j$ в тоджинском диалекте тувинского, * $\check{c} \rightarrow t$ (после r) в диалектах туркменского и т.д. /Ист. грам. 1984, 245, 248, 255 и др./. В истории тюркских же языков отмечается процесс перехода заднеязычного / η / \rightarrow / g /, / γ / либо в / m /, / n / /Там же, 340-342/.

Увулярная аффриката / q / = { $k\check{x}$ } перешла в увулярный спирант / χ / в грузинском, мегрельском, лазском, абжуйском диалекте абхазского, а в литературном лезгинском в позиции после префикса x - эта аффриката перешла в / k / /Мейланова 1964, 195/. В древнеиндийском звонкий придыхательный / a^h /, будучи неустойчив в начальной позиции, перешел в / h / . Отмечается и переход начального / a^h / в / a / /ИЛИ, 22/. Во многих индоевропейских языках произошел переход / C^w / \rightarrow / w /, ср. греч. b , p^h , $p < *k^{?w}$, * g^w , * k^w , кельт. $b < i.-e. *k^{?w}$, итальяйск. $v < *g^w$, $p < *q^w$ /Там же, 88, 89/. Аналогичный процесс имел место в диалектах абхазо-адыгских языков, ср. переход a^w , t^{hw} , $t^{?w} > b$, p^h , $p^?$ в говоре убыхского и в уляпском говоре ашхарского диалекта абазинского языков. В других говорах ашхарского эти же согласные перешли в d , t^h , $t^?$, то же осуществилось в речи батумских абхазов, где, помимо этого, имел место и процесс g^w , $k^{?w}$, k^{hw} , $j^w \rightarrow g$, $k^?$, k^h , j .

В северном помо * $c^?$ в конечной позиции перешел в $?$ /Webb 1971, 25/. Переход аффрикат $\check{c}^?$, $\check{c}^{?j}$ в смычку $?$, $^{?j}$ произошел в абадзехском диалекте адыгейского. Переход $q^? \rightarrow ?$ отмечен в говорах кабардино-черкесского, абхазского, в мегрельском языках, $s^? \rightarrow s$ в бесленеевском диалекте кабардинского * $q^{?w} \rightarrow ?^w$ в истории адыгских языков и т.д.

2.6.6. Возвращаясь к разделу 2.6.1., следует напомнить, что когда речь идет о комплексной фонеме / C^C1 /, здесь могут подразумеваться и более сложные структуры, чем CC_1 , например, / z^w / = { dzw }. Как отметил А. Мартине, "Сочетания фонем представляют собой фонологические единицы точно так же как единые фонемы" /Мартине 1960, 86/. Как автономные фонологические единицы, глубинные кластеры подразделяются на более простые и более сложные, между которыми устанавливаются отношения иерархии. Эти отношения позволяют трактовать глубинный сегмент { dz } комплексной фонемы / z^w / в качестве единой целостной единицы (изоморфной простой монофонеме) по отношению к глубинно-

му сегменту $\{w\}$. Отсюда запись $\{dzw\}$ не в виде символа $/C^1C_2/$, а в виде $/C^1/$, где $/C/ = \{dz\}$. Анализ исторических преобразований глубинных кластеров убеждает в правомочности такого иерархического структурирования. Так, выясняется, что в ходе фонетической эволюции более естественным является процесс $\{CC_1C_2\} \rightarrow \{CC_1\}$, чем $\{CC_1C_2\} \rightarrow \{CC_2\}$. Например, более част переход глоттализованной аффрикаты $/c^1/ = \{ts^1\} \rightarrow /c/, /z/,$ либо даже $/ʔ/$, чем в $/s^1/$. Справедливости ради следует заметить, что последние случаи хотя и редки, все же засвидетельствованы, ср. переход праабх.-адг. $*/c^1/$, $*/c^1w/ \rightarrow /s^1/, /s^1w/$ в адгских языках, $*/c^1/ \rightarrow /s^1/$ в чамалинском языке и т.д.

2.6.7. $/C^1/ < */C + C_1/$. Одним из аргументов в пользу глубинной кластерной трактовки комплексных согласных служит их нередкая диахроническая выводимость из комплексов $*C + C_1$. Примеров этому можно привести довольно много. Так, в языке индейцев блэкфут оральные смычные $/p, t, k/$ и назальные $/m, n/$ имеют геминированные корреляты. Г.Томсон, исследуя историю геминированных согласных в этом языке, полагает, что геминаты образовались здесь в результате действовавшего в истории данного языка правила (или правил) синкопы, результатом чего стало образование различных консонантных комплексов. Комплексы, состоящие из гетерогенных смычных, а также из смычного плюс назальный, впоследствии были трансформированы в геминаты (*geminate clusters*) путем полной регрессивной ассимиляции /Thomson 1978, 249/. В ведическом ряд глухих придыхательных является инновацией, "возникшей в результате контракции взрывного с ларингальным в общеарийскую эпоху", в результате чего в индоиранском возникает противопоставление по глухости-звонкости /Ключков 1963, 7/. В славянских языках палатализованные согласные возникли, в частности, из сочетания $C + j$ /Мейе 1951, 33/. Славянские слоговые сонанты ($j, w, ɣ, ɭ, m, n$) исторически можно трактовать в качестве комплекса $/RV/$ /Там же, 155/. Во многих языках велярный назальный $/ŋ/$ возникает из сочетания назального с велярным (или увулярным). Такого происхождения $ŋ$ в тюркских языках, где он восходит к комплексам $ng, nɣ, nk, nq$ /Ист. грам. 1984, 340, 342, 344/. То же справедливо в отношении источника германского $ŋ < *ng$. В работе У.Якобсена на большом количестве примеров доказывается, что аспирированные смычные, а также частично глоттализованные в хоканских языках восходят к кластерам смычных с соответствующими ларингалами: $c^h < *C+h, c^ʔ < C+ʔ$ /Jakobsen 1976, 235-236/. То же предполагается для происхождения ларингализованных ($c^ʔ, c^h$) в кечуа и аймара /Orr, Longacre 1968, 529/. В уэльском языке глухой j возводится к сочетанию $h1$ /Sommerfelt 1962a, 354/. Австронезийское $b^ʔuk$ 'волос' с глоттализированным $b^ʔ$ возводится к форме $*buʔuk$ /Herbert 1986, 121/. Во многих языках мира назализованные согласные исторически восходят к комп-

лексам /N+C/ /Там же, 171/. Много примеров на историческую выводимость глоттализированных сонорных в ряде индейских языков приводит Э.Сэпир. Так, в нутка все подобные согласные в срединной позиции произошли путем абсорбции глоттальной смычки с соседним сонорным: $*? + m \rightarrow m^?$, $*? + n \rightarrow n^?$ и т.д. /Sapir 1938, 259-260/, в вакашском начальные $R^?$ происходят из $*? + R$ /Там же, 263/ и т.д. Приводя эти данные, Сэпир заключает, что новые фонемные категории, такие как назализация, глоттализация, аспирация, огубление, палатализация, ларингализация, эмфатизация, тональные различия могут являться результатом абсорбции либо модификации одних фонем другими /Там же, 268-269/. Аналогичного происхождения, кстати, нередко бывают фонемы, которые обычно не считаются комплексными, ср. происхождение севернокитайских полувзвонких непрдыхательных смычных, появление которых, согласно Е.Д.Поливанову, обязано конвергенции "двух древнекитайских категорий": звонких и глухих непрдыхательных, ср. $p \chi b > \tilde{p}$, $t \chi d > \tilde{t}$ и т.д. /Поливанов 1957, 80/. В чадском эмфатические согласные возникают из сочетания губного и дентального звонкого смычного с ларингальным /Афр. яз., 15/.

2.6.7.1. Приводя конкретный языковой материал, демонстрирующий значительное число случаев выводимости синхронной комплексной фонемы из исторического консонантного комплекса $*CC_1$, нельзя, тем не менее, утверждать, что все подобные фонемы обязательно происходят именно таким путем. Не менее обычным является процесс $C^c1 < *CC_2$, либо $*C_2C_1$. Так, У.Джэкобсен указывает, что глоттализированные согласные типа $b^?$ в яна происходят не из кластеров $b+?$, а скорее из сочетания назальных с $*?$ или из глоттализированных назальных, хотя он отмечает вероятность того, что некоторые из глоттализированных смычных могли происходить из сочетания "смычный+глоттальная смычка" /Jacobsen 1976, 220/. Диахроническому процессу в яна параллельна синхроническая контракция $/m+?/ \rightarrow [p^?]$ в мегрельском. В навахо глоттализированные $n^?$, $m^?$, $j^?$ происходят из слияния $*d+n$, $*d+m$ и $*d+j$ /Sapir 1938, 253/. В хопи преаспирированные согласные происходят не из сочетаний $*/h + C/$, а из сочетаний "конечнослоговый назальный + C" /Manaster-Ramer 1986, 159/. Различного происхождения могут быть и преназализованные согласные /Herbert 1986, 271/. Наконец, одним из основных источников переднеязычных аффрикат являются палатализированные и/или аспирированные смычные (чаще велярные и дентальные).

Отдавая себе в этом отчет, следует отметить, что проблема глубинных кластеров имеет не только диахронический, но и синхронический аспект. Одно дело – происхождение комплексной фонемы из тех или иных источников, а другое – ее синхронное наличие и функционирование, причем эти аспекты являются относительно автономными друг от друга. Для нас важно в данном случае то, что комплексные фонемы C^c1 являются по-верхностными фонемными манифестациями синхронных глубинных клас-

теров, находящихся в состоянии жесткого сцепления и функционирующих в качестве целостной фонологической единицы. Процесс исторической выводимости комплексной фонемы C^C_1 из исторического комплекса $*CC_1$ является лишь одним из аргументов в пользу глубинной кластерной природы указанных согласных.

2.6.8. В одной из своих работ Е.Д.Поливанов отмечал: "не все звуки усваиваются ребенком одновременно: артикуляционно более трудные идут позади" /Поливанов 1957, 82/. В этом состоит последний аргумент, который хочется привести в связи с проблемой глубинных кластеров. Выше мы говорили о "генетическом аспекте" функционирования фонемной системы, согласно которому комплексные согласные в онтологии являются более молодыми образованиями, нежели простые консонанты. Приведенный в первой главе настоящей работы материал свидетельствует, с одной стороны, об упрощении детьми на раннем этапе освоения ими языка как комплексных фонем, так и синхронных комплексов согласных, и с другой — о том же процессе, осуществляемом взрослыми в общении с подобными детьми, интуитивно строящими фонемный инвентарь маленького ребенка: $/C^C_1/ \rightarrow C$ либо C_1 ; $/CC_1/ \rightarrow C$ либо C_1 . Исходя из неравномерного, неодновременного усвоения детьми в процессе овладения языком различных компонентов фонемной структуры, первоначального усвоения ими простых, базовых звукотипов, составляющих центр фонемной системы, можно предположить, что именно в таком порядке осуществляется и "запись" фонетической информации. Вспомним высказывания Л.С.Выготского: "Понимание периода возникновения и становления детской речи позволяет проникнуть так глубоко в ход ее развития, что делается возможным прийти к правильным теориям речевого развития...". "Возникает настоящая речь, и автономная речь исчезает вместе с окончанием критического возраста; хотя особенностью приобретения этих критических возрастов является их переходный характер, но они имеют очень большое генетическое значение: они являются как бы переходным мостом. Без образования автономной речи ребенок никогда не перешел бы от безъязычного к языковому периоду развития. По настоящему приобретения критических возрастов не уничтожаются, а только трансформируются в более сложное образование (разрядка наша, — В.Ч.). Они выполняют определенную генетическую функцию при переходе от одной стадии развития к другой". /Выготский 1984, 338, 339/. Усвоенный в период автономной детской речи базовый фонемный инвентарь, по-видимому, представляет собой тот основной фонд, который "закладывается" в глубинные участки головного мозга, ответственные за язык и затем, в процессе овладения языком, на стратификационно более верхнем уровне на основе базовых фонем происходит закрепление производных от них комплексных коррелятов. Последние, таким образом, хронологически являются сравнительно более "молодыми", чем базовые и именно в этом заключается отмеченный выше "генетический" аспект в

проблеме глубинных кластеров. Каждый элемент комплексной фонемы имеет свой, так сказать, свободный фонемный коррелят в базовом инвентаре либо вообще в инвентаре некомплексных, простых звукотипов (например, в числе ларингалов). За то, что различные компоненты фонологической структуры в "лингвистическом банке данных" головного мозга "записаны" не линейно, а стратифицированно, говорит как порядок приобретения тех или иных фонем детьми, так и прямо обратная последовательность утраты тех или иных фонем при афазии /Якобсон 1986, 109/.

Приведенный в данной главе материал, как представляется, доказывает возможность того, что имеющиеся в языках мира комплексные согласные фонемы (придыхательные, глоттализированные, назализованные, палатализированные, лабиализованные, различные аффрикаты) на глубинном фонологическом уровне являют собой не что иное, как особого рода сочетания фонем, а именно, глубинные кластеры. Хотя предоставленный материал демонстрирует весьма жесткую зависимость между наличием в системе комплексной фонемы C^C_1 , с одной стороны, и поддерживающих ее исходных монофонем C и C_I , с другой, тем не менее, даже в случае отсутствия одного, как правило, либо даже обоих этих компонентов на поверхностном фонемном уровне, последние могут присутствовать на субфонемном, аллофоническом уровне и практически наличествовать в данной фонологической реальности. Но и в случае отсутствия коррелирующих субфонем C и C_I мы склонны полагать глубинный кластерный характер соответствующих комплексных фонем, признавая возможным функционирование в данной системе тех или иных фонем лишь в связанном виде (в составе комплекса). Возможность существования той или иной фонемы лишь в таком связанном виде (т.е. лишь в составе комплекса) является вполне достоверной, ср., к примеру, фонему $/x^w/$ в адыгейском языке, которая имеется только в составе комплекса $\dot{x}x^w$ (в других позициях она перешла в $/f/$). Немаловажным, наконец, представляется учет того обстоятельства, что в онтогенезе комплексные фонемы усваиваются человеком индивидуумом позже базовых монофонем и на ранней стадии научения языку "записываются", закрепляются в соответствующих участках мозга, по-видимому, как сочетания первично усвоенных основных фонем. Более углубленное исследование "генетического" аспекта данной проблемы, возможно, принесет дополнительные подтверждения положению о глубинной кластерной природе комплексных фонем языка.

Глава III

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ПУЛЬСАЦИЯ ФОНЕМНЫХ СИСТЕМ

3.0.0. Циклическая повторяемость языковых изменений

Фонемная система любого языка с точки зрения временной перспективы испытывает постоянные изменения за счет утраты одних ее членов и возникновения новых. Общее число фонем со временем может увеличиваться, вновь уменьшаться, а затем опять увеличиваться. С другой стороны, даже в том случае, если число фонем остается примерно одинаковым, изменениям могут подвергаться частные секторы системы, причем здесь нередки такие явления, как утрата той или иной фонемы, а впоследствии повторное ее возникновение.

Циклично повторяемые качественные и количественные изменения фонемной системы и отдельных ее звеньев во времени можно охарактеризовать как пульсацию фонемной системы. Источниками и причинами такой пульсации являются самые различные факторы (внутренние и внешние) языковых изменений. Диахроническая пульсация фонемных систем выступает как частное проявление циклической повторяемости языковых изменений /Серебренников 1974, 55/, наблюдающейся и на других уровнях языковой структуры в диахронии.

Разнообразные изменения, которые с точки зрения исторической перспективы то и дело "лихорадят" фонемную систему языка, гораздо сильнее затрагивают ее периферию, в значительно меньшей степени воздействуя на центр, который более стабилен и инвариантен. Именно в зоне (б) фонемной системы (см. рис. в разд. 2.0.2.) наиболее активно происходят разнообразные качественные и количественные эволюционные процессы, в том числе и те из них, которые обнаруживают циклическую повторяемость.

3.0.1. Весьма важными представляются следующие идеи Е.Д.Поливанова: "... так как ни один момент языковой истории не выпадает из общей линии безостановочной диалектической эволюции языковых фактов, мы должны встретить в любую эпоху языковой истории, а следовательно, и в современном нам языке ряды неразрешенных диалектических противоречий и уже в силу этого вынуждены рассматривать относящиеся сюда явления не чисто в статическом (описательном) аспекте, но именно как явления текущие и переходные – между некоторой исходной точкой в прошлом и синтетическим разрешением противоречивой характеристики данного явления в будущем" /Поливанов 1933, 17/.

С учетом специфики рассматриваемого вопроса такими точками отсчета или этапами выступают разновременные состояния развития фоно-

логической системы языка, которая разворачивается во времени и пространстве в виде различных ее модификаций на определенном хронологическом срезе в виде, соответственно, древнейшей доступной анализу формы (напр., праязыка), старых и, наконец, современных форм языка (в совокупности фонологических систем его диалектов). Иными словами, факты современных языков и факты старых засвидетельствованных или реконструированных форм этих же языков выступают в линейной цепи как последовательные этапы, стадии развития одного конкретного языка, одной языковой системы. Отсюда следует, по-видимому, и то, что не только фонологические системы диалектов какого-либо языка, даже и различающиеся друг от друга, рассматриваются линейно в диахронии как различные модификации или стадии развертывания некоего единого языка, но и родственные языки могут рассматриваться как различные пути развития одного и того же языка.

3.1.0. Качественные пульсации фонемных систем в диахронии

Выделяются два следующих вида циклично повторяющихся изменений качественного характера, затрагивающих те или иные участки фонемной системы. Имеется в виду, во-первых, утрата, а затем повторное возникновение тех или иных фонем, независимо от того, влияет ли это на количественный состав фонемного инвентаря и, во-вторых, периодически повторяющиеся процессы одного и того же порядка, влияющие на качественные характеристики фонем или фонемных рядов (напр., палатализация, дифтонгизация/монофтонгизация, назализация и т.д.).

3.1.1. Те или иные фонемы в процессе исторического развития языка могут исчезать (в частности, преобразуясь в иные звукотипы), а затем вновь возникать из того же материала (возвращаясь в исходное качество), либо образовываться из другого материала. Примером этому могут служить следующие факты. Прагреческое *ā в результате подъема превратилось в ā̄, которое затем совпало в η с унаследованным ē, но в аттическом греческом в позиции после е, і, r претерпело обратное изменение в ā /Семеренги 1980, 47/.

Индоевропейские краткие *o и *a в прагерманском слились в *a, а длинные *ō и *ā – в *ō. Таким образом, общегерманский язык не имел краткого гласного o и долгого ā. Но в дальнейшем эти же фонемы возникают в германских языках вновь из различных источников /Ильши 1968, 32/.

В итальяйском согласные b, d, g, g^w были слабыми и переходили в спиранты, но затем вновь испытали усиление и дали взрывные /Ключков 1963, 8/. Старые индоевропейские взрывные *d, *g, превращенные в иранском в *δ, *γ, в осетинском вновь преобразуются в *d, *g /Бенвенист 1965, 33/.

В ряде слов в общеславянском ("сатэмном") языке "имела место диссимилиация: смягчение старых начальных средненебных согласных в этих **словах** не достигло произношения s, z; вернувшись к смычному

типу, эти средненебные представлены как *k*, *g*" (Мейе 1951, 24-25).

В славянских языках во многих случаях исчезнувшее интервокальное *j*, как пишет А.Мейе, "возможно, было восстановлено: с.-хорв. *mōja* и т.д. вместо ср.-с.-хорв. *ma* и т.д. - по образцу *mōj*, *mōji* и т.д.; болг. *игра(j)е* - по образцу *бѣ(j)е* и т.д. Интервокальное *j* современных языков вновь оказывается неустойчивым в диалектах Балкан: макед. *неа* (род. пад. ед.ч. жен. рода указательного местоимения) из *neja*, ст.-слав. *неѣа*" /Мейе 1951, 36/.

В испанском языке в глагольных формах часто восстанавливалось ранее утраченное *e*: *dice* < *diz*; *hice* < *hiz*; в меньшей степени такое восстановление происходит в существительных: *poshe* < *posh* и прилагательных: *grande* < *grand* и т.д. /Григорьев 1985, 87/.

С X в. в испанских диалектах наблюдается переход *f* > *ɸ* (через ступени *f^h*, *h*), ср. *fabulare* > *ffablar* > *h'ablar* > *hablar*. Затем появляется новое аспирированное *f* /Там же, 92/. Старое *s* в интервокальном положении озвончается уже в начальном периоде образования испанского романсе и вновь оглушается к началу XVII в. /Там же, 94/.

Вследствие тенденции к сокращению конечных согласных ни одна из старых долгих гласных не сохранила долготы в конечном слоге общеславянского языка. Однако в сербском и чешском конечные гласные могут быть долгими в результате вторичных удлинений или стяжений /Мейе 1951, II8/.

Циклические процессы затрагивают и группы фонем. Так, латинская группа /*nf*/ довольно рано в народной латыни упростилась в *f*, но затем восстановилась: *ifante* > *infante* /Григорьев 1985, 98/.

Общеславянский язык устранил все сочетания "смычный + смычный или *в*" и значительную часть сочетаний "согласный + сонант". Таким образом, вследствие упрощения дифтонгов и редукции большей части сочетаний согласных общеславянский стал языком, в котором преобладали открытые слоги. Однако с падением редуцированных картина резко изменилась. В результате этого большое число сочетаний согласных, ранее исчезнувших, было восстановлено, а язык получил неограниченное количество закрытых слогов /Мейе 1951, I6/.

Идущий из свистяще-шипящей аффрикаты **сʔ* общеадыгский спирант *сʔ* в некоторых говорах кабардинского языка (ряде черкесских, бесленеевских) вновь стал аффрикатой *сʔ*.

Своеобразие "цепочных" циклических изменений отметил Б.А.Серебренников: "... в различных языках можно найти немало таких изменений, которые допускают изменения в обратном порядке: а превращается в о и, наоборот, о в а; е может измениться в і и і в е; д превращается в т и т в д; з становится ж и ж переходит в з; ш может измениться в с и с в ш /Серебренников 1974, 56/.

Цикличность можно усматривать не только в том случае, когда в

результате какого-либо процесса фонема или группа фонем исчезает, а затем образуется повторно. Проявлением цикличности могут считаться и случаи, когда вновь и вновь образуются одни и те же фонемы, которые присоединяются к уже имеющимся "первичным", "вторичным" и т.д. Так, помимо старых долгих гласных в современных славянских языках представлены и долгие, появляющиеся в результате вторичных удлинений (см. выше). К старым свистяще-шипящим сибирянтам кабардинского языка, идущим из праадыгского ($\acute{z}, \acute{s}, \acute{s}^?$), позднее добавились новые аналогичные спиранты, возникшие из старых шипящих спирантов ($*\check{z}, *s > \acute{z}, \acute{s}$) и аффрикат ($*\check{z}^?, *s^?j \rightarrow \acute{s}^?$).

3.1.2. Другим проявлением цикличности является периодическое включение того или иного фонетического явления в процессе истории языка. Примером тому может служить цикличность включения процесса аффрикатизации в адыгских языках. Так, в адыгейском языке общеадыгские веллярные смычные через ступень палатализации превратились в соответствующие аффрикаты:

$$\begin{array}{lcl} *g & & *k^h \\ *g^j & \searrow \nearrow & *k^hj \\ & *g^j > \check{z}^j & *k^hj > \check{c}^hj \\ & & *k^?j & \searrow \nearrow & *k^?j > \check{c}^?j \\ & & *k^?j \end{array}$$

Эти новые аффрикаты совпали с уже имеющимися старыми $\check{z}^j, \check{c}^hj, \check{c}^?j$. Однако соответствие праадыгского $*\check{z}^j$ в слове 'шакал, лиса' абхазским и убыхским параллелям (праадыг. $*ba\check{z}^ja$, праабх. $*baga$, убых. $ba\check{g}^ja-s^w$) указывает на значительно более ранний случай аффрикатизации в общеадыгском.

Другой пример из истории кабардинского языка. Здесь все общеадыгские аффрикаты ($\check{z}, \check{z}^j, \check{c}, \check{c}^h, \check{c}^j, \check{c}^jh, \check{c}^?, \check{c}^?j$) претерпели спирантизацию, дав полумягкие \check{z}, \check{s} и глоттализированный $\acute{s}^?$. Сопоставление общеадыгских лексем, содержащих глоттализированные свистяще-шипящие спиранты $\acute{s}^?, \acute{s}^?w$ с родственным абхазским и убыхским материалом выявило их соответствие абхазо-убыхским свистяще-шипящим глоттализированным аффрикатам:

$$\begin{array}{lll} \text{адыг. } \acute{s}^? & : \text{ абх. } \acute{c}^? & : \text{ убых. } \acute{c}^? \\ \text{адыг. } \acute{s}^?w & : \text{ абх. } \acute{c}^?w & : \text{ убых. } \acute{c}^?w \end{array}$$

Источником адыгских спирантов $\acute{s}^?, \acute{s}^?w$ в этих случаях справедливо считаются аффрикаты, аналогичные абхазским и убыхским /Ломтатидзе 1953/. В этом выводе — иллюстрация того, что указанная ранее спирантизация общеадыгских шипящих аффрикат в кабардинском является вторичной по отношению к более древнему процессу спирантизации праадыгских свистяще-шипящих аффрикат.

Известны две палатализации в славянских языках /Мейе 1951, 72, 76/, многократно повторяющееся явление монофтонгизации в истории индоарийских языков, когда "дифтонги эволюционируют в монофтонги, а группа "гласный + полугласный" или "гласный (а, Ѣ) + гласный i, i, u, ѱ)" эволюционирует в дифтонг, из которого в свою очередь разви-

вается монофтонг" /Шеворошкин 1968, 377-378/ и другие аналогичные процессы циклично повторяющегося включения одного и того же явления на протяжении истории тех или иных языков.

Среди источников указанных разновидностей качественной пульсации можно назвать такое явление, как давление системы ("заполнение пустых клеток"), когда внутриструктурная тенденция приведения к симметрии на всех участках фонемной системы обуславливает возникновение новых фонем, место которых в данной системе структурно мотивировано (задано). При этом может возникать целая цепь последовательных процессов, ряд из которых может повторяться (ср./Шеворошкин 1968, 380/). "Если в результате данной мутации, – пишет в этой связи Р.Якобсон, – устраняется существовавшее до нее нарушение равновесия системы, то функцию этой мутации определить нетрудно. Это восстановление равновесия. Однако, восстанавливая равновесие в одной точке системы, мутация может нарушить его в других точках и тем самым создать необходимость в новых мутациях. Таким образом, часто возникает целая цепь стабилизационных мутаций" /Якобсон 1966, 131/. Тенденция к восстановлению равновесия, к "заполнению пустых клеток" обуславливает возрождение ранее утраченных фонем из другого материала. В этом отношении показательны факты кабардинского языка. В нем все общеадыгские шипящие спиранты, а также глоттализированные аффрикаты слились со свистяще-шипящими спирантами. Образовавшиеся после утраты шипящих спирантов "пустые клетки" в спирантном ряду были заполнены за счет спирантизации шипящих аффрикат. Наконец, образовавшийся пробел в классе аффрикат был, в свою очередь, восполнен путем аффрикатизации велярных смычных (см. выше). Таким образом, в кабардинском языке последовательно утрачивались, а затем вновь возрождались уже из другого материала, спиранты ʃ и ʒ и аффрикаты ʃ^j , ʒ^j , $\text{ʃ}^{?j}$.

3.1.3. Другой разновидностью качественной пульсации является пульсация признаков – перенос определенных различительных признаков с одного ряда (или класса) фонем на другой. Поскольку это означает мультипликацию фонем другого ряда за счет обретения новых признаков, то происходят и количественные изменения за счет уменьшения количества фонем одного, сокращающегося и, соответственно, увеличение инвентаря фонем нового, расширяющегося ряда. Рассмотрим этот вид пульсации подробнее в следующем разделе.

3.2.0. Количественные пульсации фонемных систем в диахронии

Количественной пульсацией фонемных систем во времени можно назвать ее периодические квантитативные колебания то в сторону свертывания, сокращения, то в сторону расширения. Для разных языков амплитуда колебаний может быть различной – от очень небольшой, с относительно стабильным числом фонем в течение весьма продолжительного времени, до существенной порой редукции, или, напротив, мульти-

пликации исходного для данного периода числа фонем. В этом последнем случае изменения охватывают все или почти все звенья фонологической структуры. Исходя из этого, с точки зрения диахронии для той или иной фонемной системы можно выделить три фазы: равновесия, расширения (центробежная) и свертывания (центростремительная). При первой из указанных фаз количественный инвентарь фонем остается стабильным иногда на протяжении многих веков (ср., например, грузинский язык, языки Океании и т.д.). Для других же языков (как правило, со сложной фонологической структурой) хронологическая протяженность этой фазы относительно невелика (ср. западнокавказские языки). Характерно, что стабильность с точки зрения количественной пульсации может существовать на фоне разнообразных и одновременных пульсаций качественного порядка, не приводящих, тем не менее, до поры до времени к заметным количественным изменениям.

При второй фазе фонемная система имеет сильную тенденцию к увеличению числа своих членов за счет тех или иных средств мультипликации (дополнительные ряды, новые ларингальные признаки или тембровые различия), причем такая тенденция стремится максимально охватить все ряды (тенденция к симметрии на всех участках системы).

Наконец, при третьей фазе фонемная система, напротив, сокращается, сжимается за счет утраты тех или иных признаков ряда, ларингальной артикуляции, тембровых различий, что ведет к нарушению равновесия, созданию асимметрии.

Указанные три фазы количественного состояния фонемной системы в совокупности составляют период ее развития, тогда как повторение через определенный промежуток времени противоположной фазы в противовес нынешней составляет цикл, или полную амплитуду пульсации. Значимыми, в принципе, для нас являются вторая и третья фазы (расширения и свертывания), противоположные по направлению. Фаза равновесия релевантна лишь тогда, когда она занимает достаточную хронологическую дистанцию в истории того или иного языка.

Как и в случае с пульсациями качественного порядка, количественные пульсации могут совершаться сепаратно, не затрагивая другие секторы звуковой системы или, напротив, приводить к количественным изменениям в других классах фонем, причем второе происходит гораздо чаще, что естественно.

3.2.1. Такой вид циклических изменений удобно проследить, в частности, на западнокавказском материале.

Современный западнокавказский вокализм представляет, как известно, минимальную систему с двумя (абхазский, абазинский) или тремя (адыгский, убыхский) членами. В то же время консонантизм в этих языках характеризуется максимальной сложностью, достигая апогея в убыхском (80 согласных). На эту особенность абхазо-адыгских языков обратили внимание многие исследователи, некоторые из которых (А.Койперс,

У.Аллен) в связи с этим предприняли попытку обосновать моновокалический характер современных западнокавказских языков и, опираясь на абхазо-адыгский материал, предложить моновокалическую модель реконструкции праиндоевропейского языка. В результате разгорелась жаркая дискуссия сторонников и противников признания моновокалического характера современных западнокавказских языков (см. /Кумахов 1981, 90/). Признание этих языков моновокалическими по существу означало допущение реальности безвокалического языка, что противоречило эмпирической практике и известной универсалии, согласно которой нет языков без противопоставления согласных и гласных; минимальная система гласных должна содержать по крайней мере вертикальную ось (ср. в абх. /а/ - /ə/).

Разительная количественная и качественная диспропорция между классом согласных и гласных в абхазо-адыгских языках тем не менее структурно мотивирована: тембровые признаки дизентности и бемольности приданы не гласным, а согласным, наличие тех же признаков у гласных вело бы к избыточности признаков (см. /Структурные общности 1978, 99/).

Осознание этого обстоятельства привело к логически закономерному выводу - на ранней истории общезападнокавказского языка его фонологическая система претерпела сдвиг, в результате которого тембровые признаки, присущие гласным, были транспонированы на согласные (ср. аналогичный процесс, приведший к возникновению палатализованных согласных в славянских языках) /Дешериев 1963, 179-180; Старостин 1978; Абдоков 1983, 26-29; Рогача 1986/.

Даже если оспаривать наличие тех или иных противопоставлений в системе гласных раннего празападнокавказского языка (напр., фарингализованных, долгих и др.), возможно реконструировать по крайней мере "нормальную" базисную систему из шести гласных (i, e, ə, a, o, u). Западнокавказский праязык накануне распада уже был бивокалическим; в этом отношении абхазско-абазинская система сохраняет архаичное состояние. Адыгские языки (а также убыхский) увеличили систему до трех членов (a, ā, ə), что представляется инновацией этих языков (см. /Кумахов 1981, 46-47/).

Общая схема развития, таким образом, такова:

<u>Раннеабхазо-адыгский</u>	<u>Позднеабхазо-</u>	<u>Абхазо-абазинский</u>
<u>праязык</u>	<u>адыгский праязык</u>	

*i, *e, *ə, *a, *o, *u > *a, *ə

а, ə

Адыгские, убыхский

а, ā, ə

Есть, тем не менее, все основания полагать, что на данном этапе фонемная система абхазо-адыгских языков переживает явную тенденцию к разворачиванию своего вокализма. Гласные звуки i, o, u, e, яв-

ляющиеся позиционными аллофонами фонем а, ā, ə или же представляющие из себя бифонемные сочетания (/aw/ = [ow], /aj/ = [ej], /ej/ = [i], /je/ = [i]), имеют сильную тенденцию к фонемизации. Эту тенденцию усиливают как наличие большого числа поздних заимствований из языков с нормально развитым вокализмом (тюркских, картвельских, русского), так и практически полный национально-русский билингвизм. Все это укрепляет позицию этих аллофонов и может в дальнейшем привести, по-видимому, к их фонологизации (кстати, в ряде грамматик абхазо-адыгских языков гласные і, е, о, у уже рассматриваются в качестве самостоятельных фонем), что будет означать возвращение к исходному количеству инвентаря гласных: а, о, е, у, і, ə > а, ə > а, (ā), о, е, у, і, ə. Однако процесс этот еще не завершен, и говорить о безусловной фонемной релевантности этих гласных еще рано.

3.2.2. Исходная, более простая система согласных раннего праабхазо-адыгского языка, как было сказано выше, пережила фазу расширения, в процессе которой согласным были переданы соответствующие тембровые признаки гласных, явившиеся модификаторами для создания новых фонем (лабиализованных, палатализованных). Однако впоследствии консонантные системы западнокавказских языков стали, наоборот, упрощаться. Во всех языках (за исключением убыхского) исчезли латеральные аффрикаты. В адыгских языках были элиминированы шипящие огубленные спиранты, простые веларные смычные (g, k^h, k^ʔ), в большинстве диалектов затем исчезли мягкие заднеязычные (g^j, k^hj, k^ʔj непридыхательные (или сильные) k̄, t̄, p̄, ɸ̄, ɸ̄^w, ɕ̄, ɕ̄^j, ɕ̄^ʔ, ɕ̄^j). Далее, кабардинский язык элиминировал все огубленные переднеязычные сибиллянты и первичные шипящие сибиллянты (ʒ̄, ʒ̄^j, ʒ̄, ʒ̄^j, ʒ̄^ʔj, ʒ̄, ʒ̄^j, ʒ̄, ʒ̄^j). Ряд кабардинских говоров утратил свистяще-шипящие спиранты.

Упрощению подверглись и абхазско-абазинские диалекты. Абжуйский диалект абхазского утратил все простые свистяще-шипящие сибиллянты, а также огубленные ʒ̄^w, ʒ̄^w и фарингальные ɕ̄, ɕ̄^w. Говоры тапантаского диалекта абазинского, в свою очередь, до минимума упростили систему переднеязычных огубленных:

$$\begin{array}{ll} \dot{z}^w, \dot{z}^w \rightarrow \dot{z} & d^w, \dot{z}^w \rightarrow \dot{z} \\ \dot{s}^w, \dot{s}^w \rightarrow \dot{s} & t^w, \dot{c}^w \rightarrow \dot{c} \\ & t^{?w}, \dot{c}^{?w} \rightarrow \dot{c}^{?} \end{array}$$

Ранее абазинские диалекты утратили, подобно абжуйскому диалекту абхазского языка, все простые свистяще-шипящие сибиллянты, но ряд говоров, элиминировав огубленность переднеязычных смычных и аффрикат, восстановил систему свистяще-шипящих. Наконец, еще на праабхазском уровне были утрачены шумные латералы.

3.2.3. Весь приведенный материал показывает, с одной стороны, параллельное действие в современных абхазо-адыгских языках фазы расширения в отношении системы гласных и, с другой стороны, — фазы свертывания в отношении системы согласных. Неизвестно, можно ли предполагать взаи-

мозависимость этих процессов в данном случае. В принципе, как два автономных класса фонем, системы согласных и гласных могут пульсировать относительно независимо друг от друга, не влияя, в сущности, друг на друга. Ср. в этой связи количественную пульсацию вокализма английского языка, осуществлявшуюся сравнительно независимо от изменений в системе консонантизма.

<u>Др.англ.</u>	<u>Ср.англ.</u>	<u>Нов.англ.</u>
а æ е і о у ǣ	а æ е і о у	і е æ ā ɔ о u ʌ ɐ
ǣ æ ē ī ō ū ȳ	ī ū	ī ɜ ū ɔ

(по: Плоткин 1982, 29, 41/).

Этот материал можно сравнить с более древними этапами для указанного языка – общегерманским и индоевропейским:

<u>И.-е</u>	<u>Общ.-герм.</u>
і у ī ū і у ī ū	
е о ē ǫ	е ē ǫ
а ā	а

Если сопоставить линию развития английского вокализма от стадии языка индоевропейского до стадии новоанглийского (о правомерности такого линейно-диахронического анализа см. выше, в разделе 3.0.1.), то эта вокалическая система от начальной точки (индоевропейский язык) до конечной (новоанглийский язык) прошла несколько последовательных фаз сокращения и расширения (т.е. несколько циклов): 10 фонем (и.-е.) → 8 (общ.-герм.) → 15 (др.-англ.) → 9 (ср.-англ.) → 13 (нов.-англ.).

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что соотношение центра фонемной системы и ее периферии (ближней и дальней) имеет не только качественный (в центре – лишь базовые, основные фонемы, на периферии – комплексные и другие сложные фонемы), но и количественный аспект: фонемная система, проходя центробежную фазу, расширяется – за счет возникновения новых рядов или корреляций, либо, проходя центростремительную фазу, уменьшает количество периферийных фонем: она как бы пульсирует во времени. Так как центробежный и центростремительный периоды последовательно чередуются, циклически повторяясь, то можно, по-видимому, говорить о непрерывной пульсации (качественной и/или количественной) фонемных систем в диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

- А б д о к о в а А . И . О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. Нальчик, 1988.
- А л е к с е е в М . Е . Палатализация согласных в рутульском языке (по данным говора сел. Хнх) // Фонетические особенности дагестанских языков. Махачкала, 1981.
- А н д р о н о в М . С . Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.
- А с и н о в с к и й А . С . Консонантизм чукотского языка (на основе экспериментально-фонетических данных). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Л., 1983.
- А х в л е д и а н и Г . С . Основы общей фонетики. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
- Б г а ж н о к о в Б . Х . Автономная детская речь в адыгских языках // Вопросы грамматики и лексикологии кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1984.
- Б е н в е н и с т Э . Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
- Б о д у э н д е К у р т е н э И . А . Некоторые общие замечания о языковедении и языке // И.А.Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т.1.
- В а х е к И . Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964.
- В е р н е р Г . К . К фонологической интерпретации ларингального смычного в кетском языке // ВЯ. 1969, №1.
- В ы г о т с к и й Л . С . Детская психология // Л.С.Выготский. Собр. соч. М., 1984. Т.4.
- Г а з о в - Г и н з б е р г А . М . Символизм прасемитской флексии. М., 1974.
- Г р и г о р ь е в В . П . История испанского языка. М., 1985.
- Г у д а в а Т . Е . Годоберинский язык // ЯН IV.
- Д е ш е р и е в Ю . Д . Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
- Ж а н и я Н . А . Дистрибуция согласных в корневых морфемах семитских языков Эфиопии. Тбилиси. 1985.
- З а х а р ь и н Б . А . Фонемы кашмири (поиски решения) // Очерки 1975.
- З и н д е р Л . Р . Общая фонетика. Л., 1979.
- З о г р а ф Г . А . Новые индоарийские языки // Языки Азии и Африки. М., 1976. Т.1.
- И в а н о в В я ч . В с . Семантическая категория малости-величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира // Проблемы африканского языкознания. М., 1972.
- И в а н о в В я ч . В с . К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонами // Очерки 1975.
- И л ь и ш Б . А . История английского языка. М., 1968.
- И с а е в Н . Г . Фонетика рутульского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- К а с е в и ч В . Б . Фонологические проблемы общего и восточно-языкознания. М., 1983.
- К и п ш и д з е Ш . Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914.

- К л и м о в Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- К л ы ч к о в Г. С. Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка // ВЯ. 1963. №5.
- К о д з а с о в С. В. Две заметки о звуковом символизме // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
- К о н а т е А. Сопоставительный анализ диалектов беледугу и бамако языка бамана: (Фонетика, грамматика). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- К у м а х о в М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М., 1981.
- Л о м т а т и д з е К. В. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках // Труды Института языкознания АН СССР: (Доклады и сообщения). М., 1953. Т.4.
- Л о м т а т и д з е К. В. К истории свистяще-шипящих согласных в проточеркесском // Сообщ. АН Груз. ССР. Тбилиси, 1967. Т.16, №2.
- Л о м т а т и д з е К. В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- М а р т и н е А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- М е й е А. Общеславянский язык. М., 1951.
- М е й л а н о в а У. А. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964.
- М е л и к и ш в и л и И. Г. Отношение маркированности в фонологии. Тбилиси. 1976 (на груз. яз. с русс. резюме).
- М е л и к и ш в и л и И. Г. К фонетической характеристике языков кавказского ареала, древнеармянского, общекартвельского и общеиндоевропейского // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983.
- Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- П а н о в М. В. Русский язык // ЯН I.
- П а н ф и л о в В. З. Грамматика нивхского языка. М.; Л., 1962. Ч. I.
- П л о т к и н В. Я. Эволюция фонологических систем. На материале германских языков. М., 1982.
- П о л и в а н о в Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.
- П о л и в а н о в Е. Д. Фонетические конвергенции // ВЯ. 1957. №3.
- Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Р е ф о р м а т с к и й А. А. Фонологические заметки // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Р о г а в а Г. В. Взаимоотношения между сложной системой консонантизма и простой системой вокализма в абхазско-адыгских языках // XI региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. Нальчик, 1986.
- Р о з е н ф е л д А. З. Дарвазские говоры таджикского языка // Труды Инст. языкознания АН СССР. М., 1956. Т. VI.
- С е м е р е н з и О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

- Скорик П. Я. Керекский язык // ЯН У.
- Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М., 1976.
- Смирницкий А. Н. Сравнительная фонетика новогерманских языков. М., 1962.
- Старостин С. А. Реконструкция праабхазо-адыгской системы согласных // Конференция "Проблемы реконструкции". Тезисы докладов. М., 1978.
- Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
- Структурные общности кавказских языков. М., 1978.
- Талибов Б. Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
- Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М., 1959.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
- Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- Ферр Б. Б. Акустические характеристики гласных кетского языка по пневмоосциллограммам (пакулихинский говор). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- Фергусон Ч. Допущения относительно носовых: К вопросу о фонологических универсалиях // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. V.
- Фергусон Ч. Автономная детская речь в шести языках // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. VII.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
- Цагарели А. Мингрельские этюды. Опыт фонетики мингрельского языка. СПб., 1880. Вып. II.
- Царенко Е. И. О ларингализации в языке кечуа // ВЯ. 1972. № I.
- Царенко Е. И. К вопросу о фонологической системе кечуа // ВЯ. 1974. № 4.
- Чикобава А. С. Грузинский язык // ЯН IV.
- Чирикба В. А. Система свистяще-шипящих согласных в абхазо-адыгских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Шахнарович А. М. К проблеме психоллингвистического анализа детской речи. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Шеврошкин В. В. О циклических процессах в индоарийских языках // Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968.
- Широков О. С. История греческого языка. М., 1983.
- Эдельман Д. И. К географическому распределению дифференциальных элементов фонем (на материале индоиранских языков) // Очерки 1975.
- Эдельман Д. И. К фонемному составу общеиранского (О фонологическом статусе *x^v) // ВЯ. 1977. № 4.
- Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- Якобсон Р. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонетике // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1986.

- Якобсон Р., Фант Г., Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты//Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II.
- Anderson S. R. On nasalization in Sundanese//Linguistic Inquiry. 1972. Vol. 3. N3.
- Aoki H. A note on glottalized consonants//Phonetica. International Journal of Phonetics. 1970. Vol. 21. N2.
- Applegate R. B. Reduplication in Chumash//Hokan Studies 1976.
- Austerlitz R. Gilyak nursery words//Word. 1956. Vol. 12, №2.
- Ballard W. L. Aspects of Yuchi morphonology//Studies in South eastern Indian Languages. The University of Georgia Press. Athens. 1975.
- Baptista P., Wallin R. Baure vowel elision//Linguistics. An International Review. Mouton. 1968. Vol. 38.
- Bareiro Saguier R., Dessaint M. Esbozo del sistema lingüístico del Guaraní Paraguayo//America Latina en sus lenguas indígenas. Coordinación, presentación y documentación Bernard Pottier. Unesco. Monte Avila Editores, 1983.
- Beeler M. S. Sibilant harmony in Chumash//IJAL. 1970. Vol. 36, №1.
- Beeler M. S. Barbareño Chumash Grammar: A Farrago//Hokan Studies 1976.
- Bhat D. N. Shankara. Lexical suppletion in baby talk//Anthropological Linguistics. 1967. Vol. 9, №5.
- Bhattacharya S. Glottal stop and checked consonants in Bonda//Indo-Iranian Journal. 1965. Vol. IV, №1.
- Bittle W. E. Kiowa-Apache//Studies in the Athapaskan languages. Harry Hoijer and others. University of California Publications in linguistics. University of California Press. Berkeley and Los Angeles. 1963. Vol. 29.
- Bligh R. S., Pike E. V. The phonology of Tenango Otomi//IJAL. 1976. Vol. 42, №1.
- Brackel A. Phonological markedness and distinctive features. Bloomington: Indiana University Press, 1983.
- Bunzel R. Zuni//Handbook III. 1933-1938.
- Burgess E., Ham P. Multilevel conditioning of phoneme variants in Apinaye//Linguistics. An International Review. Mouton. July 1968. Vol. 41.
- Bynon J. The derivational processes relating Berber nursery words to their counterparts in normal inter-adult speech//Talking to children 1977.
- Campbell R. J. Underlying /ŋ^w/ in Hueyapan Nahuatl//IJAL, 1976. Vol. 42, №1.
- Cappell A. A survey of New Guinea languages. Sydney University Press. 1969.
- Cassar-Pullicino J. Nursery vocabulary of the Maltese Archipelago//Orbis, 1957. Vol. 6.
- Catford J. C. Labialization in Caucasian languages with special reference to Abkhaz//Proceedings of the seventh International Congress of Phonetic Sciences. The Hague: Mouton, 1972.

- Catford J. C. Fundamental problems in phonetics. Indiana University Press. Bloomington and London, 1977.
- Crawford J. M. Cocopa baby talk//IJAL, 1970. Vol.36.
- Davis J. F. Some notes on Luiseño phonology//IJAL, 1976. Vol.42, №3.
- Eastman C. M., Aoki P. K. Phonetic segments of Haida: Hydaburg dialect//Linguistic and literary studies. In honor of Archibald A.Hill. Vol.2. Descriptive linguistics. Ed. by M.A.Jazayery, E.C.Polome, W.Winter. Mouton Publishers. The Hague-Paris. New York. 1978.
- Ferguson Ch. Arabic baby talk//For Roman Jakobson. Essays on the occasion of his birthday. II October 1956. Compiled by M.Halle et al. The Hague: Mouton & Co. 1956.
- Ferguson Ch. Baby talk as a simplified register//Talking to children 1977.
- Foster M. K. Alternating weak and strong syllables in Cayuga words//IJAL, 1982. Vol.48, №1.
- Frachtenberg L. J. Coos//Handbook II. 1969.
- Goddard I. The historical phonology of Munsee//IJAL, 1982. Vol.48, №1.
- Golla V. Tututni (Oregon Athapaskan)//IJAL, 1976. Vol.42, №3.
- Greenberg J. H. Some generalizations concerning glottalic consonants, especially implosives//IJAL, 1970. Vol.36, №2.
- Gudjedjiani C., Palmitis M. Upper Swan: Grammar and Texts//Kalbotyra. Vilnius, 1986. Vol.XXXVII (4).
- Herbert R. K. Language universals, markedness theory, and natural phonetic processes. - Trends in linguistics. Studies and monographs. 25. Mouton de Gruyter, Berlin. N.Y.Amsterdam, 1986.
- Hoard J. E. Obstruent voicing in Gitksan: Some implications for distinctive feature theory//Linguistic Studies of Native Canada. University of British Columbia Press. Vancouver. 1978.
- Hockett C. F. A manual of phonology. Baltimore, 1955.
- Hoijer A. Tonkawa//Handbook III. 1933-1938.
- Hokan Studies. Papers from the first conference on Hokan languages, held in San Diego, California, April 23-25, 1970. Ed. by M.Langdon, S.Silver. Mouton: The Hague-Paris, 1976.
- Horbatsch O. Die Wortbildung und der Wortschatz der Kindersprache im Slavischen//Actes du X-e Congrès international des linguists. Bucarest, 28 août - 2 septembre 1967. Bucarest, 1970. Vol.III.
- Howard Ph. G. A preliminary presentation of Slave phonemes//Studies in Athapaskan languages. University of California Publications in Linguistics. University of California Press. Berkeley and Los Angeles, 1963. Vol. 29.
- Hunt G. R., Hunt R. H. A phonology of the Hanga language. Collected Language Notes Series. Published by Institute of African Studies, University of Ghana. Legon, 1981. N18.
- Jacobsen W. H., Jr. Observations on the Yana stop series in relationship to problems of comparative Hocan phonology//Hocan Studies 1976.

- J a k o b s o n R. Mufaxxama. The "emphatic" phonemes in Arabic//Studies presented to Joshua Whatmough on his sixtieth birthday. Ed. by Ernst Pulgram. 's-Gravenhage: Mouton & Co. 1957.
- J a k o b s o n R. Child language, aphasia and phonological universals. The Hague - Paris, 1968.
- J e s p e r s e n O. Language, its nature, development and origine. L.; N.Y., 1928.
- J e s p e r s e n O. Symbolic value of the vowel i//Jespersen O. Linguistics. Copenhagen, 1933.
- J o r d a n D. Collected field reports on the phonology of Nafara//Collected Language Notes. Published by Institute of African Studies. University of Ghana, 1980. №17.
- J u d y R., E m e r i c h d e J u d y J. Fonemas del Movima: con atencion especial a la serie glotal//Notas linguisticas de Bolivia. Cochabamba, Bolivia. Abril, 1962. №5.
- K a h a n e H., K a h a n e R. The development of the verbal categories in child language//IJAL, 1958. Vol.24, №4.
- K e l k a r A. R. Marathi baby talk//Word, April 1964. Vol. 20, №1.
- K e s s J. F., K e s s A. C. On Nootka baby talk//IJAL, July 1986. Vol.52, №3.
- K i m C. - W. The vowel system of Korean//Language, 1968. Vol. 44, №3.
- K o z l o w s k i E. Remarks on Havasupai phonology//IJAL, 1976. Vol.42, №3.
- K u i p e r s A. H. The Squamish language. Grammar, texts, dictionary. Mouton: The Hague - Paris, 1967.
- K u i p e r s A. H. The Shuswap language. Grammar, texts, dictionary. Mouton: The Hague - Paris, 1974.
- L i c c a r d i M., G r i m e s J. Itonama intonation and phonemes // Linguistics. An International Review. 1968. №38.
- L i g h t n e r T. M. On deglottalization in Klamath // IJAL, 1976. Vol.42, №1.
- L o n g a c r e R. E. Comparative reconstruction of indigenous languages//Current trends in linguistics. 4. Ibero-American and Caribbean linguistics. Mouton, 1968.
- M a l o t k i E. Hopi time. A linguistic analysis of the temporal concepts in the Hopi language. Mouton Publishers. Berlin. N.Y. Amsterdam. - Trends in linguistics. Studies and Monographs. 20. Ed. W. Winter. 1983.
- M a n a s t e r - R a m e r A. Genesis of Hopi tones // IJAL, April 1986. Vol.52, №2.
- M a t t i n a A. Phonology of Alaskan Escimo, Kuskokwim dialect // IJAL, 1970. Vol.36, №1.
- M i x c o M. Historical implications of some Kiliwa phonological rules // Hohan Studies 1976.
- N i c k o l s J. Diminutive consonant symbolism in western North America//Language. Journal of the Linguistic Society of America, 1971. Vol.47, №4.
- O r r C., L o n g a c r e R. Proto-Quechumaran // Language. Journal of the Linguistic Society of America 1968. Vol.44, №3.
- O s w a l t R. L. Baby talk and the genesis of some basic Pomo words // IJAL, 1976. Vol.42, №1.

- P e n z l H . The evidence for phonemic changes // Studies presented to Joshua Whatmough on his sixtieth birthday. Ed. by Ernst Pulgram. Mouton & Co. 's-Gravenhage, 1957.
- P i k e E . G . Controlled infant intonation // Child language. A book of readings. Prentice-Hall, Inc. Englewood Cliffs, New Jersey, 1971.
- P i k e E . V . , I b a c h T h . The phonology of the Mixtepec dialect of Mixtec // Linguistic and literary studies. In honor of Archibald A.Hill. Vol.2. Descriptive linguistics. Mouton : The Hague; Paris; N.Y. 1978.
- P i k e E . , S c o t t E . The phonological hierarchy of Marinahua // Phonetica, 1962. Vol.8.
- P r i c e P . D . Southern Nambiquara phonology // IJAL, 1976. Vol. 43, №4.
- P r i e s t P . Phonemes of the Siriono' language // Linguistics. An International Review. July, 1968. Vol.41.
- R e i c h a r d G . A . Coer d'Alene // Handbook III.1933-1938.
- R e n s c h C . R . , R e n s c h C . M . The Lalana Chinantec syllable // Summa anthropologica en homenaje a Roberto J.Weitlaner. Instituto Nacional de Anthropologia e Historica. México, 1966.
- R e u s e W . J . , de. The lexicalization of sound symbolism in Santiago del Estero Quechua // IJAL, January 1986. Vol. 52, № I.
- R i c h F . Arabela phonemes and high-level phonology//Studies in Peruvian Languages: I.-Summer Institute of Linguistics. Publications in linguistics and related fields. Publ. №9.
- R o s b o t t o m H . Phonemes of the Guaraní language // Linguistics. An International Review. Mouton, 1968. Vol.38.
- R ū k e - D r a v i ņ a V . Modification of speech addressed to young children in Latvian // Talking to children 1977.
- S a m a r i n W . J . Inventory and choice in expressive language // Linguistic and literary studies. In honor of Archibald A.Hill. Vol2. Descriptive Linguistics. The Hague; Paris; N.Y. 1978.
- S a p i r E . Abnormal types of speech in Nootka // Canada Department of Mines, Geological Survey, Memoir 62, Anthropological Series. Ottawa : Government Printing Bureau, 1915. № 5.
- S a p i r E . Glottalized continuants in Navaho, Nootka, and Kwakiutl (with a note on Indo-European) // Language. Journal of the Linguistic Society of America 1938. Vol.14, №4.
- S a p i r E . The Takelma language of South-Western Oregon // Handbook II. 1969.
- S h e r z e r J . An areal-typological study of American-Indian languages north of Mexico. - North Holland linguistic series. Ed. by S.C. Dik and J.G.Kooij. North-Holland Publishing Company : Amsterdam; N.Y., 1976.
- S m i t h K . D . Laryngealization and de-laryngealization in Sedang phonemics // Linguistics. An International Review, April 1968. Mouton : The Hague; Paris. Vol.38.
- S o m m e r f e l t A . Consonant quantity in Celtic // Sommerfelt A. Diachronic and synchronic aspects of language. Selected articles. Mouton & Co. 's-Gravenhage, 1962.

- Sommerfelt A. The structure of the consonant system of the Gaelic of Torr, Co. Donegal // Sommerfelt A. Diachronic and synchronic aspects of language. Selected articles. Mouton & Co. 's-Gravenhage, 1962.
- Swanton J. R. Tlingit // Handbook I. 1969.
- Talking to Children. Language input and acquisition. Ed. by S.E.Snow and Ch.A.Ferguson. Cambridge: L., N.Y.; Melbourne. Cambridge University Press, 1977.
- Thomson G. E. The origine of Blackfoot geminate stops and nasals // Linguistic studies of native Canada. Eds. E.Cook and J.Kaye. Vancouver : University of British Columbia Press, 1978.
- Wagner G. Juchi // Handbook III. 1933-1938.
- Waterhouse V. G. Another look at Chontal and Hoka// Hoka Studies 1976.
- Webb N. M. A statement of some phonological correspondences among the Pomo languages // Supplement to IJAL, July 1971. Vol.37, №3. Part II. Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics, Memoire 26 of the IJAL.
- Williams A. F., Pike E. V. The phonology of Western Popoloca // Lingua. International Review of General Linguistics. Amsterdam, 1968. Vol. 20, №4.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Источники

- Арч.яз. - Кибрик А.Е., Колзасов С.В., Оловянная И.П., Самодов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка. Лексика, Фонетика. М., 1977. Том I.
- Афр.яз. - Африканское историческое языкознание. М., 1987.
- ВЯ - Вопросы языкознания.
- ИЯИ - Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т.I.
- Ист. грам. - Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
- Теор. осн. - Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982.
- ЯН I - Языки народов СССР. Индоевропейские языки. М., 1966. Т.I.
- ЯН III - Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т.III.
- ЯН IV - Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. Т.IV.
- ЯН V - Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-манчжурские и палеоазиатские языки. М., 1968. Т.V.
- Handbook I. 1969. - Handbook of American Indian languages by Franz Boas. Oosterhout N.B. The Netherlands, 1969. Part I.
- Handbook II. 1969. - Handbook of American Indian languages by Franz Boas. Oosterhout N.B. The Netherlands, 1969. Part II.
- Handbook III. 1933-1938. - Handbook of American Indian languages by Franz Boas. Columbia University Press, 1933-1938. Part III.
- IJAL - International Journal of American Linguistics.

Названия языков и диалектов

абаз.	- абазинский	рус.	- русский
абж.	- абжуйский д-т абхазского	сахал.	- сахалинский д-т
абх.	- абхазский		нивхского
авар.	- аварский	сван.	- сванский
агул.	- агульский	с.-хорв.	- сербохорват-
алыг.	- адыгейский		ский
акк.	- аккинский д-т чеченского	ср.-с.-хорв.	- средне-
ало.	- албанский		сербохорватский
англ.	- английский	ст.-слав.	- старославян-
анл.	- андийский		ский
араб.	- арабский	таб.	- табасаранский
арм.	- армянский	тадж.	- таджикский
арч.	- арчинский	тап.	- тапанский д-т
ахв.	- ахвахский		абазинского
ашхар.	- ашхарский д-т абазинского	тем.	- темиргоевский
балк.	- балкарский		д-т адыгейского
бежт.	- бежтинский	тох.	- тохарский
белф.	- белфастский говор английского	тюрк.	- турецкий
берб.	- берберский	узб.	- узбекский
бесл.	- бесленеевский д-т кабардинского	укр.	- украинский
бжед.	- бжедугский д-т адыгейского	фр.	- французский
бзыб.	- бзыбский д-т абхазского	хетт.	- хеттский
болг.	- болгарский	цах.	- цахурский
ботл.	- ботлихский	цез.	- цезский
гин.	- гинухский	чам.	- чамалинский
греч.	- греческий	черк.	- черкесский д-т
груз.	- грузинский		кабардинского
ларг.	- ларгинский	чеч.	- чеченский
лиг.	- лигорский д-т осетинского	язг.	- язгуламский
др.-англ.	- древнеанглийский	япон.	- японский
др.-инд.	- древнеиндийский		
дунг.	- дунганский		
и.-е.	- индоевропейский		
ирон.	- иронский д-т осетинского		
исп.	- испанский		
каб.	- кабардинский		
карат.	- каратинский		
карач.	- карачаевский		
коман.	- команче		
кор.	- корейский		
кудар.	- кударский д-т осетинского		
кум.	- кумыкский		
курд.	- курдский		
лаз.	- лазский		
лак.	- лакский		
лат.	- латинский		
лезг.	- лезгинский		
лти.	- латышский		
макед.	- македонский		
мальт.	- мальтийский		
мегр.	- мегрельский		
нем.	- немецкий		
нивх.	- нивхский		
ног.	- ногайский		
норт.	- нортумберийский д-т английского		
осет.	- осетинский		
палест.	- речь палест. арабов		
польск.	- польский		
рут.	- рутульский		

СИМВОЛЫ

С	- согласный	ĩ	- звонкий латеральный спирант
R	- сонорный	ʎ	- латеральная аффриката
N	- назальный	ɦ	- звонкий ларингал
T	- шумный смычный	ɦ̥	- глухой эмфатизованный ла- рингал
P	- билабиальный	ɦ̥̥	- звонкий эмфатизованный ларингал
S	- спирант	ɦ̥̥̥	- глухой эмфатический ларингал
/C/	- фонема	ḡ	- звонкий велярный спирант
[C]	- звук, фон	Δ	- кликс
{C}	- глубинная фонема	V	- гласный
Cʰ	- глоттализованный	Ṽ	- назализованный гласный
Cʰ̥	- придыхательный	ṽ	- фарингализованный гласный
Cʲ	- палатализированный	ṽ̥	- краткий гласный
Cʷ	- лабиализованный	ṽ̥̥	- долгий гласный
Cᵛ	- дентолабиализованный	Vˠ	- дифтонг типа au
Ṣ(Cᵐ)	- назализованный	Vˠ̥	- дифтонг типа aw
ᵐC	- преназализованный	Cᵛ	- дифтонг типа wa
Ḡ	- геминированный		
Ḷ	- фарингализованный		
Ḷ̥	- слоговый		
Ḷ̥̥	- глухой, оглушенный		
Ḷ̥̥̥	- церебральный		
Ḷ̥̥̥̥	- эмфатический		
Ḷ̥̥̥̥̥	- увулярный спирант		
Cᶜ	- комплексный согласный		
ʔ	- гортанная смычка		
j(y)	- палатальный сонорный		
ʎ	- глухой латеральный спирант		

SUMMARY

The book investigates some questions concerning the problem of correlation between the centre and periphery of phonemic systems.

The centre of the phonemic system is made up of the basic phonotypes, which all the world's languages normally possess, and which constitute the invariant of the phonemic system of human language. Among the central consonants are, as a rule, labials, dentals and velars. The degree of markedness of the consonants increases in the direction from the centre to the periphery of the system.

Chapter I deals with the problem of the "specialized baby lexicon" (SBL), i.e. that reduced and specialized form of speech by which adults often find appropriate to communicate with children of the age between 1 and 2,5 years old. Besides the generalizations made on the previously described SBL data (in the works by Ch. Ferguson, R. Austerlitz, etc), the author introduced for the first time the extensive Caucasian SBL material, collected during field work in the Caucasus (as well as the SBL of non-Caucasian languages, collected by the author from native speakers). An analysis of the specific features, characterizing the phonetic peculiarities of the SBL is given here, as well as the specific phonetic derivational processes involved. According to the conclusion made, besides the fact, that this problem is of independent interest, its investigation leads to the inference that adults, while deriving the SBL, make an intuitive estimate of the stratificational layers of their own language's phonemic system. According to this estimate adults, while communicating with small children, use, as a rule, central (basic) phonemes. The general tendency during this process is, therefore, to substitute the more peripheral and, subsequently, more marked phonemes by more central and less marked ones. It is important to note, that the mere process of substitution turns out to become semiotically marked, thus signalling the shift from the standard, normal form (style) of speech to the deviant one. The centre of the phonemic system, intuitively singled out by adults as a result of the derivational processes is practically congruent with the phonemic minimum as represented in the world's languages.

Chapter 2 deals with the periphery of phonemic system, i.e. with complex consonants: aspirated, glottalized, nasalized, palatalized, and labialized consonants. The analysis contains both syntagmatic and paradigmatic characteristics of these complex consonants, as well as the data, concerning the corresponding features of the phonemic correlates of the modifiers, which constitute the above-mentioned phonotypes: i.e. of the laryngals *h*, *ʔ* and sonorants *m*, *n*, *j*, *w*. All

these consonants, as it is known, are characterized by specific features, distinguishing them from the other groups of consonants. Laryngals, by their nature, are marginal phonotypes, they may function either on the segmental or the suprasegmental levels of the phonological structure; sonorants, on the other hand, may represent both consonantal, or vowel (syllabic) phonotypes. All these consonants, at last, may function as "auxiliary" phonemes. The author argues in favour of the view, that the above-mentioned complex consonants are specific types of consonant clusters, namely, deep clusters, i.e. such combinations of consonants, the degree of association of which is extremely great, and therefore, on the surface phonological level they behave as, and actually are, monophonemes (or unitary phonemes), preserving at the same time, some features of their inherently complex nature. The deep cluster nature of such consonants (as well as of affricates) can be observed both in synchrony and in diachrony. The produced data correlate with the laws of the order of acquisition of phonemes by children as well as with the order of loss of phonemes by aphasics (cf. R. Jakobson).

In Chapter 3 the question of pulsations of phonemic systems in diachrony is investigated. Phonemic systems undergo various changes both of qualitative and quantitative nature, which tend to repeat through periods of time. Phonemic system may extend its segmental inventory, then reduce it, and extend it again. Repeated phonetic changes may touch phonological system as a whole, or/and its separate parts. These cyclic alternations usually involve periphery of phonemic system, while its centre remains comparably stable.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Фонологические особенности специализированного детского лексикона.	5
I.0.0. Специализированный детский лексикон.	5
I.1.0. Каноническая фонологическая структура.	10
I.2.0. Порождение СДЛ. Фонетические средства.	16
I.3.0. Звуковой символизм и экспрессивность СДЛ.	28
I.4.0. Просодические особенности СДЛ.	35
I.5.0. Фонемный инвентарь СДЛ и его отношение к стандартной ("взрослой") системе фонем.	36
I.6.0. Диахронический аспект.	44
Глава II. Типология комплексных согласных	47
2.0.0. Комплексные согласные как периферия фонемной системы.	47
2.1.0. Аспирация (C^h).	49
2.2.0. Глоттализация ($C^?$).	60
2.3.0. Назализация (C^n).	77
2.4.0. Палатализация (C^j).	88
2.5.0. Лабиализация (C^w).	96
2.6.0. Проблема глубинных кластеров.	103
Глава III. Диахроническая пульсация фонемных систем	120
3.0.0. Циклическая повторяемость языковых изменений. .	120
3.1.0. Качественные пульсации фонемных систем в диахронии.	121
3.2.0. Количественные пульсации фонемных систем в диахронии.	124
Литература.	129
Символы.	137
Принятые сокращения.	139
Summary.	140

TABLE OF CONTENTS

Introduction.....	3
Chapter I. Phonological Features of Specialized Baby Lexicon..	5
I.0.0. Specialized Baby Lexicon.....	5
I.1.0. Canonical Phonological Structure.....	10
I.2.0. Derivation of SBL. Phonetic Means.....	16
I.3.0. Sound Symbolism and Expressiveness of SBL.....	28
I.4.0. Prosodic Features of SBL.....	35
I.5.0. The SBL Phonemic Inventory and its Relation to the Standard (Adult) Phonemic System	36
I.6.0. Diachronic Aspect.....	44
Chapter II. Typology of Complex Consonants.....	47
2.0.0. Complex Consonants as the Periphery of Phonemic System.....	47
2.1.0. Aspiration (C^h)	49
2.2.0. Glottalization ($C^?$)	60
2.3.0. Nazalization (C^n)	77
2.4.0. Palatalization (C^j).....	88
2.5.0. Labialization (C^w)	96
2.6.0. The Problem of Deep Clusters.....	103
Chapter III. Diachronic Pulsation of Phonemic Systems.....	120
3.0.0. Cyclic repeatedness of Sound Changes.....	120
3.1.0. Qualitative Pulsations of Phonemic Systems in Diachrony.....	121
3.2.0. Quantitative Pulsations of Phonemic Systems in Diachrony.....	124
Bibliography.....	129
Abbreviations.....	137
Symbols.....	139
Summary.....	140

Научное издание

ЧИРИКБА Вячеслав Андреевич
АСПЕКТЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства Е.Ю. Ж о л у д ь
Художник А.Г. К о б р и н
Художественный редактор И.Ю. Н е с т е р о в а
Технический редактор Н.В. В и ш н е в с к а я

ИБ № 47564

Подписано к печати 14.01.91
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 9,0. Усл.кр.-отт. 9,3. Уч.-изд.л. 10,3
Тираж 650 экз. Тип.зак. 1043. Цена 2р.10к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Издание отпечатано с оригинала,
подготовленного Институтом языкознания АН СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. А. ЧИРИКБА

АСПЕКТЫ
ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ТИПОЛОГИИ

· НАУКА ·

2 р. 10 к.

В А Ч И Р И К Ъ А А С П Е К Т Ы Ф О Н О Л О Г И Ч Е С К О Й Т И П О Л О Г И И